ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА

Эпизоды революционной войны

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Эпизоды революционной войны", впервые переведенные на русский язык, не только помогают понять важные исторические аспекты выдающегося явления нашего времени - кубинской революции, особенно ее военные аспекты, связанные со становлением и развитием Повстанческой армии, но и будят высокие гражданские чувства, заставляют глубже задуматься над ролью и предназначением человеческой личности в современном сложном и бурном мире.

- Гевара де ла Серна Эрнесто "Че"
  -
  - От автора
  - Начинающаяся революция
  - Алегрия-де-Пио
  - По воле волн
  - Бой у Ла-Платы
  - Бой у Арройо-дель-Инфьерно[5]
  - Нападение с воздуха
  - Засада у Альтос-де-Эспиносы
  - Конец предателя
  - Горькие дни
  - Подкрепление
  - Период закалки
  - Знаменитое интервью
  - Походные дни
  - Прибытие оружия
  - Бой за Уверо
  - Спасая раненых
  - Возвращение
  - Назревает измена
  - Атака на Буэйсито
  - Бой в Эль-Омбрито
  - Пино-дель-Агуа
  - Чрезвычайное происшествие
  - Борьба против бандитизма
  - Убитый щенок
  - Бой за Мар-Верде
  - Альтос-де-Конрадо
  - Год вооруженной борьбы
  - Второй бой около Пино-дель-Агуа
  - Пино-дель-Агуа

    - Наши силы крепнут
    - Решающее совещание
    - Завершающее наступление. Бой за Санта-Клару
    - Ошибка революции
    - Лидия и Клодомира
    - Эль Патохо
    - Письма Фиделю
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23

Гевара де ла Серна Эрнесто "Че"

Эпизоды революционной войны

"Эпизоды революционной войны", впервые переведенные на русский язык, не только помогают понять важные исторические аспекты выдающегося явления нашего времени - кубинской революции, особенно ее военные аспекты, связанные со становлением и развитием Повстанческой армии, но и будят высокие гражданские чувства, заставляют глубже задуматься над ролью и предназначением человеческой личности в современном сложном и бурном мире.

(О. Дарусенков)

От автора

Много времени думали мы над тем, как написать историю нашей революции, охватив все ее многочисленные аспекты и грани. Руководители революции неоднократно, как в частных беседах, так и публично, выражали желание написать такую историю. Однако у всех нас много работы, годы проходят, и память о повстанческой борьбе растворяется в прошлом. События, которые уже стали достоянием истории Америки, описаны недостаточно отчетливо. Поэтому мы и начинаем серию личных воспоминаний о схватках, боях, засадах и сражениях, в которых принимали сами участие. Наша цель состоит вовсе не в том, чтобы воссоздать историческую картину из эпизодов, сохранившихся в памяти отдельных людей, или на основе некоторых личных записей. Как раз наоборот. Мы стремимся к тому, чтобы эта тема была полно развита всеми, кто имел прямое отношение к нашей борьбе.

Каждый из нас, ведя борьбу на протяжении всей войны в определенном географически ограниченном районе, не мог знать во всех деталях о боях и событиях, развертывавшихся в других местах. По нашему мнению, чтобы облегчить задачу описания революции и соблюдать при этом определенную последовательность, можно начать это описание с первого боя, засады в Алегрия-де-Пио, - единственного неудачного для нас боя с участием Фиделя.

Многие участники этого боя остались в живых, и каждого из них мы призываем написать свои воспоминания о нем, чтобы картина была полной. Имеется лишь одна просьба к авторам - быть очень правдивыми, ни в коем случае не допускать никаких искажений в стремлении подкрепить те или иные личные позиции, приукрасить их или приписать себе участие в каких-либо событиях. После того как каждый напишет хоть несколько страниц, он должен очень самокритично просмотреть их и выбросить все то, что не соответствует действительности или в чем автор сомневается. Именно в таком духе и начинаем мы свои воспоминания.

Начинающаяся революция

10 марта 1952 года кубинские военные под руководством Фульхенсио Батисты совершили агрессивный акт - государственный переворот, история которого, разумеется, не начинается в день мятежа. Его предпосылки следует искать в глубине истории Кубы, намного раньше вмешательства в дела страны американского посла Самнера Уэллеса в 1933 году, еще до "поправки Платта" в 1901 году, еще до высадки героя Иарсисо Лопеса, представлявшего на деле интересы североамериканских аннексионистов, и так до тех пор, пока мы не доберемся до корней этого процесса во времена Джона Куинси Адамса, который в начале XIX века сформулировал константу политики своей страны в отношении Кубы следующим образом: яблоко, упавшее с дерева Испании, неизбежно должно попасть в руки дядюшки Сэма. Таковы звенья длинной цепи агрессий, которые совершаются на нашем континенте не только против Кубы.

Эти приливы и отливы, возникновение и прекращение имперских войн отмечены соответственно победами реакции или возникновением демократических правительств в результате неудержимого напора масс. Этот исторический процесс почти одинаков во всех странах Латинской Америки: диктаторские правительства, представляющие ничтожные меньшинства, приходят к власти в результате государственных переворотов; демократические правительства, имеющие широкую народную поддержку, пробиваются с большим трудом и очень часто еще до взятия власти бывают связаны обязательствами, на которые им пришлось пойти, чтобы удержаться у власти. И хотя кубинская революция в этом смысле является исключением в Америке, необходимо было напомнить историю этого процесса, потому что автор этих строк, подхваченный волной социальных движений, потрясающих Америку, благодаря указанным обстоятельствам получил возможность встретиться с другим американским изгнанником - Фиделем Кастро.

Я познакомился с ним в одну из прохладных ночей, какие бывают в Мехико, и помню, что при первой встрече мы обсуждали вопросы международной политики. В ту же ночь, спустя несколько часов, на рассвете, я уже стал одним из участников будущей экспедиции. Но мне нужно рассказать, как и почему я познакомился с нынешним главой правительства Кубы. Это был 1954 год - момент отлива для демократических правительств, когда последняя американская революционная демократия, которая удерживалась у власти в этом районе правительство

Хакобо Арбенса, - была свергнута в результате агрессии, хладнокровно обдуманной и осуществленной Соединенными Штатами Северной Америки под покровом дымовой завесы, устроенной их континентальной пропагандистской машиной. Ее очевидным руководителем был государственный секретарь Фостер Даллес, который, как ни странно, являлся одновременно адвокатом и акционером "Юнайтед фрут компани" - основного империалистического предприятия в Гватемале.

Мне пришлось покинуть эту страну, переживая горечь поражения, испытывая боль вместе со всеми гватемальцами, надеясь и стараясь найти способ переделать судьбу этой охваченной горем страны. Фидель тоже прибыл в Мексику в поисках нейтральной почвы для подготовки своих людей к большому делу. Позади остался внутренний раскол, возникший после нападения на казарму Монкада, когда откололись все малодушные, те, кто по той или иной причине присоединились к политическим партиям или революционным группам, обязывавшим их членов к меньшим жертвам. Новые силы вливались в славные ряды "Движения 26 июля", получившего свое название в честь даты нападения на казарму Монкада в 1953 году. Начиналась труднейшая работа для тех, кто должен был подготовить этих людей в условиях неизбежного в Мексике подполья, противостоя мексиканскому правительству, агентам американского ФБР и агентам Батисты - этой сплетавшейся так или иначе тройственной комбинации, в которой большую роль играли корысть и подкуп. Кроме того, надо было бороться против шпионов Трухильо. К тому же приходилось сталкиваться с неудачным подбором людей для нас, особенно в Мехико. Но, одолев все эти трудности, мы должны были суметь сделать нечто очень важное - отплыть и затем прибыть на место, а также осуществить все остальное, что в тот момент нам казалось легким делом. Сегодня мы можем оценить, каких усилий и жертв, скольких жизней все это стоило.

Опираясь на маленькую группу близких друзей, Фидель Кастро вложил все свои способности и необычайное трудолюбие в подготовку вооруженного отряда для отправки на Кубу. Сам он почти никогда не бывал на уроках по военному делу, потому что у него не хватало на это времени. Мы же, остальные, смогли довольно многому научиться у генерала Альберто Байо. Уже на первых занятиях ко мне сразу пришла уверенность в возможности победы, казавшейся мне весьма сомнительной в момент, когда я присоединился к мятежному майору, с которым меня с самого начала связали узы романтической симпатии, как любителя приключений, и мысль о том, что стоит умереть на чужом берегу

за столь чистый идеал.

Прошло несколько месяцев. Мы начали постигать искусство стрельбы, и среди нас появились снайперы. Подыскав ферму в Мехико, мы под руководством генерала Байо (я в то время занимался подбором кадров) приступили к последним тренировкам, рассчитывая отправиться в путь в марте 1956 года. Однако в то время две мексиканские полицейские организации, которые находились на содержании у Батисты, охотились за Фиделем Кастро. Одна из них добилась успеха, задержав его. Однако она каким-то чудом не расправилась с Кастро сразу после ареста. Несколько дней спустя были схвачены многие другие участники движения. Полиция захватила также нашу ферму, расположенную в предместьях Мехико, и все мы попали в тюрьму.

Все это не позволило завершить первый этап нашего плана. Некоторые из нас провели в заключении пятьдесят семь суток, считая каждый день и постоянно ощущая нависшую над своей головой угрозу выдачи (свидетелями того являемся мы с Каликсто Гарсия). Но никогда мы не теряли личного доверия к Фиделю Кастро. И это несмотря на то, что некоторые поступки Фиделя позволяли говорить о том, что ради друга он был готов поступиться интересами дела. Я, помнится, изложил ему обстоятельства моего дела: иностранец, находящийся на нелегальном положении в Мексике, против которого выдвинут целый ряд обвинений. Я сказал ему, что ни в коем случае из-за меня не должна задерживаться революция, что я отдаю себе отчет в сложившейся ситуации и попытаюсь включиться в борьбу из того места, в которое меня вышлют, и что лишь нужно добиваться, чтобы меня отправили в одну из близлежащих стран, а не в Аргентину. Я помню также решительный ответ Фиделя: "Я не оставлю тебя". Так и вышло: пришлось потратить время и деньги, чтобы вызволить меня из мексиканской тюрьмы. Такое поведение Фиделя в отношении людей, которых он ценит, является ключом к пониманию той огромной любви к нему, когда к приверженности, основанной на принципах, присоединяется приверженность личного характера, что превращает Повстанческую армию в нерушимый монолит.

Шли дни работы в подполье. Мы прятались где могли, по возможности избегали появляться на людях, почти не выходили на улицу. По прошествии нескольких месяцев стало известно, что в наших рядах имеется предатель, имя которого мы не знали, и что он уже выдал партию оружия. Нам стало известно также, что он выдал яхту и передатчик, хотя и не успел еще совершить "купчую". В своем первом доносе предатель постарался показать кубинским властям, что он действительно был в курсе наших дел.

Но это спасло нас; мы знали, что известно предателю. С этого момента началась лихорадочная деятельность. "Гранма" была подготовлена к выходу чрезвычайно быстро: съестные припасы, которые, по правде говоря, удалось достать в небольшом количестве, были свалены грудами вперемешку с обмундированием, винтовками, амуницией и двумя противотанковыми ружьями, к которым почти не было патронов. Наконец 25 ноября 1956 года в два часа ночи мы приступили к выполнению того, о чем говорил Фидель и что стало поводом для издевок в проправительственной печати. "В 1956 году мы станем свободными или мучениками", - заявил он.

С потушенными огнями покинули мы порт Туспан. Яхта была страшно перегружена людьми и различным снаряжением. Погода стояла очень плохая, но устье реки продолжало оставаться спокойным, хотя навигация была запрещена. Мексиканский порт остался позади, и спустя немного времени были зажжены огни. Мы лихорадочно стали искать лекарство от морской болезни, но так и не нашли его. Были спеты кубинский национальный гимн и гимн "26 июля" - все это длилось, наверное, не более пяти минут. Затем судно стало представлять собой трагикомическое зрелище: люди сидели с мученическими лицами, обхватив руками животы, одни уткнулись головой в ведра, другие распластались в самых неестественных позах. За исключением двух или трех матросов да четырех или пяти пассажиров, все остальные из 82 человек страдали от морской болезни. Однако на четвертый или пятый день общая картина несколько улучшилась. Была обнаружена и причина течи на яхте: оказалось, что в туалете не был закрыт кран. Но к тому времени мы успели выбросить за борт все лишнее, чтобы облегчить судно.

Избранный нами путь описывал дугу к югу от Кубы, проходя около Ямайки и Больших Каймановых островов, а высадка предполагалась в каком-либо месте вблизи поселка Никеро в провинции Орьенте. Осуществление плана шло довольно медленно. 30 ноября мы услышали по радио сообщение о восстании в Сантьяго-де-Куба, поднятом Франком Паисом, который рассчитывал, что оно совпадет с прибытием нашей экспедиции. Ночью 1 декабря мы развернули яхту и взяли курс прямо на Кубу, нетерпеливо высматривая огни маяка на мысе Крус: у нас не хватало воды, топлива и провизии. Находясь в два часа ночи в сплошной темноте при плохой погоде, мы испытывали беспокойство. Марсовые сменяли друг друга, тщетно пытаясь обнаружить луч света на горизонте. Бывший лейтенант военно-морского флота Роке поднялся на маленький верхний мостик в попытке обнаружить огни маяка на мысе Крус, но

потерял равновесие и упал в воду. Некоторое время спустя после возобновления движения мы увидели огни, однако астматический ход нашей скорлупки сделал нескончаемыми последние часы похода. Уже был день, когда мы высадились на Кубе, в месте, которое известно под названием Белик и расположено около Лас-Колорадас.

Какое-то каботажное судно заметило нас и сообщило по радио о своей находке батистовцам. Едва мы успели покинуть яхту, захватив с собой в большой спешке лишь самое необходимое, и забраться в болото, как над нами появилась вражеская авиация. Поскольку болото, по которому мы шли, было покрыто мангровыми зарослями, летчики противника, конечно, не обнаружили нас, но армия диктатуры уже шла по нашим следам.

Нам понадобилось несколько часов, чтобы выбраться из болота, в которое нас завели неопытность и безответственность одного из товарищей, назвавшегося знатоком здешних мест. И вот мы уже на твердой земле, заблудившиеся, спотыкающиеся от усталости и представляющие собой армию призраков, движущихся по воле какого-то механизма. К семи дням постоянного голода и морской болезни добавились три ужасных дня на суше. Ровно десять дней спустя после отплытия из Мексики, на рассвете 5 декабря, после ночного марша, прерывавшегося обмороками от усталости и привалами, мы добрались до места, название которого звучало как насмешка - Алегрия-де-Пио [1] (Святая радость). Это был небольшой островок низкорослого кустарника, охваченный с одной стороны плантацией сахарного тростника, а с другой - несколькими полянками, за которыми начинался густой лес.

Для лагеря это место было неудачным, но мы сделали привал, чтобы отдохнуть здесь день и возобновить поход на следующую ночь.

Алегрия-де-Пио

Мы были обессилены походом не столько длинным, сколько трудным. Высадившись 2 декабря в Лас-Колорадас и потеряв почти все свое снаряжение, мы долго шли в новых ботинках по болотистому побережью. В результате почти все бойцы отряда натерли ноги. Однако новая обувь и растертые ноги были не единственными нашими врагами. Мы прибыли на Кубу без провианта после семидневного путешествия по Мексиканскому заливу и Карибскому морю, начатого 25 ноября из порта Туспан в ненастную погоду, когда навигация была запрещена, отправились на судне, находившемся в плохом состоянии, с непривычки страдая от морской болезни. Все это сказалось на отряде, который состоял из необстрелянных людей.

От моего военного снаряжения остались лишь винтовка, подсумок да несколько отсыревших патронов. Аптечка пропала, большинство вещмешков были брошены в болото. Всю ночь на 5 декабря мы шли по меже плантации сахарного тростника сентраля[2] в Никеро, принадлежавшего в то время Хулио Лобо. Голод и жажду утоляли тростником, неосмотрительно бросая остатки себе под ноги. Правда, батистовские солдаты уже знали о направлении нашего движения, потому что наш проводник, как нам стало известно много лет спустя, был главным предателем и навел их на след нашего отряда. Отпустив этого проводника накануне ночью, мы допустили ошибку, которую не раз повторяли в ходе последующей борьбы, пока не поняли, что ненадежных людей из местного населения нельзя оставлять без надзора, когда находишься в опасном районе.

На рассвете 5 декабря среди нас оставалось мало тех, кто мог двигаться дальше. Пройдя совсем немного, люди просили сделать привал подольше, многие теряли сознание. Поэтому был отдан приказ становиться в редком кустарнике, находившемся около плантации сахарного тростника в относительной близости от густого леса. Большинство сразу же уснуло.

К середине дня появились признаки необычного оживления: поблизости стали кружить самолеты "байбер" и авиетки, принадлежавшие армии и частным лицам. Некоторые из нас машинально продолжали резать тростник, не думая о том, что их могут обнаружить с вражеских самолетов, пролетавших на небольшой высоте. Я, как врач, обрабатывал у товарищей потертые ноги. Я помню, как сделал последнюю перевязку Умберто Ламоте, для которого тот день оказался роковым. В моей памяти запечатлелся усталый, грустный вид Умберто, тяжело

передвигавшегося от походного лазарета к своему месту, с ботинками в руках, которые он не мог уже одеть.

Мы с товарищем Монтанэ прилегли, прислонившись головой к дереву, и беседовали о наших детях, поглощая скудный паек, состоявший из половинки копченой сосиски с двумя галетами, как вдруг раздался выстрел, за которым через несколько секунд на нашу группу из 82 человек обрушился шквал пуль, по крайней мере, так показалось моему встревоженному воображению в момент этого боевого крещения. Моя винтовка была не из лучших. Я умышленно попросил оружие похуже, поскольку мое физическое состояние после длительного приступа астмы, продолжавшегося в течение всего нашего путешествия по морю, было плачевным и я не хотел, чтобы хорошее оружие пропадало в моих руках.

Я не могу вспомнить во всех деталях, как все это случилось, - в памяти многое стерлось. Припоминаю лишь, что во время перестрелки ко мне подбежал Альмейда (он был тогда капитаном), чтобы узнать, какой приказ был отдан, но в тот момент уже не было около нас никого, кто мог бы отдать его. Как мне стало известно потом, Фидель тщетно пытался собрать людей в зарослях сахарного тростника, от которых нас отделяла всего лишь межевая полоса. Неожиданность была слишком большой, а огонь слишком плотным. Альмейда вернулся к своей группе.

Один из бойцов бросил ящик с патронами почти у моих ног. На мое замечание по этому поводу он ответил: "Не время сейчас для ящиков с патронами" - и побежал к зарослям тростника. Мне хорошо запомнилось выражение испуга на его лице. (Позднее этот боец погиб от пули батистовца.)

Вероятно, именно тогда передо мной впервые встал вопрос: кто же я врач или солдат? Около меня лежал вещмешок с медикаментами и ящик с патронами. Они были слишком тяжелы, чтобы нести их вместе, и я, взяв с собой ящик с патронами, побежал к зарослям тростника. Я очень хорошо помню, как Фаустино Перес, остановившись на меже, с колена стрелял из автомата. Рядом со мной к тростнику бежал товарищ по имени Арбентоса. Одна и та же очередь настигла нас. Я почувствовал сильный удар в грудь и шею. Мне показалось, что я погибаю. У Арбентосы лилась кровь из носа и рта. Крикнув что-то вроде "я умираю", он начал стрелять. Казалось, Арбентоса сошел с ума, потому что в тот момент никого не было видно. Лежа на земле, я окликнул Фаустино и сказал ему, что "мне пришел конец" (в действительности слова были покрепче). Не прекращая вести огонь, он бросил на меня взгляд и сказал. что это пустяки. Однако по выражению его глаз я понял, что означала моя рана.

Следуя инстинкту самосохранения, я сделал выстрел в сторону леса. Затем стал думать о том, как бы дороже отдать свою жизнь. И в момент, когда казалось, что все пропало, я вспомнил старый рассказ Джека Лондона, в котором герой, прислонившись к дереву, готовится с достоинством уйти из жизни, зная о том, то ему суждено замерзнуть в ледовой Аляске. Это был единственный образ, о котором я вспомнил в тот момент. Кто-то, стон на коленях, стал кричать, что нужно сдаваться. И тогда сзади раздался голос, который, как я потом узнал, принадлежал Камило Сьенфуэгосу. Он прокричал: "Мы не сдаемся !.." - добавив затем крепкое словечко.

Ко мне приблизился взволнованный Понсе. Он дышал прерывисто: очевидно, пуля попала ему в легкие. Он сказал мне, что ранен. С полным безразличием я ответил ему, что тоже ранен. Понсе пополз дальше к зарослям тростника вслед за другими бойцами. Какое-то время я лежал один в ожидании смерти. Появился Альмейда и уговорил меня идти дальше. Несмотря на боль, я поднялся, и мы вместе добрались до тростника. Там я увидел товарища Рауля Суареса, которому пуля раздробила большой палец на руке, и Фаустино Перес делал ему перевязку около дерева. Затем все смешалось под пулеметным огнем низко летящих авиеток. Картины из дантова ада чередовались с гротеском: один здоровенный боец пытался спрятаться за тростниковый стебель, а другой, сам не зная для чего, просил тишины, в то время как кругом грохотали выстрелы.

Альмейда собрал группу, в которую входили кроме нас с ним нынешний майор Рамиро Вальдес, бывший тогда лейтенантом, и товарищи -Чао и Бенитес. о главе с Альмейдой мы пересекли последнюю межу и достигли спасительного леса. Как раз в этот момент со стороны зарослей тростника раздались крики "Огонь!" и поднялись клубы дыма и языки пламени. Однако я не могу точно сказать, что там произошло, потому что тогда думал больше о горечи поражения и близости смерти, нежели о бое. Мы шли до тех пор, пока ночь не заставила нас остановиться на отдых. Атакуемые москитами, снедаемые голодом и жаждой, мы легли спать, сгрудившись в кучу. Таким было наше боевое крещение 5 декабря 1956 года неподалеку от Никеро. Так начала коваться будущая Повстанческая армия.

По воле волн

На следующий день после засады у Алегрия-де-Пио мы шли по лесу, где красная почва чередовалась с каменистыми участками, прислушиваясь к одиночным выстрелам, раздававшимся со всех сторон, и не придерживаясь какого-либо определенного направления. Чао - ветеран гражданской войны в Испании - высказал мнение, что если мы будем продолжать идти так, то неизбежно нарвемся на вражескую засаду, и предложил дождаться ночи в каком-либо укромном месте и только потом идти дальше.

У нас оставалась всего одна банка сгущенного молока, почти не было воды. Случилось так, что Бенитес, которому поручили нести банку, сунул ее в карман продырявленной стороной вниз, и когда мы приготовились получить наш паек - тюбик из-под витаминов, наполненный сгущенным молоком, и глоток воды, - то с горечью увидели, что все наше молоко вылилось в карман и растеклось по обмундированию Бенитеса.

Мы расположились в похожем на пещеру укрытии, которое обеспечивало нам обзор только с одной стороны. Мои товарищи больше беспокоились о том, чтобы их не обнаружили, и меньше думали об обороне. Решили провести целый день в этом укрытии, Здесь мы все пятеро - Рамиро Вальдес, Хуан Альмейда, Чао, Бенитес и автор этих строк - дали друг другу клятву сражаться до смерти. Пройдя через испытание ужасного поражения, мы все выжили в последующей борьбе.

Ночью тронулись в путь. Используя свои познания в астрономии, я отыскал Полярную звезду, и в течение двух дней наша группа двигалась по ней на восток, пока не достигла Сьерра-Маэстры, Много времени спустя я узнал, что звезда, которая позволила нам сориентироваться в направлении востока, не была Полярной и что лишь благодаря случайности мы двигались в нужном направлении, пока рассвет не застал нас у самого берега моря. Нас отделяла от него крутая скала около пятидесяти метров высотой, а внизу виднелась манящая к себе канава, в которой была, по всей видимости, пресная вода. Больше всего нас мучила жажда. Ночью появилось множество крабов, и, чтобы утолить голод, мы убили несколько штук. Поскольку нельзя было разводить огня, съели их сырыми. От этой пищи нам еще больше захотелось пить.

Долго искали спуск к воде, но, пока ходили взад и вперед, канава, которая была видна сверху, исчезла. Нам удалось немного утолить жажду водой, которая сохранилась от недавнего дождя в

порах камней. Мы высасывали ее при помощи ингалятора. На каждого пришлось всего лишь по нескольку капель.

Двигались с трудом, точно не зная куда. Иногда над морем пролетали самолеты. Идти по рифам было очень трудно, и некоторые из нас предлагали продвигаться но узкой полосе побережья, но этот путь был опасным - нас могли увидеть. В конце концов мы сделали привал в тени кустарника, ожидая захода солнца. Когда стало смеркаться, мы нашли маленький пляж и выкупались.

Я сделал попытку повторить то, о чем читал не то в какой-то полунаучной публикации, не то в романе, где говорилось, что если пресную воду разбавить на дну треть морской, то такая вода делается вполне пригодной для питья. Мы так и поступили с остатками воды во фляжке. Результат был плачевным: получилось соленое пойло. Это вызвало критику в мой адрес со стороны товарищей. Немного освежившись после купания, продолжили путь. Уже наступила ночь, и, помнится, ярко светила луна. Мы с Альмейдой, шагая впереди, неожиданно увидели в одном из шалашей, которые обычно строятся на берегу рыбаками, чтобы укрыться от непогоды, спящих людей. Мы подумали, что это батистовцы. Они были так близко, что нам незамеченными нельзя было уйти. Мои товарищи двинулись к ним. Альмейда собрался было уже закричать "Руки вверх!", как вдруг остановился от неожиданности. Все обрадовались приятному сюрпризу: это были три участника экспедиции - Камило Сьенфуэгос, Панчо Гонсалес и Пабло Уртадо. Сразу же завязался разговор. Люди стали делиться впечатлениями, рассказывали о пережитом в бою и о том, что знали других товарищах. Группа Камило угостила нас срезанным перед боем тростником, сладкий сок которого на время позволил забыть о голоде. Они смело жевали крабов, поскольку нашли способ утолять жажду, высасывая воду из трещин скал при помощи трубочки или полой тростинки.

Дальше шли вместе. Нас было теперь восемь бойцов, отставших от отряда с "Гранмы", и мы не знали, остался ли кто-нибудь еще в живых. Можно было только предполагать, что существуют и другие группы, вроде нашей. О нашем местонахождении мы не имели даже приблизительного представления. Знали только одно: если море справа от нас, то мы идем на восток, то есть к Сьерра-Маэстре, где должны были укрыться. Каждый отдавал себе отчет в том, что обрывистый берег и море полностью лишают нас возможности скрыться, если бы пришлось столкнуться с неприятелем, День или два, точно не. помню, мы шли по берегу. Питались маленькими плодами смоковницы, причем на каждого доставалось по одному-два

плода, которых не хватало, чтобы утолить голод. Жажда по-прежнему мучила нас. Имевшиеся считанные капли воды приходилось максимально экономить.

На рассвете, сильно уставшие, мы подошли к морю и сделали привал, чтобы подождать, когда станет совсем светло и можно будет решить, куда идти дальше. Скалистый берег резко снижался.

Как только рассвело, мы вышли на разведку, и перед нашими глазами предстал большой деревянный дом, который, судя по всему, принадлежал какому-то зажиточному крестьянину. Первое, о чем я подумал, - не подходить к этому дому, поскольку его хозяин наверняка был нашим врагом и там могли находиться батистовские солдаты. Однако Бенитес придерживался совсем другого мнения, и в конце концов мы вместе направились к дому.

Бенитес перелез через изгородь из колючей проволоки и направился к дому. Я и еще один наш товарищ, точно не помню кто, остались около изгороди. Вдруг я совершенно отчетливо увидел в тени человека в форме и с карабином в руке. У меня мелькнула мысль, что нам пришел конец, и в первую очередь для Бенитеса, которого мы уже не могли предупредить об опасности, так как он очень близко находился от батистовца. Бенитес почти вплотную подошел к нему, но затем стал возвращаться тем же путем. Подойдя к нам, он простодушно сказал, что решил не входить в дом, потому что увидел "сеньора с ружьем" и посчитал неосторожным спрашивать его о чем либо.

И действительно, в этот момент мы просто чудом спаслись от верной смерти. Однако на атом наша одиссея не кончилась. Предусмотрительно сделав порядочный крюк, наша группа пришла в район Охо-де-Буэй, где через скалистые склоны протекала маленькая речка, впадавшая в море.

Еще был день, когда мы вскарабкались на гору. Нам не оставалось ничего другого, как забраться на отдых в пещеру, из которой мои товарищи увидели, как с военного катера сходили и поднимались туда солдаты. Мы насчитали их около тридцати. Позже нам стало известно, что это были люди морского офицера Лаурента, который наводил страх на местное население. После кровавой расправы над группой наших товарищей он теперь производил смену своих людей.

Перед удивленными глазами Бенитеса предстали "сеньоры с ружьями" во всем их обличии. Складывавшаяся ситуация была довольно неприятной. Если бы нас обнаружили, у нас не было бы ни малейшей возможности спастись. Оставалось бы лишь одно - принять бой и биться до конца.

День прошел без крошки во рту. Потребление воды было

строго ограничено. При распределении ее нами использовался в качестве мерки окуляр телескопического прицела. Ночью мы вновь тронулись в путь, стремясь подальше уйти от места, где встретили один из самых тяжелых дней войны и познали горечь поражения, где страдали от голода и жажды, где от постоянной близости неотвратимой опасности чувствовали себя как мыши, попавшие в мышеловку.

После некоторых приключений мы добрались до ручья, впадающего в море и, бросившись на землю, стали жадно пить до тех пор, пока наши голодные желудки не переполнились водой. Затем наполнили фляги и продолжили путь, На рассвете мы поднялись на вершину небольшой горы, где росло всего несколько деревьев, организовали круговую оборону и замаскировались как только могли. На этой горе мы провели целый день, наблюдая за самолетами, которые летали над нашими головами. Их летчики что-то неразборчиво вещали через громкоговорители. По мнению Альмейды и Бенитеса, ветеранов Монкады, это было предложение сдаваться в плен. Из леса временами доносились невнятные крики.

Ночью наша группа продолжила свой путь и наткнулась на дом, из которого раздавались звуки оркестра. И снова возник спор. Рамиро, Альмейда и я считали, что ни в коем случае не следует идти на эту вечеринку, потому что крестьяне в силу естественной болтливости немедленно разнесут весть о нашем присутствии в этом районе. Бенитес и Камило Сьенфуэгос высказались за то, чтобы в любом случае пойти туда и поесть. В конце концов Рамиро и мне было поручено подойти к дому, узнать новости и достать еду. Когда мы были уже близко, музыка прекратилась и до нас донеслись слова: "А теперь давайте выпьем за всех наших товарищей по оружию, которые так блестяще показали себя..." Этого было вполне достаточно, чтобы как можно быстрее и тише вернуться назад и сообщить нашим товарищам, кто был участником развлечения в этом доме.

Пришлось продолжать наш путь. Двигаться становилось все тяжелее. На следующую ночь почти все товарищи отказались идти дальше, и тогда было принято решение постучаться в боио[3], расположенный в Пуэркас Гордас, неподалеку от шоссе. Это случилось девять дней спустя после засады.

Нас приняли приветливо. В крестьянской лачуге было устроено настоящее пиршество. За едой время прошло незаметно. Стало светать, и мы уже не могли выйти оттуда. Начали приходить крестьяне, которым сообщили о нашем появлении. Они хотели познакомиться, несли продукты и подарки.

Маленький домик, в котором мы находились, вскоре

превратился в ад. Альмейда был первым, у кого началось сильное расстройство желудка. Затем это страдание наступило для остальных. У некоторых началась рвота. Пабло Уртадо, измученный морской болезнью, многодневным походом, голодом и жаждой, не мог подняться.

Было решено отправиться в путь ночью. Крестьяне сообщили нам, что, по слухам, которые ходят здесь, Фидель жив и что они могут отвести нас туда, где он, возможно, находится с Кресенсио Пересом. Но они советовали нам, прежде чем отправиться в путь, оставить обмундирование и оружие. Мы с Альмейдой взяли с собой автоматы, а восемь винтовок и все патроны к ним были оставлены в доме крестьянина. Разбились на две группы, одна состояла из трех, а другая - из четырех человек. Двигаясь таким образом, мы могли останавливаться на отдых у крестьян и постепенно добраться до Сьерра-Маэстры.

Если мне не изменяет память, в нашу группу вошли Панчо Гонсалес,.Рамиро Вальдес, Альмейда и я, а в другую - Камило, Бенитес и Чао. Больной Пабло Уртадо остался в Пуэркас-Гордасе.

Едва только мы ушли, хозяин дома поспешил поделиться новостью с другом и обсудить с ним, где спрятать оружие. Однако последний убедил его, что винтовки можно продать, и обратился к посреднику, который донес об этом военным властям. Через несколько часов после того, как мы покинули первое гостеприимное пристанище на Кубе, в него ворвался враг, арестовал Пабло Уртадо и захватил все оружие.

Мы находились в доме адвентиста Архелио Росабаля, которого все звали Пастором. Как только до этого человека дошло печальное известие об аресте Уртадо, он сразу связался с другим крестьянином. Последний очень хорошо знал местность и симпатизировал повстанцам. Той же ночью он согласился провести нас в более безопасное место. Гуахиро[4], с которым мы познакомились при этих обстоятельствах, звали Гильермо Гарсия. Сейчас он командующий Западной армией и член национального руководства нашей партии.

В пути останавливались у Карлоса Маса, вступившего позднее в нашу армию, Перечу и еще у нескольких крестьян, имена которых я не помню. В один из дней на рассвете пересекли шоссе, ведущее в Пилон, и без помощи проводника добрались до дома Монго Переса, брата Кресенсио, где к тому времени собрались все оставшиеся в живых участники экспедиции, а именно: Фидель Кастро, Универсо Санчес, Фаустино Перес, Рауль Кастро, Сиро Редондо, Эфихенио Амейхейрас, Рене Родригес и Армандо Родригес. Несколько дней спустя к нам присоединились Моран, Креспо, Хулито Диас, Каликсто Гарсия, Каликсто Моралес

и Бермудес.

Наш маленький отряд пришел без обмундирования и оружия, имея всего два автомата. Фидель был страшно возмущен.

На протяжении всей войны и даже уже после нее он часто выговаривал нам: "Вам повезло, что не пришлось заплатить за совершенную ошибку. Оставить оружие в этих обстоятельствах - означало заплатить своей жизнью. Оружие было единственной нашей надеждой, чтобы спастись в случае встречи с батистовцами. Оставить его было преступлением и глупостью".

Бой у Ла-Платы

Нападение на небольшую казарму, расположенную около устья реки Ла-Плата в Сьерра-Маэстре, принесло, нам первый успех, и весть о нем разнеслась далеко за пределы этого уединенного места. Это нападение привлекло всеобщее внимание и показывало, что Повстанческая армия существует и готова бороться. В нас же укрепилась вера в возможность окончательной победы.

14 января 1957 года, спустя немногим больше месяца после засады у Алегрия-де-Пио, мы находились в районе реки Магдалена, отделенной от Ла-Платы спускающимся к морю отрогом Сьерра-Маэстры, по обеим сторонам которого лежат небольшие долины. Здесь по приказу Фиделя была проведена тренировка в стрельбе. Некоторым из нас пришлось стрелять впервые в жизни. Затем, после многодневного забвения личной гигиены, выкупались, сменили белье. В то время у нас было девять винтовок с телескопическим прицелом, пять полуавтоматических винтовок, четыре простые винтовки, два пулемета "томпсон", два автомата и одно охотничье ружье 16-го калибра.

К вечеру того же дня мы поднялись на последнюю возвышенность перед Ла-Платой. Дальше шли по узенькой тропинке, проложенной для нас в безлюдных зарослях с помощью мачете местным крестьянином по имени Мелькиадес Элиас. Его дал нам проводник Эутимио, который принадлежал к числу мятежных крестьян и являлся тогда крайне необходимым человеком для нас. В то время Эутемио верно служил нам. Он был одним из многих крестьян, боровшихся с местными помещиками и сельской полицией. Позднее этот крестьянин был арестован Касильясом и подкуплен, чтобы убить Фиделя. За это ему обещали 10 тыс. песо воинское звание. Эутимио был очень близок к тому, чтобы осуществить свой замысел, но ему не хватило смелости. Тем не менее он нанес нам большой вред, выдавая месторасположение наших стоянок.

В тот день мы задержали двух крестьян, которые оказались родственниками нашего проводника. Один из них был отпущен нами, а другого из-за предосторожности оставили при себе. 5 января наши бойцы увидели недостроенную казарму Ла-Плата с крышей из оцинкованного железа. На ее территории разгуливала группа полураздетых людей, по одежде которых можно было понять, что это вражеские солдаты. Около шести часов вечера, до захода солнца, прибыл катер с солдатами. С него высадились на

берег одни люди и поднялись на борт другие. Поскольку нам не совсем были ясны намерения противника, решили отложить нападение на следующий день.

На рассвете 16 января наше наблюдение за казармой возобновилось. Сторожевой катер ушел ночью. Посланные разведчики нигде вокруг не обнаружили солдат. В три часа дня было решено подойти к дороге, которая от казармы поднимается вдоль реки, и попытаться что-либо рассмотреть. Когда смеркалось, мы перешли Ла-Плату, которая оказалась совсем мелкой, и расположились у дороги. Буквально через пять минут нами были остановлены два крестьянина. Один из них явно походил на доносчика. Эти крестьяне выложили ценную информацию, когда узнали, кто мы, и поняли, что им не следует ждать ничего хорошего, если они не расскажут всего, что знают.

По сообщению крестьян, в казарме находилось примерно пятнадцать человек. Кроме того, в скором времени здесь должен был проехать Чичо Осорио - один из трех известных управляющих латифундии семейства Лавити, которое создало огромное феодальное владение и поддерживало его посредством террора. Вскоре верхом на муле появился совершенно пьяный Чичо. Универсо Санчес, действуя под видом полицейского, приказал ему остановиться. Осорио немедленно назвал пароль. Воспользовавшись сильным опьянением Чичо Осорио, нам удалось обмануть его. Наш оборванный вид не вызвал подозрения у этого типа. Фидель, назвав себя армейским полковником, с возмущенным видом стал говорить ему, что занят расследованием причин, почему повстанцы до сих пор еще не ликвидированы и почему воинские подразделения ничего не делают. Он негодовал на то, что ему, "полковнику", приходится бродить по лесам, не имея времени даже побриться. Одним словом, Фидель крепко поносил оперативность вражеских сил. Осорио очень охотно согласился с тем, что находящиеся здесь солдаты все время торчат в казармах и лишь изредка совершают незначительные вылазки, Он рьяно призывал ликвидировать всех повстанцев. Расспрашивая Чичо Осорио о местных жителях, мы узнали, кто здесь наш враг и кто наш друг. Чичо назвал около двадцати фамилий. Он рассказал о том, как убил в этих местах двух человек и как генерал Батиста приказал немедленно отпустить его на свободу. Затем Осорио стал хвастаться, что только сейчас он надавал пощечин нескольким крестьянам, которые повели себя "не совсем почтительно", начал возмущаться тем, что сельские полицейские неспособны на решительные действия и оставляют нарушения без наказания. Фидель спросил его: "Что бы ты сделал с Фиделем, если бы тот попался тебе в

руки?" Чичо ответил, что он поступил бы с ним так же, как и с Кресенсио, и сопроводил свои слова выразительным жестом.

– Посмотрите, - сказал он, показывая мексиканские ботинки, в которые были обуты бойцы нашего отряда. - Это "одного из убитых нами сукиных сынов".

Так, сам не зная того, Чичо Осорио подписал свой смертный приговор. Наконец по просьбе Фиделя он согласился быть нашим проводником, чтобы помочь нам за стать врасплох солдат и тем самым показать им, что они плохо подготовлены и не выполняют своего долга.

Мы направились к казарме. Чичо Осорио, вероятно, еще не догадывался, что попал в ловушку, хотя лично я не был очень уверен в этом. Тем не менее он продолжал пребывать в добродушном настроении и ничего не замечал. Когда нам пришлось снова пересекать речку, чтобы вплотную подойти к казарме, Фидель сказал ему, что он взят в плен и должен быть связан. Чичо не оказал сопротивления и продолжал плестись. По его словам, охрана была выставлена лишь у входа в строящуюся казарму и у дома другого управляющего по имени Онорио. Он вывел нас казарме со стороны дороги, ведущей в Масио. Посланный в разведку Луис Креспо, сейчас он майор в нашей армии, подтвердил данные Чичо Осорио.

Когда мои товарищи уже были готовы начать действовать, на дороге появились три солдата верхом на конях. Они, как мула, тащили за собой арестованного крестьянина. Арестованный прошел почти рядом со мной, и я помню, как он обращался к солдатам: "Я такой же человек, как и вы". Но в ответ послышались слова: "Заткнись и топай, пока не получил плетки". Как потом было установлено, эти слова принадлежали капралу Басолю. Мы считали, что этому крестьянину удалось спастись во время нашей атаки, но оказалось, он был подло убит в Масио.

В атаке участвовало двадцать два вооруженных бойца. Нам необходимо было захватить казарму во что бы то ни стало, поскольку у нас было очень мало патронов, и, израсходовав их, мы остались бы практически беззащитными. Лейтенант Хулито Диас, героически павший в бою при Уверо, Камило Сьенфуэгос, Бенитес и Каликсто Моралес, вооруженные полуавтоматическими винтовками, должны были окружить деревянный дом справа. Фидель, Универсо Санчес, Луис Креспо, Каликсто Гарсия, Фахардо (ныне майор, однофамилец нашего врача Пити Фахардо, погибшего в Эскамбрае) и я атаковали в центр, а Рауль и Алмейда со своими отделениями нападали на казарму и окружали ее слева.

Бой начался в два часа сорок минут ночи. Мы приблизились к

вражеским позициям на расстояние около сорока метров. Фидель первым открыл огонь, сделав две очереди из пулемета, за ним начали стрельбу все остальные. Затем мои товарищи временно прекратили огонь и предложили солдатам немедленно сдаться, но последовал отказ. Перед боем был казнен доносчик и убийца Чичо Осорио.

Солдаты оказали сопротивление, которого мы не ожидали. Всякий раз, когда мы призывали их сдаться, батистовский сержант открывал по нас огонь. Был отдан приказ пустить в дело наши старые бразильские гранаты.

Луис Креспо и я бросили по гранате, но они не взорвались. Рауль Кастро бросил заряд динамита, и тоже безрезультатно. Рискуя жизнью, пришлось подходить к домам, чтобы поджечь их. Первым это попытался сделать Универсо Санчес и не достиг цели. Потом неудача постигла Камило Сьенфуэгоса. Наконец мне с Луисом Креспо удалось подойти к дому и поджечь его. При свете пожара мы увидели, что это был всего-навсего склад кокосовых орехов. Стали опять требовать от солдат сдаться в плен. Один из них попытался бежать и, буквально натолкнувшись на винтовку Луиса Креспо, был ранен и обезоружен. Бой продолжался. Камило Сьенфуэгос, укрывшись за деревом, сделал последний выстрел в убегавшего сержанта и на этом исчерпал свой скудный запас патронов.

Сьенфуэгос первым вошел в дом, откуда стали раздаваться крики о сдаче в плен. Мы быстро подсчитали трофеи: восемь винтовок, один пулемет "томпсон" и около тысячи патронов. У нас было израсходовано приблизительно пятьсот патронов. Кроме того, были захвачены подсумки, горючее, ножи, обмундирование и немного продовольствия. Подсчитали потери. У противника - двое убитых, пятеро раненых и трое взяты в плен. Остальным удалось сбежать. У нас - ни одной царапины. Уничтожив казарму, наш отряд ретировался. Мои товарищи оказали посильную помощь раненым, трое из которых имели очень тяжелые ранения и в скором времени скончались. Об этом нам стало известно уже после окончательной победы. Для ухода за ранеными были оставлены взятые в плен солдаты, один из которых в дальнейшем присоединился к войскам майора Рауля Кастро и дослужился до звания лейтенанта. После победы этот товарищ трагически погиб в авиационной катастрофе.

Мы никогда не относились к раненым так, как относилась к ним батистовская армия, которая убивала их или бросала на поле боя. Это гуманное отношение со временем стало приносить свои плоды и явилось одним из факторов нашей победы. В тот день, несмотря на все мои старания как врача сохранить наличные

запасы медикаментов в своем отряде, Фидель приказал оставить их для раненых пленных. Освободив арестованных местных жителей, в четыре часа тридцать минут 17 января мы двинулись в направлении реки Пальма-Моча. Там нами были приняты срочные меры, чтобы найти надежные укрытия в самых труднодоступных местах Сьерра-Маэстры.

Около Пальма-Моча мы стали свидетелями печальной картины. Накануне батистовский капрал и управляющий оповестили всех местных жителей о предстоящей бомбардировке. Люди начали переселяться к берегу моря. Это была явная провокация со стороны управляющего и сельской полиции, поскольку никому не было известно о нашем местонахождении в этом районе. Местные власти намеревались просто лишить крестьян земли и нажитого имущества. Однако эта ложь в какой-то степени подтверждалась нашим нападением и теперь выглядела как правда. Страх охватил крестьян, и не было никакой возможности остановить их бегство.

Это была первая победа, одержанная повстанцами. За все время войны только в этом и последующем бою у нас было больше оружия, чем людей... Крестьяне не были еще готовы включиться в борьбу, а связи с городом практически не существовало.

Бой у Арройо-дель-Инфьерно [5]

Следуя вдоль этого ручья, мы поднялись в горы и разбили свой лагерь в ущелье, где находились два небольших крестьянских домика, которые наш отряд решил не занимать.

Фидель считал, что батистовцы немедленно направятся в погоню за нами и сумеют более или менее точно определить наше местонахождение. Он решил организовать засаду для вражеских солдат здесь и, в соответствии с принятым планом, расставил людей. Стремясь убедиться в правильности выбора места засады, Фидель постоянно обходил район нашего расположения.

Утром 19 января, во время проверки готовности отряда, произошел случай, который мог иметь серьезные последствия. Совершая обход, мы шли по густому кустарнику. Часовой Сьенфуэгос издали увидел группу людей, среди которых был человек в каске. (После боя у Ла-Платы я гордо носил трофейную каску капрала.) К счастью, в этот момент производилась чистка оружия, и лишь только винтовка Камило была в боевой готовности, Он нажал на спусковой крючок автоматической винтовки - и вместо очереди раздался только один выстрел. Пуля никого не задела. Больше выстрелить Сьенфуэгос не смог, так как что-то заело в винтовке. Но тут он понял, что это свои. Этот случай свидетельствовал о том нервном напряжении, которое испытывали наши бойцы в ожидании предстоящего боя. Даже самые спокойные из нас переживали это состояние. Всем очень хотелось, чтобы побыстрее начался бой и наступило хоть какое-нибудь облегчение.

На рассвете 22 января до нас донеслись одиночные выстрелы из района реки Пальма-Моча, которые заставили нас насторожиться и привести себя в боевую готовность.

Уже был полдень, когда мы заметили человека у одного из домов. Сначала нам показалось, что это один из наших товарищей, нарушивший приказ не подходить к домам. Но это был какой-то батистовский солдат, решивший обследовать дом. Потом появилось еще пять солдат. Вскоре трое из них куда-то ушли. Через телескопический прицел нам хорошо было видно, как один солдат, посмотрев по сторонам, нарвал травы и воткнул ее для маскировки в головной убор. Затем он присел в тени без каких -либо признаков беспокойства на лице.

Фидель первым выстрелом сразил этого солдата, который успел лишь крикнуть что-то и упал как подкошенный. В начавшейся перестрелке были убиты и два товарища этого

несчастного солдата. Вдруг я заметил, что в ближайшем ко мне доме находится еще один солдат, пытающийся скрыться от нашего огня. Я выстрелил и промахнулся. Второй выстрел попал ему в грудь. Солдат упал, выпустив из рук винтовку, воткнувшуюся штыком в землю. Прикрываемый Креспо, я подобрался к дому и осмотрел убитого, забрал патроны, винтовку и кое-что из снаряжения.

Бой был необычайно жестоким. Добившись выполнения поставленной задачи, мы вскоре стали отходить.

Мы израсходовали 900 патронов, а захватили всего 70 патронов и одну винтовку "гаранд", которую вручили майору Эфихенио Амейхейрасу. Он с ней прошел большую часть войны. Все считали, что враг потерял четырех человек убитыми, но несколько месяцев спустя от захваченного нами доносчика узнали, что убитых было пять человек. Эта победа не была полной, но в то же время она не была и пирровой. Мы померялись силами с батистовцами в новой обстановке и выдержали это испытание.

Новая победа сильно подняла наш моральный дух. Воодушевленные, мы целый день без устали поднимались вверх, карабкаясь по самым неприступным горам, чтобы уйти от преследования крупных сил противника. Наш отряд двигался параллельно батистовцам по противоположному склону гор. Так мы шли с ними в течение двух дней, не замечая друг друга. Однажды мы остановились на ночлег одном и том же месте, и нас отделяла всего лишь маленькая речушка Ла-Плата.

Преследующий нас отряд противника находился под командованием лейтенанта Санчеса Москеры, который прославился своими злодеяниями в Сьерра-Маэстре. Следует отметить, что выстрелы, услышанные за несколько часов до боя и позволившие нам встретить противника подготовленными, принесли смерть гаитянину, который отказался проводить батистовцев к нашему убежищу.

Все шли очень перегруженными, многие из нас несли по две винтовки. Путь был нелегким, но наше настроение, конечно, было не таким, каким оно было после разгрома у Алегрия-де-Пио. Несколько дней назад нами была уничтожена небольшая вражеская группа, находившаяся в своей казарме. Теперь мы разбили головной дозор противника, численно превосходивший нас, и на практике поняли, что значит в войне этого типа внезапность действий.

Нападение с воздуха

После успешного боя против сил Санчеса Москеры мы продвигались по берегу реки Ла-Плата, пока не вышли к реке Магдалена. Переправившись через нее, наш отряд снова вернулся в знакомый уже район горы Каракас. Однако обстановка в нем значительно отличалась от той, которая была раньше, когда мы укрывались в здешних горах и народ поддерживал нас. Теперь войска Касильяса повсюду сеяли страх. Крестьяне бежали. Остались лишь пустые дома да часть скота, который повстанцы использовали для своего питания. Опыт подсказывал, что на не следует долго останавливаться на отдых в крестьянских домах, а поэтому, переночевав в одном из брошенных домов, мы ушли вверх и разбили свой лагерь у ручья почти на вершине горы Каракас.

Там Мануэль Фахардо спросил меня, можем ли мы выиграть войну. Как всегда, независимо от чувств, вызванных тем или иным успехом, я ответил: "Мы победим обязательно". Он сказал мне, что задал такой вопрос потому, что испанец Моран заявил ему, что войну выиграть невозможно, и предлагал покинуть повстанцев. Я доложи об этом Фиделю и из разговора с ним понял, что Моран уже рассказал ему о том, как он "проверил" состояние морального духа у некоторых товарищей нашего отряда. Все пришли к общему мнению, что такой метод проверки непригоден для нас. Фидель произнес краткую взволнованную речь, в которой призвал к повышению дисциплины и предупредил о той опасности, которая нас ожидает в случае ее нарушения. Он объявил, что смертной казнью будут караться три преступления: неподчинение приказу, дезертирство и паникерство.

В те дни наше положение было не очень веселым. Отряд еще не закалился в борьбе, не имел ясного политического сознания и не успел сплотиться. Некоторые наш товарищи стремились избавиться от тягот боевой жизни в горах и просили направить их для выполнения поручений в город, хотя это было сопряжено с гораздо большим риском для них. Однако, несмотря на все трудности наша походная жизнь продолжалась. Моран развивал неустанную деятельность в поисках продовольствия, устанавливая контакты с крестьянами окрестных селений.

Эутимио Герра попросил разрешения покинуть н лагерь на несколько недель, чтобы повидать свою якобы больную мать. Фидель согласился и дал ему немного денег на дорогу. Мы тогда верили Эутимио и не придавали значения некоторым фактам в поведении этого типа. Придя в отряд после боя у Арройо-де-

Инфьерно, он заявил нам, что около Пальма-Моча узнал о том, что правительственные войска напали на наш след, и решил предупредить нас об этом. Он направился к дому гуахиро Дельфина, на земле которого произошел наш бой с батистовцами, но никого не застал там. В доме лежали только трое убитых солдат. В действительности же по пути к нам Эутимио Герра был схвачен батистовцами и согласился стать их агентом. Ему обещали дать много денег и присвоить воинское звание, если он убьет Фиделя.

Наступило утро 30 января. Накануне, действуя по заранее разработанному плану, Эутимио покинул лагерь. Когда мои товарищи стали просыпаться после холодной ночи, до них донесся шум самолетов, направление полета которых трудно было определить. Находившаяся в двухстах метрах ниже, около родника, кухня уже дымилась. Около нее находился наш дозор. Вдруг раздался шум пикирующего самолета, затрещали пулеметные очереди, а вслед за ними загремели взрывы бомб. В то время мы впервые подверглись воздушному нападению, и казалось, что нас атакуют со всех сторон.

Мне поручили дождаться дозорных и собрать некоторые вещи, брошенные нашими товарищами во время воздушной атаки. Местом встречи была назначена Куэва-дель-Умо. Со мной в тот момент был товарищ Чао. Мы подождали некоторое время и, не встретив никого, двинулись вслед за отрядом, сгибаясь под тяжестью большой ноши. Вскоре вышли на какую-то поляну и решили немного отдохнуть. Через несколько минут послышался шум шагов и показались наши дозорные Гильермо Гарсия и Серхио Акунья, которые шли на соединение с отрядом, Самолеты уже улетели. Посовещавшись, я и Гильермо Гарсия решили вернуться к месту нашего расположения и посмотреть на результаты бомбардировки. Перед нашими глазами предстала печальная картина: кухня была уничтожена с редкой меткостью. Воронка от взрыва бомбы находилась около места, где располагался дозор. К счастью, когда упала бомба, там уже никого не было.

Испанец Моран, посланный в разведку с двумя другими товарищами, вернулся один и сообщил, что вокруг никаких солдат нет, а вдали виднеются пять самолетов. Продолжали путь впятером, неся на себе большой груз. Перед нами открылось печальное зрелище: полностью сгоревшие дома наших друзей-крестьян. Лишь около одного из них нам удалось найти жалобно мяукающего котенка да какого-то поросенка, который захрюкал, почуяв приближение людей. О Куэва-дель-Умо мы знали только понаслышке, и путь туда нам был неизвестен. Ночь наша группа

провела в полной неуверенности, опасаясь столкнуться с противником. Надежды встретиться с нашими товарищами никто из нас не терял.

30 января мы заняли позицию на вершине господствующей над местностью горы. Нам представлялось, что это и есть Куэва-дель-Умо. Однако посланные разведчики никого не нашли. Одному из нас, Серхио, показалось, что он видел двух людей в бейсбольных кепочках, но сообщить об этом он промедлил, и мы уже не смогли никого догнать. Затем я и Гильермо вышли на разведку долины реки Ахи, где Гильермо встретил одного своего приятеля, который дал нам перекусить. Из рассказа этого приятеля нам стало известно, что здесь ночевали солдаты под командованием майора Касильяса. Утром они сожгли лавку Сиро Фриаса, отобрали все товары, реквизировали мулов, а погонщика убили. По приказу Касильяса была арестована жена Фриаса.

1 февраля после марша предыдущего дня мы отдыхали в нашем маленьком лагере под открытым небом. В одиннадцать часов утра послышалась стрельба на противоположных склонах возвышенности, а затем, уже ближе, крики о помощи. Нервы Серхио Акуньи не выдержали, и он, бросив подсумок и винтовку, оставил порученный ему пост. Я записал в своем дневнике, что он унес с собой соломенную шляпу, банку сгущенного молока и три копченые сосиски. Мы очень горевали тогда, что, он лишил нас сгущенного молока и сосисок. Несколько. часов спустя до нас донесся шум приближающейся колонны, и все приготовились к бою, считая, что дезертир мог выдать нашу группу. Но это были основные силы отряда, которые сопровождал Кресенсио. Среди своих товарищей мы увидели новых бойцов из Мансанильо во главе с Роберто Песантом. В рядах же нашего отряда не было Каликсто Моралеса, Каликсто Гарсия, Мануэля, Акуньи, пришедшего к нам накануне воздушного налета новичка и дезертира Серхио Акуньи.

Мы вновь спустились в долину реки Ахи. По дороге были розданы некоторые вещи, которые принесли с собой мансанильцы, включая перевязочные материалы и смену белья для каждого. Нас очень взволновали инициалы на белье, вышитые девушками Мансанильо. На следующий день, 2 февраля, когда исполнилось два месяца со дня высадки с "Гранмы", наш отряд был снова в сборе, к нему присоединились десять человек из Мансанильо.

Все чувствовали себя сильнее, и наше настроение было лучше, чем когда-либо раньше. Мы много спорили о том, как попали под неожиданное воздушное нападение, и пришли к общему выводу, что тому причиной был дым кухни. В течение

многих месяцев, да, пожалуй, и всей войны, бойцы помнили об этом и о самого конца войны старались не разводить костров даже днем, опасаясь неприятных последствий.

Тогда никому из нас не приходила в голову мысль о том, что Эутимио Герра мог находиться в самолете-разведчике и показывать врагу место нашего расположения. Но это было именно так. Болезнь матери была лишь предлогом для него, чтобы уйти на встречу к убийце Касильясу.

Еще в течение некоторого времени Эутимио Герра продолжал наносить большой ущерб делу развития нашей освободительной борьбы.

Засада у Альтос-де-Эспиносы

После внезапной воздушной атаки, о которой было рассказано выше, мы покинули гору Каракас и пошли обратно, в знакомые места, чтобы установить прямую связь с Мансанильо, получить помощь и узнать о положении в остальной части страны.

Переправившись через реку Ахи, мы вернулись в дом старика Мендосы. Путь в горах пришлось прокладывать с помощью мачете, потому что нога человека давно уже не ступала здесь, и наше продвижение было медленным. Ночь провели на вершине горы, за весь день практически не поев ничего. До сих пор я вспоминаю как одно из самых больших пиршеств в моей жизни, когда гуахиро Креспо пришел к нам с банкой, в которой были четыре свиные колбаски, сэкономленные им от своего пайка., и сказал, что они предназначаются для друзей. Креспо, Фидель, я и еще один наш товарищ очень обрадовались этой скудной порции как роскошному банкету. Наконец мы достигли дома Мендосы, находившегося справа от горы Каракас, и старый крестьянин приготовил для нас кое-что поесть. Будучи верным крестьянской солидарности и закону дружбы с Кресенсио Пересом и другими его приятелями, которые входили в наш отряд, он всегда принимал нас, хотя и испытывал при этом страх.

Для меня этот переход был очень тяжелым из-за приступа малярии. Гуахиро Креспо и незабвенный товарищ Хулио Сенон Акоста помогали мне идти. В этих местах мы никогда не останавливались на отдых в домах, но мое состояние, а также состояние испанца Морана, который никогда не упускал случая, чтобы заболеть, было таким, что нас послали ночевать в дом, в то время как остальные бойцы находились под открытым небом, охраняли окрестности и заходили в дом только поесть.

Нам пришлось освободиться от некоторых бойцов из-за их низкого морального состояния и оставить у крестьян наших товарищей, получивших серьезные травмы во время перехода. Среди последних были нынешний министр внутренних дел Рамиро Вальдес и один из сыновей Кресенсио - Игнасио Перес, который позднее стал капитаном и геройски погиб. Рамирито сильно ушиб колено, которое у него было ранено еще во время нападения на казарму Монкада. Несколько парней ушли из отряда сами, что, по правде говоря, пошло нам только на пользу. Я помню, как в тишине гор один из них в истерике стал кричать партизанам, что его посылали сюда, сказав, что отряд имеет достаточно продовольствия и может защищаться при воздушном

нападении, а вместо этого самолеты, мол, сеют смерть, люди постоянно бродят голодными, у них нет даже воды, чтобы напиться. В первые дни такое чувство испытывали многие наши бойцы. Затем те, кто выдерживали первые испытания, оставались в отряде, привыкая к грязи, нехватке продовольствия и воды, к отсутствию крыши над головой, к опасности. Они привыкали жить, полагаясь лишь на винтовку да на сплоченность и стойкость маленького партизанского отряда.

Сиро Фриас привел с собой несколько бойцов и рассказал новости, которые сегодня вызвали бы у нас улыбку, но тогда мы поверили им. Он говорил, что Диас Тамайо[6] готов сделать что угодно, лишь бы примазаться к революционным силам, что Фаустино сумел собрать много тысяч песо и, наконец, что саботаж растет но всей стране и правительство стоит перед началом хаоса. Он сообщил также трагическую, но поучительную весть. Серхио Акунья, дезертировавший несколько дней назад, добрался до дома своих родственников и там стал похваляться перед племянницами своими партизанскими подвигами. Об этом услышал некий Педро Эррера и донес на него полиции. Вскоре явился небезызвестный капрал Росельо (позднее за свои злодеяния он был казнен народом) и стал его пытать. Затем капрал выстрелил четыре раза в Акунью и убил его. Этот случай показал бойцам отряда, насколько важна сплоченность людей и сколь жалок дезертир, предавший своих товарищей. Нам пришлось срочно сменить место своего расположения, поскольку Серхио Акунья знал, что мы находимся в доме Флорентино, и во время пыток мог проговориться об этом. Эутимио Герра, услышав о гибели дезертира, сказал, что накануне он видел сон, будто Акунью убили и, как ни странно, его убийцей был капрал Росельо. Позднее, когда предатель был разоблачен, нам стало ясно, почему он видел такой сон. Но тогда рассказ Эутимио вызвал настоящую "философскую дискуссию" о том, сбываются сны или нет. Как отвечавший за культурно-просветительную и политическую работу среди бойцов, я стал объяснять, что это невозможно и что речь может идти лишь о случайном совпадении. Во время дискуссии Универсо Санчес сообщил, что за день до случившегося Герра уходил из отряда и, вероятно, от кого-то узнал об этом, а теперь, мол, разыгрывает нас. Эутимио действительно покидал отряд и принес с собой пятьдесят банок молока и военный фонарик.

Одним из тех, кто больше всех настаивал на том, что сны сбываются, был безграмотный 45-летний гуахиро Хулио Сенон Акоста. Это был мой первый ученик в Сьерра-Маэстре, которого я пытался научить грамоте во время привалов. Хулио Сенон учился

читать с большим упорством, не обращая внимания на свои годы. Он понимал, что революции нужны грамотные люди. В тот год пример Акосты оказал большое влияние на его товарищей крестьян.

Хулио Сенон Акоста многое делал для отряда. Это был неутомимый человек. Он всегда помогал товарищам, и особенно тем, кто пришел из города и не умел переносить трудности походной жизни. Хулио хорошо стрелял, мог развести костер в дождливую погоду и быстро найти питьевую воду. Одним словом, это был мастер на все руки.

В одну из последних ночей, перед тем как мы узнали о его предательстве, Эутимио заявил, что у него нет одеяла, и попросил Фиделя одолжить ему свое. В апреле того года в горах было холодно. Фидель сказал, что под одним одеялом все равно будет прохладно и предложил спать вместе, чтобы можно было укрыться двумя одеялами. В ту ночь Эутимио имел при себе пистолет, который дал ему Касильяс, и пару гранат, чтобы защитить себя во время бегства. Прежде чем лечь спать, предатель спросил меня и Универсо Санчеса, все время находившихся около Фиделя, как организована охрана, и посоветовал "быть начеку". Мы ответили ему, что неподалеку стоят трое часовых и, кроме того, я и Санчес, ветераны "Гранмы" и верные друзья Фиделя, будем охранять его, сменяя друг друга. Всю ночь Эутимио был рядом с вождем революции, выжидая удобного момента для убийства, но так и не решился на это. На протяжении всей ночи судьба революции в значительной степени зависела от исхода борьбы в душе предателя, в которой желание иметь деньги и власть, вероятно, наталкивалось на угрызения совести или на страх перед расплатой за совершенное преступление. К нашему большому счастью, Эутимио не смог перебороть страх, и следующий день начался как обычно.

Мы покинули дом Флорентино и разбили лагерь в ущелье с высохшим ручьем. Сиро Фриас направился к своему боио, расположенному в относительной близости, и принес нам несколько кур и еще кое-какие продукты. Так что за свои страдания в дождливую ночь, проведенную под открытым небом, поутру мои товарищи были вознаграждены горячим бульоном и другой едой. Сиро сообщил нам, что в его местах видели Эутимио Герру. Будучи нашим доверенным человеком, Эутимио часто отлучался из лагеря. Найдя нас в доме Флорентино, он рассказал, что после того, как ушел навестить свою больную мать, ему вскоре стало известно о случившемся на горе Каракас и он, мол, решил вернуться к повстанцам. Он также заявил, что его мать чувствует себя хорошо.

Наш лагерь находился в месте под названием Альтос-де-Эспиноса, вблизи от высот Лимон, Лома-дель-Бурро, Каракас, которые постоянно обстреливались самолетами. Эутимио часто говорил нам с видом предсказателя: "Сегодня будут обстреливать Лома-дель-Бурро". И самолеты действительно обстреливали Лома-дель-Бурро, а он прыгал от радости, что угадал.

9 февраля 1957 года Сиро Фриас и Луис Креспо вышли на очередной поиск провианта. Все было спокойно, пока в 10 часов утра молодой крестьянин, по имени Лабрада, не задержал поблизости одного человека. Тот оказался родственником Кресенсио и работал продавцом в магазине Селестино, в доме которого расположилось около сорока солдат из отряда Касильяса. Нам был хорошо виден тот дом, стоявший на лысой высотке. Кроме того, крестьянин сказал, что он разговаривал с Эутимио, который предупредил его о том, что завтра подвергнут бомбардировке этот район.

Нам было трудно определить, куда двинется дальше отряд Касильяса. У Фиделя возникли подозрения. Наконец мы обратили внимание на странное поведение Эутимио и стали строить разные предположения. После полудня Фидель принял решение оставить лагерь и подняться на вершину горы, чтобы там дождаться возвращения товарищей, ушедших в разведку. Вскоре прибыли Сиро Фриас и Луис Креспо. Они не обнаружили ничего подозрительного, по их словам, все было нормально. Во время разговора с разведчиками Сиро Редондо показалось, что он увидел движение какой-то тени. Сиро попросил нас замолчать и зарядил винтовку. В этот момент раздался выстрел, а за ним автоматная очередь. И вскоре по месту нашего расположения, которое мы начали поспешно покидать, противник сосредоточил сильный огонь. Мы бросились буквально врассыпную. Мне пришлось оставить наполненный медикаментами, запасом провизии, книгами и несколькими одеялами вещмешок, которым я очень гордился, я успел вытащить только армейское одеяло, доставшееся мне как трофей после боя около Ла-Платы.

Позднее я узнал, что Хулио Сенон Акоста навечно остался лежать на вершине горы. Некультурный, неграмотный гуахиро сумел понять те огромные задачи, которые предстояло выполнить после победы революции, и, начиная с азов, он настойчиво готовился к этому. Но ему не суждено было осуществить своего замысла.

Вскоре нас собралась целая группа: Альмейда, Хулито Диас, Универсо Санчес, Камило Сьенфуэгос, Гильермо Гарсия, Сиро Фриас, Мотола, Песант, Яйо, Эмилио Лабрада и я. К месту встречи с остальными товарищами наша группа двинулась в

обход. О их судьбе нам еще ничего не было известно. Враг продолжал преследовать нас, и за нашими спинами постоянно раздавались одиночные выстрелы. Быстрое движение не позволяло скрыть следов. К 5 часам дня мои товарищи подошли к месту, где горы, круто обрываясь, кончались и начиналась равнина. После некоторых колебаний мы решили дождаться наступления ночи в горах и не спускаться на равнину, где днем нас сразу не заметили бы, а в случае встречи противником в горах было бы удобнее обороняться. Но батистовцы оторвались от нас, и мы спокойно смогли продолжить свой путь, следуя за сбивающимся проводником, роль которого выполнял Сиро Фриас, немного знавший эти места. Кто-то предложил разделиться на две группы, чтобы иметь возможность быстрее продвигаться и меньше оставлять следов. Однако Альмейда и я воспротивились этому, считая, что это ничего не даст и только затруднит соединение с другими товарищами. Придя в район Ломона, некоторые товарищи стали колебаться и не хотели двигаться дальше к Эль-Ломону, который был определен Фиделем как место встречи всех бойцов отряда. Они возражали против этого места, так как Эутимио знал о нем и, следовательно, там нас уже могли поджидать батистовцы, Ни у кого не было, конечно, ни малейшего сомнения в том, что Эутимио являлся предателем. Будучи старшим по званию в нашей группе, Альмейда решил настоять на выполнении приказа Фиделя во что бы то ни стало. Все подчинились ему и двинулись к Эль-Ломону.

12 февраля после трех дней разлуки мы встретились с Фиделем около Эль-Ломона в местечке под названием Дереча-де-ла-Каридад. Здесь окончательно подтвердились наши предположения о том, что Эутимио был предателем. История его предательства началась, когда после боя у Ла-Платы его схватил Касильяс и за большие деньги предложил ему убить Фиделя. Мы узнали о том, что он выдал наше местонахождение в Каракасе, навел самолеты для бомбардировки горы Лома-дель-Буро, через которую должен был пройти наш путь, - он был изменен нами в последнюю минуту, - содействовал противнику в проведении массированной атаки около Арройо-дель-Инфьерно, где благодаря своевременному приказу Фиделя об отходе нам удалось спастись, потеряв только одного человека.

Мы еще раз услышали о том, как погиб Хулио Акоста и узнали, что у противника был убит по крайней мере один человек и несколько ранено. Я должен сознаться, что ни убитый, ни раненые не имели никакого отношения к моей винтовке, потому что единственное, что я сделал во время этой стычки, так это "стратегическое отступление" на полной скорости.

Теперь мы снова были вместе: нас одиннадцать (Лабрада отстал за день до соединения) и остальная часть группы - Рауль, Амейхейрас, Сиро Редондо, Мануэль Фахардо, Эчеварриа, испанец Моран и Фидель, - всего 18 человек. Такой была наша "воссоединенная революционная армия" 12 февраля 1957 года. Некоторые товарищи были рассеяны, часть новичков покинула отряд, и, кроме того, нами был потерян один из ветеранов "Гранмы". Это был Армандо Родригес с пулеметом "томпсон". В последние дни, даже когда выстрелы раздавались вдали от наших позиций, на его лице появлялся такой ужас, какой может быть, как говорили мои товарищи, только у окруженца. Всякий раз, когда у кого-либо появлялось это выражение лица, мы разу предсказывали этому бойцу плохой конец.

Страх был несовместим с партизанской жизнью. Именно он-то и понес Армандо Родригеса "на третьей скорости", если говорить на нашем партизанском жаргоне. Много времени спустя его пулемет был найден в одном из далеких крестьянских домов. У этого человека были очень быстрые ноги.

Конец предателя

После того как наша маленькая армия собралась вместе, было решено покинуть Эль-Ломон и отправиться в другие места. По дороге мы устанавливали связи с местными крестьянами и создавали опорные базы. Постепенно удаляясь от Сьерра-Маэстры, мы вышли на равнину, в район встречи с представителями городской организации "Движение 26 июля".

Мы прошли через поселок Ла-Монтериа и сделали привал в небольшом лесочке с ручьем, расположенном на ферме сеньора Эпифанио Диаса, сыновья которого участвовали в революции.

Мы шли на установление более тесных контактов с "Движением 26 июля". Наша подпольная кочевая жизнь затрудняла нам поддерживать связь между двумя частями "Движения". Практически это были две самостоятельные группы, каждая со своей тактикой и стратегией. В то время еще не начался глубокий раскол, который несколько месяцев спустя поставил под угрозу наше единство.

На ферме мы встретились с самыми видными деятелями "Движения". Среди них были три женщины, которых сегодня знает весь народ Кубы: Вильма Эспин (сейчас она жена Рауля и является президентом Федерации кубинских женщин); Айде Сантамария (жена Армандо Харта, президент Дома Америк); Селия Санчес, которая вскоре окончательно присоединилась к отряду и была нашим самым дорогим товарищем на протяжении всей войны. Среди прибывших на ферму находился и Фаустино Перес, наш старый знакомый и товарищ по "Гранме". Он выполнил ряд поручений в городе и вернулся проинформировать об этом, чтобы затем снова продолжить свою подпольную работу. Вскоре его арестовали батистовские власти.

Кроме того, мы познакомились с Армандо Хартом, и мне представилась единственная возможность увидеться с нашим руководителем в Сантьяго Франком Паисом.

Франк Паис был человеком, который вызывал к себе симпатию с первой встречи. Его лицо более или менее походит на то, которое можно увидеть сейчас на портретах и фотографиях, но на них не передается необычайная глубина его глаз.

Трудно говорить сегодня о погибшем товарище, с которым виделся всего один раз и чей жизненный путь хорошо известен народу. Я могу лишь отметить одну деталь - в его взгляде чувствовалась непоколебимая вера в правоту своего дела. Это был незаурядный человек. Сегодня его называют "наш незабвенный Франк Паис". И хотя я видел его только один раз, он запомнился

мне на всю жизнь. Франк был одним из многих наших товарищей, погибших во цвете лет. Им не довелось участвовать в решении многих задач социалистической революции. Такова часть той большой цены, которую народ заплатил за свою свободу.

Молча почистив наши грязные винтовки, пересчитав и разложив патроны, он преподнес нам хороший урок того, как нужно поддерживать порядок и дисциплину. С того дня я дал себе слово лучше ухаживать за своим оружием и сдержал его, хотя и не могу сказать, что был образцом в этом.

Лесок, где мы остановились, стал свидетелем еще одного события. Впервые к нам прибыл журналист. Он был иностранцем. Речь идет об известном Мэтьюзе (По предложению Ф. Кастро этот корреспондент газеты "Нью-Йорк Таймс" нелегально посетил 17 февраля 1957 года повстанцев и написал о них репортаж. - Прим. Ред.) , который принес с собой маленький фотоаппарат и сделал несколько снимков, получивших впоследствии широкую известность. Один из министров Батисты, выразивший сомнение относительно подлинности этих снимков, поставил себя в глупое положение. Переводчиком был Хавиер Пасос, который затем вступил в отряд и находился в его рядах некоторое время.

Во время беседы, на которой мне не пришлось присутствовать, Мэтьюз, по словам Фиделя, не задавал каверзных вопросов, и было похоже, что он симпатизирует революции. Когда корреспондент спросил, является ли Фидель противником империализма, последний ответил утвердительно и осудил снабжение Батисты оружием, указав при этом, что такая политика служит не делу защиты континента, а лишь угнетению его народов.

Визит Мэтьюза, естественно, был недолгим. Проводив его, мы стали готовиться к походу. Однако нас предупредили, чтобы мы удвоили бдительность, поскольку неподалеку видели Эутимио. Альмейде был немедленно отдан приказ арестовать его. В группу для проведения этой операции вошли Хулито Диас, Сиро Фриас, Камило Сьенфуэгос и Эфихенио Амейхейрас. Схватить Эутимио поручалось непосредственно Сиро Фриасу. Эта операция была осуществлена легко, и вскоре предатель предстал перед нами. При обыске у Эутимио нашли пистолет, три гранаты и пропуск, выданный Касильясом. После ареста и обыска у Герры, конечно, не было сомнений относительно того, что его ожидает. Упав на колени перед Фиделем, он сам стал просить заслуженной смерти. Этот человек сразу как-то постарел, на висках стала заметной седина, которой раньше не было видно. Эта сцена была чрезвычайно напряженной. Фидель гневно осудил его предательство. Эутимио признавал свою вину и просил лишь

скорейшей смерти. Всем нам, кто присутствовали при этом, запомнился момент, когда Сиро Фриас, бывший друг Эутимио, стал говорить с ним. Фриас напомнил ему обо всем, что сделал для него и его семьи. Но Эутимио отплатил неблагодарностью и выдал батистовцам его брата. Длинным и взволнованным был этот монолог, который Эутимио слушал с опущенной головой. Когда предателя спросили, есть ли у него какие-нибудь пожелания, он стал просить нас позаботиться о его детях.

Мы исполнили свое обещание. Имя Эутимио Герры упоминается лишь в этих воспоминаниях, оно забыто всеми, наверное, даже и его детьми. Под другой фамилией они ходят в одну из многочисленных школ, к ним относятся как ко всем детям народа страны и готовят их для лучшей жизни, но придет день, и они узнают, что их отец был казнен революционной властью за предательство. Будет справедливо, если мы скажем и о том, что этот крестьянин, став доносчиком из-за соблазна разбогатеть, открыто признал свою вину и не пытался просить пощады, зная, что не заслуживает ее. Перед расстрелом предателя разразилась очень сильная гроза, пошел ливень и стало совсем темно. И в момент, когда блеснула молния и прогремел раскат грома, закончилась бесславная жизнь Эутимио Герры. Даже близко стоявшие от места казни товарищи не слышали выстрела.

На следующий день Эутимио был похоронен. Мне помнится, как Мануэль Фахардо хотел поставить на могилу крест, но я отговорил его, потому что мы подвергали бы излишней опасности хозяев фермы, показывая место казни. Тогда Мануэль вырезал маленький крест на одном из ближайших деревьев, который и указывает, где лежат останки предателя.

В то время ушел от нас испанец Моран. Он понимал, как мало все мы ценим его, считая потенциальным дезертиром. Последний раз его не было в отряде около трех дней, а когда он вернулся, то стал объяснять причину своего отсутствия тем, что, идя по следам Эутимио, он, мол, заблудился в лесу.

Когда все наши бойцы собирались тронуться в путь, раздался выстрел. Вскоре стало известно, что Моран прострелил себе ногу. Товарищи, которые находились неподалеку, несколько дней вели спор: одни говорили, что выстрел произошел случайно, другие - что он сделал его преднамеренно, чтобы не идти с нами дальше.

Последующая история Морана - предательство и казнь революционерами из Гуантанамо, - подводит к мысли, что, по всей видимости, выстрел не был случайным.

Покидая нас, Франк Паис обещал прислать в первых числах марта группу людей. Местом встречи был назначен дом Эпифанио Диаса вблизи Хибаро.

Горькие дни

Дни, последовавшие после нашего ухода из дома Эпифанио Диаса, лично для меня явились самыми тяжелыми за всю войну. В моих заметках делается попытка дать представление о том, что означал начальный этап нашей революционной борьбы для всех наших бойцов. И если в этой части заметок я должен больше, чем в остальных, касаться моего личного участия в ней, то это потому, что оно имеет связь с последующими эпизодами и о нем нельзя умолчать, не нарушая последовательности изложения событий.

Когда мы покинули дом Эпифанио, наша революционная группа состояла из 17 старых бойцов, которые с самого начала входили в отряд, и трех недавно прибывших товарищей. Это были Хиль, Сотолонго и Рауль Диас, которые после высадки с "Гранмы" скрывались некоторое время поблизости от Мансанильо. Узнав о нашем существовании, они решили присоединиться к отряду. Их история была аналогична нашей. Оторвавшись от преследования, они продолжали двигаться вперед, пока не достигли Мансанильо. Теперь эти люди соединили свою судьбу с судьбой отряда. В то время число бойцов росло медленно, некоторые из них, не выдержав трудностей, уходили от нас. Условия, в которых приходилось вести борьбу, были очень тяжелыми и требовали огромных физических усилий в моральном отношении было еще хуже: у людей создавалось впечатление, что их постоянно преследуют.

В то время мы шли не придерживаясь определенного направления. Передвигались медленно, прячась в небольших островках леса. Это был район, где в результате развития животноводства сокращался лесной покров и оставались лишь небольшие участки.

В одну из этих ночей по маленькому радиоприемнику Фиделя мы услышали известие об аресте одного из товарищей по "Гранме", который ушел с Кресенсио Пересом. Мы знали о его аресте - в этом нам признался Эутимио, - но до сих пор не слыхали официального подтверждения. Из этого сообщения нам стало ясно, что он жив. Не всегда можно было выжить после допросов батистовцев.

Вокруг очень часто начали раздаваться пулеметные очереди. Это солдаты прочесывали лесистые участки.

В моем походном дневнике 22 февраля отмечено появление первых признаков, которые обещали стать сильным приступом астмы, потому что кончилось лекарство. Новая встреча с нашими людьми была назначена на 5 марта, так что нужно было ждать

еще несколько дней.

В тот момент мы шли очень медленно, не придерживаясь определенного направления, попросту коротая время в ожидании 5 марта, когда Франк Паис должен был прислать нам группу вооруженных людей. Было принято решение, что сначала следует укрепить наш маленький отряд, а уже потом расширить район наших действий. В связи с этим все оружие, имевшееся в Сантьяго, нужно было переправить в Сьерра-Маэстру.

Рассвет застал нас на берегу маленькой речушки, где почти не было растительности. Проведя день неподалеку от Лас-Мерседес, в долине, которая, кажется, называется Ля-Махагуа (названия теперь не совсем четко всплывают в памяти), ночью мы пришли к боио старика Эмилиано, одного из многих крестьян, которые в ту пору очень пугались каждый раз при нашем появлении, но рисковали из-за нас жизнью и оказывали помощь революции. В то время был период дождей в Сьерре, и каждую ночь бойцы промокали до нитки. Поэтому мы стали останавливаться на отдых в крестьянских домах, несмотря на всю опасность, которая таилась в этом. Район наших действий буквально кишел солдатами.

Моя астма разыгралась так сильно, что я не мог больше идти, и мы остановились на ночевку в небольшой кофейной рощице неподалеку от боио. 27 или 28 февраля, точно не помню, в стране была снята цензура, и радио все время передавало сообщения о событиях, случившихся в истекшие месяцы. Говорилось о террористических актах и о встрече Мэтьюза с Фиделем. В тот момент министр обороны сделал свое известное заявление о том, что интервью Мэтьюза было фальшивкой, и предложил ему опубликовать фотографию.

Эрмес, сын старого гуахиро Эмилиано, очень помогал нам в то время, принося еду и показывая дорогу. Однако утром 28 февраля он, против обыкновения, не пришел, и Фидель, поскольку было неясно, что произошло, немедленно приказал покинуть лагерь и перебраться в место, с которого можно было просматривать местные дороги. Около четырех часов дня Луис Креспо и Универсо Санчес, наблюдая за дорогами, увидели, как из Лас-Вегаса приближается большой отряд солдат, идущий как раз в нашем направлении. Мы быстро взбежали на вершину возвышенности и укрылись за ней, не позволив противнику отрезать нам путь отхода. Это было сделано без особого труда, так как батистовцы были обнаружены заблаговременно. Несколько позже по тому месту, где находились мои товарищи, враг открыл минометный и пулеметный огонь. Это свидетельствовало о том, что батистовские солдаты знали о

нашем местонахождении.

Все наши бойцы быстро укрылись за вершиной, для меня же это была очень трудная задача. Добежать до своих товарищей я еще смог, но в дальнейшем каждый новый шаг давался мне ценой огромных усилий: начался сильный приступ астмы. Я помню, каких трудов стоило гуахиро Креспо заставить меня идти. Когда мне делалось совсем невмоготу и я просил оставить меня, гуахиро, перейдя на язык нашего лексикона, говорил мне: "Аргентинец, ты будешь идти или тебя надо лупить прикладом?" Браня меня, он тащил свое тучное тело, да и мое в придачу, вместе с вещмешком по трудной горной тропе и под проливным дождем.

Так мы добрались до маленькой хижины и узнали, что находимся в Пургаторио. Фидель выдал себя за разыскивающего повстанцев майора Гонсалеса из батистовской армии. Хозяин дома с холодной вежливостью принял нас и обслужил. Но в доме находился его сосед, который был услужлив до крайности. Мое физическое состояние не позволяло мне насладиться диалогом между Фиделем, выступающим в роли майора Гонсалеса, и гуахиро, который давал ему советы и рассуждал на тему о том, почему этот парень, Фидель Кастро, постреливает в горах.

Нужно было принять какое-то решение, потому что я не мог идти дальше. Когда болтливый сосед удалился, Фидель рассказал хозяину дома, кто он. Крестьянин горячо обнял его и сказал, что состоит в партии ортодоксов, является сторонником ЧибасаМ[7] и готов выполнить любой приказ. Мы решили послать его в Мансанильо, чтобы установить связь с нашими товарищами или по крайней мере приобрести лекарства. Я должен был остаться поблизости от дома этого крестьянина, но с условием, что никто, даже его жена, не должны знать о моем присутствии.

Последний присоединившийся к отряду новичок, человек с сомнительными моральными качествами, но очень сильный физически, был оставлен мне в помощь. Чтобы мы могли защищаться, Фидель щедро вручил мне драгоценность нашего отряда - автоматическую винтовку "джонсон". Сделав вид, что мы уходим все вместе, я с этим товарищем, который носил прозвище Учитель, вскоре достигли леса и расположились в условленном месте в ожидании дальнейшего развития событий. В тот день было передано сообщение, что Мэтьюз по телефону сделал заявление о намерении опубликовать знаменитые фотографии. Диас Тамайо в ответ объявил, что этого не может быть, так как никто не в состоянии проникнуть к повстанцам через кольцо окружения. Армандо Харт находился под арестом, и его обвиняли в том, что он является заместителем руководителя "Движения 26

июля". Это было 28 февраля.

Крестьянин выполнил поручение и снабдил меня достаточным количеством адреналина. В этот момент начались мои десять самых горьких дней в Сьерре. Хватаясь за стволы деревьев и опираясь на приклад винтовки, я шел вместе с трусившим бойцом, который вздрагивал каждый раз, когда слышалась стрельба, и испытывал нервный шок, стоило мне не удержаться и кашлянуть. За десять долгих дней нам удалось пройти путь, который составлял немногим более одного хорошего перехода. Встреча была назначена на 5 марта, но я и сопровождавший меня товарищ не смогли прийти к этому числу. Местность прочесывалась солдатами, и это не позволяло идти быстро. К тому же мое физическое состояние было плохим. Мы добрались до гостеприимного дома Эпифанио Диаса лишь 11 марта.

Обитатели дома были в курсе событий, происшедших за это время. Из-за ошибочного опасения нового нападения батистовцев в районе Альтос-де-Мериньо от состоявшей из 18 бойцов группы Фиделя оторвались 6 человек во главе с Сиро Фриасом. Последние попали в засаду, однако всем им удалось выйти из нее целыми и невредимыми, и теперь они находились поблизости. Оставшийся без винтовки Яйо побывал в доме Эпифанио Диаса по пути в Мансанильо и рассказал обо всем этом. Отряд, который обещал прислать Франк, был готов, хотя самого его арестовали в Сантьяго. Мы встретились с командиром отряда. Его звали Хорхе Сотус, и он имел звание капитана. Отряд не смог прибыть 5 марта, потому что противнику стало известно о его передвижении и все дороги были полностью перекрыты.

Подкрепление

13 марта, когда мы ожидали прибытия нового революционного отряда, по радио было передано сообщение о неудавшемся покушении на Батисту и назывались имена некоторых погибших, среди которых были студенческий лидер Хосе Антонио Эчеварриа, Менелао Мора и другие. Пострадали также и те, кто не был причастен к этому событию. На следующий день стало известно, что Пелайо Куэрво Наварро, деятель партии ортодоксов, занимавший непреклонную позицию перед Батистой, был убит. Его тело бросили около аристократического клуба, известного под названием "Эль-Лагито". Уместно отметить, что сыновья Пелайо Куэрво Наварро и его убийцы, как это ни парадоксально, вместе участвовали в провалившемся вторжении у Плайя-Хирон с целью "освобождения" Кубы от "коммунистического бесчестия".

Через занавес цензуры проникали некоторые детали неудачного нападения на президентский дворец. Народ Кубы хорошо помнит об этом. Я не был лично знаком со студенческим лидером, зато знал его соратников, с которыми познакомился в Мехико во время заключения соглашения между "Движением 26 июля" и "Студенческим директоратом" о совместных действиях. Это были нынешний посол в СССР майор Фауре Чомон, Фруктуосо Родригес и Джо Вестбрук. Все они принимали участие в этом нападении.

Как известно, его участникам не хватило совсем немного, чтобы добраться до третьего этажа, где находился диктатор, и то, что могло стать успешным переворотом, превратилось в кровавую бойню для тех, кто не смог вовремя уйти из мышеловки, в которую превратился президентский дворец.

На 15 марта было назначено прибытие подкрепления. Долгие часы мы ожидали его в условленном месте, расположенном в укромной долине, где можно было хорошо спрятаться, однако никто не пришел. Бойцы появились только на рассвете 16 марта, очень уставшие, и, добравшись до небольшого леса, стали дожидаться наступления дня. Владельцем грузовиков, на которых приехало подкрепление, был местный рисовод. В дальнейшем, опасаясь репрессий за оказанную помощь, он попросил политического убежища и уехал в Коста-Рику, откуда вернулся "героем" и привез на самолете кой-какое оружие. Его звали Уберт Матос.

Подкрепление состояло из пятидесяти человек, из которых только тридцать были вооружены. У них имелись две

автоматические винтовки. За несколько месяцев, проведенных в Сьерре, мы превратились в настоящих ветеранов и в новом отряде сразу заметили все слабости, которые были свойственны на первых порах гранмовцам: слабую дисциплину, нерешительность, неумение переносить трудности и быстро приспосабливаться к условиям походной жизни. Отряд находился под командованием капитана Хорхе Сотуса и был разбит на пять отделений по десять человек в каждом. Командиры отделений имели звание лейтенанта, которое было присвоено им равнинной организацией и подлежало утверждению. Отделениями командовали Домингес, который, кажется, был убит вскоре у Пино-дель-Агуа; Рене Рамос Латур, руководитель милиции на равнине, героически погибший в бою на заключительном этапе борьбы против батистовцев; Педрин Сото, наш старый товарищ по "Гранме", который наконец сумел присоединиться к нам, он также геройски погиб в бою, и Рауль Кастро посмертно присвоил ему звание майора 2-го Восточного фронта имени Франка Паиса; Пена, студент из Сантьяго, который получил звание майора и закончил свой жизненный путь уже после революции; лейтенант Эрмо, единственный из этих командиров, кто стался в живых.

Самым большим недостатком отряда было неумение быстро передвигаться. Его командир Хорхе Сотус двигался медленнее всех и постоянно плелся в хвосте, подавая дурной пример своим подчиненным. Мне было приказано возглавить отряд, но, когда я завел разговор об этом с Сотусом, он заявил, что имеет приказ передать отряд только Фиделю, и никому другому, а пока, мол, командовать отрядом будет сам. В то время я, как иностранец, еще был обременен комплексом неполноценности и не захотел идти на крайние меры, хотя и видел большое недовольство в отряде. После нескольких коротких переходов, которые, однако, длились очень долго в силу слабой подготовки бойцов, мы подошли к Дереча-де-ла-Каридад, куда должен был прибыть Фидель Кастро. Там собралась небольшая группа товарищей, ранее оторвавшихся от Фиделя: Мануэль Фахардо, Гильермо Гарсия, Хувентино, Песант, три брата Сотомайор, Сиро Фриас и я.

В те дни по-прежнему бросалось в глаза большое различие между двумя группами. Наши товарищи были дисциплинированными, спаянными, закаленными в боях. Новички пока еще болели детскими болезнями - не привыкли есть один раз в день, а если еда была невкусной, отказывались от нее. В вещмешках у новичков было много ненужных вещей. Когда же вещмешок натирал ему плечи, то он предпочитал выбросить из него банку сгущенного молока, чем расстаться с полотенцем. В условиях партизанской жизни это было преступлением. Мы

подбирали все банки с молоком и другие продукты, которые они бросали по дороге. В Дереча-де-ла-Каридад сложилась очень напряженная обстановка, вызванная постоянными трениями между бойцами отряда и Хорхе Сотусом, который обладал властным характером и не умел подойти к людям. Мы были вынуждены принять меры предосторожности и Рене Рамоса, чья военная кличка была Даниэль, поставили во главе пулеметного расчета на выходе из нашего убежища, чтобы иметь гарантию на всякий случай.

Впоследствии Хорхе Сотус был направлен со специальной миссией в Майами. Там он предал интересы революции, объединившись с Филипе Пасосом, чье непомерное стремление к власти привело к тому, что он забыл о своих обязательствах и стал претендовать на пост временного президента, участвуя в грязной игре, в которой важная роль принадлежала государственному департаменту.

Со временем капитан Сотус стал проявлять желание изменить свое поведение, и Рауль Кастро предоставил ему соответствующую возможность, в которой революция не отказывала никому. Однако он стал плести заговор против Революционного правительства и был осужден на 20 лет тюремного заключения. Ему удалось бежать благодаря помощи одного из тюремщиков, и они вместе отправились в идеальное убежище гусанос[8] - в Соединенные Штаты.

В тот период мы пытались оказать ему максимальную помощь в налаживании отношений с новыми товарищами, много говорили ему о необходимости дисциплины. Гильермо Гарсия направился на поиски Фиделя в район Каракаса, а я сделал небольшую вылазку, чтобы забрать Рамиро Вальдеса, наполовину оправившегося после травмы. Ночью 24 марта прибыл Фидель. Его появление с двенадцатью товарищами было впечатляющим. Большой была разница между бородатыми бойцами и новичками, одетыми пока еще в чистую форму, с одинаковыми аккуратными вещмешками, с выбритыми лицами. Я рассказал Фиделю о проблемах, с которыми мы столкнулись. Выл собран небольшой совет, чтобы решить, как нам поступить. В нем приняли участие сам Фидель, Рауль, Альмейда, Хорхе Сотус, Сиро Фриас, Гильермо Гарсия, Камило Сьенфуэгос, Мануэль Фахардо и я. На совете Фидель подверг меня критике за то, что я не выполнил приказ и не взял на себя командование отрядом, оставив его в руках вновь прибывшего Сотуса. В отношении последнего не было проявлено никакого предубеждения. По мнению Фиделя, Сотусу нельзя было позволять вести себя так. Все отделения были переформированы, а отряд разбит на три взвода во главе с

капитанами Раулем Кастро, Хуаном Альмейдой и Хорхе Сотусом. Камило Сьенфуэгосу было поручено командовать головным дозором, а Эфихенио Амейхейрасу - тыльным. Я стал врачом при штабе, где Универсо Санчес командовал отделением охраны.

Наш отряд приобрел другой вид, когда в него влилось столько новых бойцов. К тому же у нас теперь были две автоматические винтовки, хотя их эффективность из-за старости и плохого ухода была сомнительной. Тем не менее мы уже представляли собой солидную силу. При обсуждении вопроса о том, что нам следует предпринять в ближайшее время, я предложил при первой возможности напасть на какой-либо пост и в бою закалить новых товарищей. Однако Фидель и все остальные участники совета предпочли предварительно организовать для них поход, во время которого они смогли бы привыкнуть к трудностям жизни в сельве и горах, научились бы ходить по обрывистым горным хребтам. Так было принято решение направиться на восток и пройти как можно больше, прежде чем устроить засаду какой-либо группе солдат, то есть после того, как будет окончательно пройдена элементарная школа партизанской подготовки для этих товарищей.

После отдыха бойцы, полные энтузиазма, тронулись в путь, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу. Под Уверо они получили свое боевое крещение.

Период закалки

Март и апрель 1957 года явились для партизан периодом реорганизации и учебы. Получив подкрепление и выйдя в поход из Дереча-де-ла-Каридада, наш отряд насчитывал около 80 человек. Головным дозором командовал Камило, имевший в своем распоряжении четырех человек. За ним шел взвод Рауля Кастро, у которого командирами отделений были лейтенанты Рамиро Вальдес, Хулито и Нано Диасы. Последние никаких родственных связей между собой не имели и были только однофамильцами. Оба они героически погибли под Уверо. Нано родился в Сантьяго, и расположенный в этом городе нефтеперерабатывающий завод имени братьев Диас назван так в память о Нано и его брате, погибшем в родном городе. Хулито Диас, уроженец Артемиса, был ветераном "Гранмы" и Монкады. Со взводом Хорхе Сотуса, оставшегося все-таки капитаном, находились лейтенанты Сиро Фриас, впоследствии погибший на 2-м фронте имени Франка Паиса; Гильермо Гарсия, нынешний командующий Западной армией и Рене Рамос Латур, погибший в звании майора в Сьерра-Маэстре. За этим взводом следовал штаб, в состав которого входили Фидель как командир, Сиро Редондо, Мануэль Фахардо, гуахиро Креспо, Универсо Санчес (в настоящее время трое последних имеют звание майора) и я как врач. За штабом двигался взвод капитана Альмейды. Командирами отделений у него были лейтенанты Эрмо, Гильермо Домингес, погибший в Пино-дель-Агуа, и Пенья. Лейтенант Эфихенио Амейхейрас с тремя бойцами замыкал колонну, выполняя роль тыльного дозора.

Дорогу между Дереча-де-ла-Каридадом и Уверо на автомобиле можно проехать за несколько часов, наш отряд же прошел этот путь за несколько месяцев. Мы двигались медленно, со всеми предосторожностями, преследуя главную цель - подготовить бойцов к предстоящим боям.

Люди постепенно привыкали к условиям походной жизни. Почти во всех отделениях (а во взводе, как правило) имелись ветераны, которые обучали новичков искусству готовить пищу с минимальным количеством отходов продуктов, укладывать вещмешок и совершать марши в Сьерре. Отделения стали нашей основной боевой единицей, и между ними распределялись запасы продовольствия, медикаментов и боеприпасов.

Так мы вновь появились в Альтос-де-Эспиносы, где ветераны встали в почетный караул у могилы погибшего здесь Хулио Сенона. В этом месте мне попался зацепившийся за куст кусок. от

моего одеяла, который напомнил мне о "стратегическом отступлении на полной скорости". Я засунул его в вещмешок и дал себе твердое обещание никогда больше не терять ни одной вещи таким образом.

Мне выделили нового помощника по имени Паулино, который должен был нести медикаменты. Это облегчало мое положение как врача, и теперь на привалах я мог уделять несколько минут оказанию медицинской помощи бойцам отряда. Мы вновь прошли по горе Каракас, где из-за предательства Герры у нас состоялась такая неприятная встреча с вражеской авиацией. Здесь мои товарищи нашли винтовку, которую бросил какой-то боец, чтобы ему было легче бежать. У нас больше не было излишка в оружии, наоборот, ощущалась его нехватка.

Наступал новый период в нашей борьбе. Уже появился целый район, куда батистовцы не пытались проникать, боясь встречи с нами, хотя, по правде говоря, мы тоже пока не намеревались сталкиваться с ними. Политическая ситуация в стране в то время характеризовалась проявлением оппортунизма различных оттенков. Известные крикуны Пардо Льяда, Конте Агуэро и другие стервятники из одной и той же семейки без конца выступали с демагогическими призывами к согласию и миру, робко критикуя правительство. О мире стало говорить и правительство. Новый премьер-министр Риверо Агуэро заявил, что, если надо, он направится в Сьерра-Маэстру, чтобы добиться умиротворения страны. Однако несколько дней спустя Батиста выступил с заявлением, что нет необходимости вступать в переговоры с Фиделем и его повстанцами. Он говорил, что в Сьерре вообще никого нет и поэтому о переговорах с "бандой преступников" не может быть и речи.

Так батистовцы провозгласили о своем намерении продолжать боевые действия против повстанцев. Что касается нас, то мы тоже готовились усилить борьбу. В те дни операции против повстанцев возглавил известный казнокрад полковник Баррера, который впоследствии, будучи военным атташе в Венесуэле, спокойно наблюдал за кончиной батистовского режима.

В тот период в нашем отряде появились три симпатичных человека, которые в конечном счете сделали нашему движению рекламу в Соединенных Штатах, но в то же время их пребывание в Сьерра-Маэстре, особенно двоих из них, стоило нам некоторых издержек. Это были американские юноши, сбежавшие от родителей из военно-морской базы Гуантанамо, чтобы включиться в нашу борьбу. Они находились с нами несколько месяцев. Двое из них, не выдержав условий климата и больших лишений, покинули нас, так и не услышав ни одного выстрела в

Сьерре. Их увез домой журналист Боб Табер. Третий же принял участие в бою при Уверо. Впоследствии он заболел и тоже уехал от нас. Политически эти юноши не были подготовлены для участия в революции, они присоединились к нам просто из-за желания удовлетворить свою страсть к приключениям. Дружески попрощавшись с американскими юношами, мы, особенно я, как врач, которому чаще всех приходилось заниматься ими, вздохнули с облегчением.

В это время правительство, желая всем доказать, что в Сьерра-Маэстре нет никаких повстанцев, устроило для журналистов полет на военном самолете, который пролетел над горами на очень большой высоте. Это была любопытная экскурсия, которая никого ни в чем не убедила и свидетельствовала о стремлении батистовского правительства обмануть общественное мнение с помощью всех этих конте агуэро, рядившихся в тогу революционеров и постоянно обманывающих народ.

В эти дни испытаний мне наконец удалось получить брезентовый гамак. Такой гамак был настоящим сокровищем, но по установленному повстанцами строгому порядку его мог получить лишь тот, кто, преодолев лень, сделал для себя гамак из мешковины. Все, у кого уже были гамаки из мешковины, имели право на получение брезентовых по мере их поступления в отряд. Я же не мог пользоваться гамаком из мешковины из-за своей астмы. Ворс раздражал меня, и я был вынужден спать на земле. Поскольку у меня не было гамака из мешковины, я не мог рассчитывать на получение брезентового. Такие повседневные мелочи составляют часть личной трагедии, и в условиях походной жизни их замечают редко, но Фидель увидел это и сделал исключение в отношении меня, приказав выдать брезентовый гамак. Я очень хорошо помню, что это случилось на берегах Ла-Платы, когда мы поднимались к Пальма-Моча. Это было на следующий день после того, как мы впервые отведали конины.

Конина не была деликатесом, более того, она явилась своеобразной суровой проверкой способности людей приспосабливаться к условиям. Крестьяне из нашего отряда были возмущены и отказались есть свою порцию, а некоторые считали Мануэля Фахардо чуть ли не убийцей. Раньше он работал мясником, и теперь его мирная профессия была использована нами, чтобы поручить ему заколоть лошадь.

Эта первая лошадь принадлежала крестьянину по имени Попа, жившему на другом берегу Ла-Платы. Попа, вероятно, уже научился читать во время проведения кампании по борьбе с

неграмотностью, и, если ему в руки попадет журнал "Верде оливо", где опубликованы мои заметки, он вспомнит, как в ту ночь в дверь постучались три партизана в изношенной одежде и, перепутав его с одним доносчиком, конфисковали старую лошадь с сильно побитой спиной. Через некоторое время эта лошадь стала нашей пищей. Для иных ее мясо было изысканным яством, а для желудков крестьян явилось испытанием. Они считали, что совершают акт каннибальства, пережевывая мясо старого друга человека.

Знаменитое интервью

В середине апреля 1957 года наш проходивший обучение отряд вернулся в район Пальча-Моча и расположился поблизости от пика Туркино. В то время для нас самыми ценными бойцами в горах были выходцы из крестьян. Состоящие из них разведывательные дозоры во главе с Гильермо Гарсия и Сиро Фриасом посылались во все концы Сьерры. Они добывали ценную информацию и обеспечивали отряд продовольствием.

В описываемые дни мы вновь находились в районе у Арройо-дель-Инфьерно, где произошел один из наших боев.

Крестьяне, которые пришли поприветствовать нас, рассказали о происшедших здесь трагедиях. Нам сообщили о том, кто вывел на нас батистовцев и кто погиб тогда. Из бесед бойцы отряда получили много полезных сведений об обстановке в этом районе.

В тот момент у Фиделя не было радиоприемника, и один из крестьян охотно отдал ему свой. Теперь мы могли слушать сообщения из Гаваны. Приемник был большой, и его пришлось переносить в вещмешке. Поскольку так называемые конституционные гарантии были восстановлены, сообщения по радио стали более понятными.

Гильермо Гарсия с двумя партизанами отправился на поиски шпиона. Гарсия был переодет в форму капрала, а его товарищи - в форму солдат батистовской армии. На следующий день они доставили его к нам. В пути шпион вел себя спокойно, и ничто не вызывало у него подозрений, но когда перед ним появились наши бойцы в изорванной одежде, ему стало сразу ясно, куда он попал и что его ожидает. С откровенным цинизмом он рассказывал о своих связях с батистовской армией, о том, как он заранее выследил наш отряд и предлагал "этому подонку Касильясу", выражаясь его словами, вывести солдат в район расположения повстанцев и легко уничтожить их там. Однако тот, мол, не послушал его.

Вскоре после казни шпиона от Селии пришло сообщение о том, что она придет с двумя североамериканскими журналистами, которые хотят взять интервью у Фиделя. Кроме того, она прислала деньги, собранные среди симпатизирующих "Движению".

Было решено, что Лало Сардиньяс приведет североамериканцев через Эстрада-Пальму. Будучи торговцем, он хорошо знал здешние места. В тот период, когда район наших действий расширился, мы усиленно подыскивали надежных крестьян, которые выполняли бы роль связных и обслуживали

создаваемые нами опорные базы снабжения. Бойцы отряда устанавливали связь с крестьянскими семьями, изъявлявшими желание помогать в снабжении повстанцев, организовывали склады. Эти опорные базы служили нам и. как пристанище во время быстрых переходов в Сьерре.

Жители Сьерры очень выносливы и могут быстро покрывать большие расстояния. когда они говорили, что ходьбы тут всего на полчаса или, как они обычно выражались образно, "не успеет петух пропеть, как вы доберетесь туда", это часто вводило нас в заблуждение. У бойцов складывалось впечатление, что гуахиро имеет свою единицу измерения времени и пространства.

Спустя три дня после получения приказа Лало Сардиньясом стало известно, что к нам поднимаются в районе Санто-Доминго шесть человек - две женщины, два американских журналиста и двое неизвестных сопровождающих. Однако полученные сведения были противоречивыми. Люди даже говорили, что в результате доноса полиция якобы узнала о появлении этой группы и окружила дом, в котором она находилась. Новости распространяются в Сьерре с молниеносной быстротой, но с такой же быстротой они и искажаются. Камило получил приказ отправиться во главе взвода и освободить американцев и Селию Санчес, которая, как мы знали, была с ними. Однако они прибыли живыми и невредимыми.

Журналист Боб Табер и фоторепортер прибыли к нам 23 апреля. Вместе с ними были товарищи Селия Санчес и Айде Сантамария, а также посланцы равнинных организаций "Движения" Иглесиас и Марсело Фернандес. Иглесиас, имевший подпольные клички Маркос и Никарагуа, был тогда руководителем боевых групп Сантьяго, а сейчас он имеет звание майора и является губернатором провинции Лас-Вильяс. Бывший координатор "Движения" Фернандес в настоящее время работает заместителем председателя Национального банка. Во время интервью Марсело выполнял роль переводчика.

Встреча с журналистами проходила в соответствии с протоколом. Мы стремились показать американцам нашу силу и избежать каких-либо "нескромных" вопросов с их стороны. Нам не было известно, что собой представляют эти журналисты, но тем не менее интервью состоялось.

В те дни к нам присоединился один из самых симпатичных людей, участвовавших в революционной войне, - Вакерито. Он пришел в отряд вместе со своим товарищем. Как всегда в таких случаях, мы попросили их рассказать о себе и провели политическую беседу. Эта задача часто выпадала на мою долю. По словам Вакерито, он был из Морона провинции Камагуэй и

уже больше месяца разыскивал нас. У него не было определенных политических взглядов, и он производил впечатление здорового веселого юноши, который видел в нашей борьбе лишь романтику приключений. Он пришел босым, и Селия Санчес одолжила ему свои запасные мексиканские туфли. Они оказались единственной обувью, подходящей по размеру Вакерито - уж очень он был маленьким. В новых туфлях и большой крестьянской шляпе этот юноша был похож на мексиканского пастушка (вакерито). Отсюда и появилось его прозвище.

Как все знают, Вакерито не дожил до победы революции. Командуя штурмовым взводом 8-й колонны, он погиб за день до взятия Санта-Клары. Нам всем запомнилась его жизнерадостность, его ребяческий задор и необыкновенная находчивость при встрече с опасностью. Вакерито был большим фантазером. Возможно, ни в одном из своих рассказов он не обходился без того, чтобы не преувеличить все до такой степени, что действительное становилось неузнаваемым, Однако, выполняя обязанности связного, а затем командира штурмового взвода, Вакерито доказал, что для него не существовало резко очерченной границы между реальностью и фантазией. То, что ему подсказывало его быстрое воображение, он умело воплощал на поле боя. К концу нашей революционной борьбы его необычайная отвага стала легендарной.

Однажды после очередной вечерней беседы в колонне мне пришло в голову расспросить Вакерито, недавно прибывшего к нам, о его жизни. Слушая, я делал карандашом заметки для памяти. Когда Вакерито закончил рассказывать, поведав нам о многих красочных историях, я спросил его, сколько ему лет. В то время Вакерито было немногим более 20 лет. Сопоставив даты совершенных им "подвигов", я обнаружил, что он пошел работать за пять лет до своего рождения.

Товарищ Никарагуа сообщил нам о наличии в Сантьяго оружия, оставшегося после нападения на президентский дворец. По его словам, там имелось 10 пулеметов, 11 винтовок "джонсон", 6 ружей и еще кое-что из снаряжения. По существовавшему плану это вооружение предназначалось для открытия нового района боевых действий около сентраля Миранда. Фидель был противником этой идеи и приказал использовать для этой цели лишь небольшое количество оружия, а все остальное - направить для усиления нашего отряда. Мы продолжили свой путь, чтобы уйти подальше от рыскавших поблизости батистовских солдат. Но еще до начала марша было принято решение подняться на наш самый высокий пик - Туркино.

На эту вершину поднялась вся колонна, и здесь Боб Табер

закончил беседу с представителями "Движения". Заснятый фильм был показан но телевидению Соединенных Штатов. В то время мы еще не представляли столь грозную силу для батистовцев, о чем свидетельствовала и та сумма вознаграждения, которую они обещали тому, кто убьет Фиделя. Например, присоединившийся к нам гуахиро говорил, что Касильяс предлагал ему 300 песо и стельную корову за это убийство.

Походный высотомер, имевшийся у нас, показал, что вершина Туркино находится на высоте 1850 метров над уровнем моря. Я отмечаю это в порядке курьеза - мы никогда не проверяли наш прибор, и указанная им высота значительно отличалась от официально принятой.

Батистовская рота продолжала идти по нашим следам, и Гильермо с группой товарищей получил задачу обстрелять ее. Поскольку из-за астмы я вынужден был тащиться в хвосте колонны и не мог активно действовать в отряде, у меня забрали автомат "томпсон" и вернули его только через три дня. Это были самые горькие дни из проведенных мной в Сьерре. Я был безоружным, в то время как каждый день можно было ожидать стычки с солдатами.

В те майские дни 1957 года два американских журналиста покинули отряд и добрались живыми и невредимыми до Гуантанамо. Мы же продолжили наш медленный марш в горах Сьерра-Маэстры, устанавливая контакты с населением, ведя разведку новых районов и распространяя пламя революционной борьбы. О нашем отряде бородачей в Сьерре начинали ходить легенды. У людей появлялись новые настроения. Крестьяне приходили к нам уже не так боязливо. Мы же смело шли на установление связей с населением, поскольку наши силы значительно выросли и бойцы чувствовали себя более уверенно, не опасаясь любых ловушек батистовской армии. Наша дружба с гуахиро окрепла.

Походные дни

Первые пятнадцать дней мая были заняты непрерывным маршем в направлении нашей цели. В начале месяца мы находились в горах, составляющих гребень Сьерра-Маэстры и расположенных поблизости от пика Туркино. Наш путь проходил через районы, которые впоследствии стали местом многих революционных событий. Мы были в Санта-Анна, Эль-Омбрито, Пико-Верде, посетили дом Эскудеро и дошли до высоты Бурро. Отряд двигался в восточном направлении, чтобы забрать оружие, которое, как говорили, должно было прибыть из Сантьяго в район высоты Бурро, находящейся в относительной близости от Оро-де-Гиса, Однажды ночью, направившись по одному неотложному делу, я сбился с дороги и проблуждал три дня, прежде чем нашел свой отряд у Эль-Омбрито. (Тогда я смог оценить, что значит иметь при себе все необходимое для жизни: соль, растительное масло, консервы, молоко, постельные принадлежности, средства для разжигания огня, приготовления еды и даже компас, которому до этого момента очень доверял.) Поняв, что заблудился, я решил дождаться утра и двигаться дальше по компасу. Так я шел полтора дня, пока не стал замечать, что совсем сбиваюсь с пути. Тогда я вошел в крестьянский дом, и там мне рассказали, как пройти к повстанческому лагерю. Впоследствии нам стало ясно, что в столь пересеченной местности, как Сьерра-Маэстра, компас может служить лишь для общей ориентировки, но ни в коем случае не для прокладки какого-либо определенного курса. Для этой цели необходимы проводник или собственное знание местности, которым я стал обладать, когда мне поручили вести операции как раз в районе Эль-Омбрито.

Возвращение в отряд было очень волнующим, мои товарищи горячо встретили меня. Я прибыл к окончанию заседания народного суда, рассматривавшего дела трех доносчиков. Один из них, по фамилии Наполес, был приговорен к смерти. Председательствовал на суде Камило.

В то время я должен был исполнять обязанности врача и в каждом маленьком селении или любом другом месте, куда мы прибывали, открывал свою консультацию. Работа была монотонной, поскольку выбор лекарств был ограничен, а клинические случаи в Сьерре не блистали разнообразием: рано состарившиеся, беззубые женщины, дети с огромными животами, рахит, общий авитаминоз, паразиты - таковы были бедствия Сьерра-Маэстры. Они сохраняются и по сей день, но в гораздо

меньших размерах. Сейчас дети этих матерей из Сьерры уехали учиться в школьный городок имени Камило Сьенфуэгоса, они выросли, стали здоровыми и совсем не похожи на первых, истощенных обитателей нашего первого школьного городка.

Мне помнится, как какая-то девушка присутствовала на консультациях, которые я давал местным женщинам, приходившим почти с религиозным трепетом, чтобы узнать о причине своих недугов. Внимательно прослушав несколько консультаций, происходивших в единственной комнате домика, она стала ябедничать своей матери: "Мама, этот доктор всем говорит одно и то же".

И это была истинная правда. У меня не было больших знаний, да и к тому же у всех у них наблюдались одинаковые недуги. Сами того не замечая, эти люди рассказывали одну и ту же душераздирающую историю. Что бы произошло, если бы врач в этот момент стал объяснить появление странного чувства усталости у молодой многодетной матери, когда она несет ведра с водой от ручья к дому, тем, что это слишком тяжелая работа при таком скудном и качественно плохом питании? Эта усталость является чем-то необъяснимым, потому что на протяжении всей своей жизни женщина носила те же самые ведра с водой по той же самой дороге и только теперь стала уставать. Дело в том, что люди в Сьерре появляются на свет и растут без ухода, быстро истрачивают свои жизненные силы в работе без отдыха. Именно там, в этих встречах, родилось понимание нами необходимости решительной перемены в жизни народа. Идея аграрной реформы приобрела четкие очертания, и требование о необходимости единения с народом перестало быть теорией, оно вошло неотъемлемой частью в нашу плоть и кровь.

Партизанский отряд и крестьянство стали сливаться в единую массу, причем никто не смог бы сказать, на каком именно отрезке нашего длинного пути это произошло. Что касается меня, я знаю только одно: в результате тех самых консультаций, которые я давал гуахиро Сьерры, моя стихийная и немного сентиментальная настроенность превратилась в более серьезную и решительную силу. Страдающие друзья - жители Сьерра-Маэстры - никогда не подозревали, какую роль они сыграли в качестве кузнецов нашей революционной идеологии.

В тех местах Гильермо Гарсия было присвоено звание капитана и ему было поручено командовать всем новым пополнением из числа крестьян, которые приходили к нам в отряд. Может быть, товарищ Гильермо не запомнил 6 мая 1957 года, но эта дата отмечена в моем дневнике.

На следующий день Айде Сантамария покинула нас с четкой

инструкцией Фиделя установить необходимые контакты, однако день спустя пришло сообщение об аресте Никарагуа (майора Иглесиаса), которому было поручено доставить нам оружие. Эта новость расстроила всех, и теперь мы не представляли себе, каким образом может быть получено оружие. Однако было принято решение продолжать наш путь в район встречи.

Мы прибыли в маленькую долину, расположенную неподалеку от Пино-дель-Агуа, где на гребне Сьерра-Маэстры стояли два необитаемых боио и находилась заброшенная могила. Недалеко от шоссе наш дозор взял в плен батистовского капрала, известного своими злодеяниями еще со времен Мачадо. Некоторые бойцы отряда предложили сразу расстрелять его, однако Фидель запретил делать это. Капрала попросту оставили под охраной новых бойцов, которые пока еще не имели винтовок, и предупредили его, что любая попытка к бегству будет стоить ему жизни.

Основная часть отряда продолжила путь к условленному месту, куда должно было быть доставлено оружие. Этот поход был длинным, но мы совершали его налегке, оставив свои полные вещмешки в лагере. Наше путешествие оказалось безрезультатным. Оружие не прибыло, и мы, естественно, связывали это с арестом Никарагуа. Купив довольно много продуктов в местной лавке, мы двинулись в обратный путь.

Шли медленной, усталой походкой по той же дороге вдоль гребня Сьерра-Маэстры, пересекая с большими предосторожностями открытые места. Вдруг впереди послышался выстрел. Это нас насторожило, потому что один из наших товарищей пошел быстрее, чтобы как можно раньше прийти в лагерь. Им был Гильермо Домингес, лейтенант нашего отряда, один из тех, кто прибыл с пополнением из Сантьяго. Мы выслали вперед разведку и были готовы к любой неожиданности. Через некоторое время разведчики вернулись в сопровождении товарища, по имени Фиальо, который принадлежал к группе Кресенсио и прибыл в лагерь во время нашего отсутствия. Он рассказал, что произошла стычка с батистовцами, которые отступили в направлении Пино-дель-Агуа[9], где располагалось крупное вражеское подразделение, и что на дороге найден труп какого-то человека, который я должен опознать.

Это был, конечно, Гильермо Домингес. Его тело было обнажено до пояса. Около локтя виднелось нулевое отверстие, слева на груди зияла штыковая рана, а голова была наполовину снесена выстрелом, судя по всему, из ружья, принадлежащего Домингесу. О том, что это был убит наш несчастный товарищ, свидетельствовали и некоторые предметы снаряжения и

обмундирования.

Проанализировав различные данные, мы смогли представить себе картину происшедших событий. Батистовцы, которые, вероятно, разыскивали плененного нами капрала, заметили беспечно шедшего Домингеса и схватили его. Эта беспечность могла быть объяснена тем, что за день до этого он прошел по той же самой дороге без всяких приключений. Одновременно навстречу нам шли люди Кресенсио. Они вышли в тыл противника и, захватив его врасплох, открыли огонь. Солдаты бросились бежать, убив перед бегством нашего товарища Домингеса.

Батистовцы ходили по старой просеке, служившей для перевозки леса. Домингесу следовало бы пройти по ней сотню метров, а затем продолжить свой путь по узенькой тропе, проходящей по отрогу горы. Наш товарищ не проявил элементарной предосторожности, необходимой в таких случаях, и напоролся на засаду. Его горькая участь послужила нам уроком на будущее.

Прибытие оружия

В одном из районов Сьерры, вблизи от лесопилки Пино-дель-Агуа, мы закололи великолепную лошадь пленного капрала, потому что она не годилась для езды по столь пересеченной местности, а продовольствия у нас не хватало. Капрал, уплетая конину и суп, все время расхваливал лошадь, которую ему одолжил его друг. Он дал нам его адрес и просил, чтобы мы обязательно расплатились с этим человеком. Конина и мясо других животных Сьерры были совсем не презренным дополнением к нашей обычной диете.

В тот день мы услышали сообщение по радио о приговоре, вынесенном нашим товарищам по "Гранме", а также об особом мнении одного из судей, выступившего против приговора. Этим судьей был Уррутия, чей честный поступок послужил поводом для выдвижения его в дальнейшем на пост временного президента республики. Мнение одного судьи в тот момент большого значения не имело, и это был лишь благородный жест со стороны Уррутия, однако следствием всего этого было появление плохого президента, неспособного понять дальнейшее развитие политического процесса, воспринять глубину революции, которая вышла за рамки его закостенелого мышления. Последующее поведение Уррутия привело ко многим конфликтам, которые были разрешены его отставкой по единодушному требованию народа во время первого празднования Дня 26 июля.

В один из этих дней прибыл связной из Сантьяго, по имени Андрес, который сообщил нам, что оружие находится в безопасности и в ближайшее время будет доставлено. Местом его передачи была названа одна лесопилка, принадлежавшая братьям Бабун, которые согласились оказать нам помощь, надеясь сделать хороший бизнес на революции. В последующем эти братья оказались за бортом революции, а трое сыновей одного из компаньонов фирмы "Бабун" стали контрреволюционерами и были взяты в плен у Плайя-Хирон.

Любопытно было наблюдать, как в то время целый ряд типов в надежде использовать революцию в своих целях оказывали нам мелкие услуги, чтобы потом потребовать исполнения своих желаний от новой власти. Братья Бабун просили сдать в концессию все прилегающие леса. Стремясь увеличить свою латифундию, они намеревались согнать с земли всех крестьян и безжалостно вырубить лес. В эти дни у нас появился американский журналист из той же породы, что и Бабуны. Он был

венгром по происхождению, и его звали Эндрюс Сейнт Джордж.

Поскольку я был единственным человеком в отряде, знавшим французский язык (в тот момент не было никого со знанием английского), мне поручили заняться им, и, по правде говоря, он не показался мне таким опасным типом, как при второй встрече, когда он был разоблачен как агент ЦРУ.

Мы обошли Пино-дель-Агуа, чтобы выйти к истокам реки Пеладеро. Наш путь пролегал по обрывистому склону, и за плечами у нас лежал тяжелый груз. Продвигаясь вдоль Пеладеро, мы поднялись к его притоку - ручью Дель-Индио, где провели пару дней, пополняя запасы провизии. Мы миновали уже ряд маленьких крестьянских поселений и, оставив в них своеобразную подпольную революционную власть, поручили нашим сторонникам информировать обо всех событиях и о передвижениях. неприятельской армии. Однако мы по-прежнему жили в лесу, лишь изредка останавливаясь на ночлег в каком-либо поселке. В этом случае только часть из нас спала в домах, а большинство же располагалось в прилегающем лесу. Днем же все снова были начеку.

Нашим самым страшным врагом в этот период года был макагуэра. Это насекомое представляет собой разновидность овода и получило такое название за то, что оно, как считают, откладывает свои яйца на дереве макагуа. В определенные периоды года макагуэра заполняет леса. Его укусы вызывали сильный зуд, и при наших условиях на коже быстро появлялись нарывы.

Наконец 18 мая было получено сообщение о прибытии оружия в условленное место, Эта новость быстро распространилась и вызвала ажиотаж в лагере, поскольку каждый боец хотел улучшить свое вооружение, тайне надеясь получить или совсем новое, или хотя бы высвободившееся у старых бойцов оружие, пусть даже и с некоторыми дефектами, До нас дошло также известие и о том, что фильм, сделанный Бобом Табером в Сьерра-Маэстре, был показан в США и имел там большой успех. Это, обрадовало всех нас, за исключением Эндрюса Сейнт Джорджа, который, хотя и являлся агентом ЦРУ, по профессии был журналистом и завидовал удаче коллеги. На следующий день после получения этого известия он. от правился на яхте из владений Бабунов в Сантьяго-де-Куба.

В тот самый день, когда пришло сообщение о доставке. оружия, мы узнали, что исчез один боец. Этот случай создавал для нас опасность, потому что, как я уже говорил, весь лагерь знал, куда прибудет оружие. На поиски этого бойца, были отправлены несколько групп. Через некоторое время они

вернулись и сообщили, что дезертиру удалось сесть на катер, отправлявшийся в Сантьяго. Мы предположили, что он направился туда, чтобы донести о нашем местонахождении властям, однако позже выяснилось, что он просто дезертировал: у него не хватило физических и моральных сил, чтобы противостоять трудностям нашей жизни. Тем не менее нами были приняты необходимые меры предосторожности. Борьба за повышение морально-политической и физической подготовки наших людей велась ежедневно, но ее результаты не всегда были удовлетворительными. Некоторые бойцы нередко просили отпустить их, выдвигая самые различные причины, и если им отказывали, они убегали из отряда. И это происходило несмотря на то, что дезертирство у нас каралось смертной казнью.

Ночью было доставлено оружие. Это было прекраснейшее зрелище для нас: перед жадными глазами бойцов, как на выставке, расположились орудия смерти. Три станковых пулемета, три ручных пулемета "мадзен", девять карабинов М-1, десять автоматических винтовок "джонсон" и шесть тысяч патронов. Хотя к карабинам прилагалось всего по сорок пять патронов, их распределили исходя из заслуг людей и времени их пребывания в Сьерре. Один из этих карабинов, являвшихся наиболее желанным оружием, был вручен Рамиро Вальдесу, два других - головному дозору под командованием Камило. Остальные карабины получили расчеты станковых пулеметов. Один из ручных пулеметов "мадзен" был передан взводу капитана Хорхе Сотуса, второй - взводу Альмейды, а третий штабу, где его вручили мне. Станковые пулеметы отдали Раулю, Гильермо Гарсия и Кресенсио Пересу. Таким образом я становился настоящим бойцом, которым до этого был лишь от случая к случаю, выполняя в качестве постоянного поручения обязанности врача. Для меня начинался новый этап в Сьерре.

Я очень хорошо запомнил, как мне вручали ручной пулемет. Хотя он был плохой и старый, но в то время казался мне настоящим приобретением. Для обслуживания ручного пулемета было выделено четыре человека. Их дальнейшая судьба сложилась по-разному. Двое из них - братья Пупо и Маноло Беатон были расстреляны за измену революции. Они убили майора Кристино Наранхо и скрылись в горах Орьенте, где стали заниматься подрывной деятельностью, пока не были схвачены одним крестьянином. Третий был пятнадцатилетний мальчик по имени Жоэль Иглесиас. Ныне он является президентом Ассоциации молодых повстанцев и майором Повстанческой армии. Четвертый в настоящее время служит офицером в армии, имея звание лейтенанта. Его фамилия - Оньяте, но мы любовно

называли его Кантинфласом[10].

С прибытием оружия боевая и политическая подготовка отряда, однако, не закончилась. Несколько дней спустя, 23 мая, Фидель отдал приказ о новом отчислении из отряда, в том числе целого отделения; и наши силы сократились до ста двадцати семи человек, большинство из которых были вооружены, причем около восьмидесяти бойцов имели хорошее оружие.

Из отделения, отчисленного вместе с командиром, остался лишь один боец по имени Крусито, который позднее стал нашим всеобщим любимцем. Крусито был поэтом-самоучкой. У него происходили частые стычки с поэтом Каликсто Моралесом, участником высадки с "Гранмы", который в своих стихах называл себя полевым соловьем. Это не нравилось Крусито, и в припевах сочиняемых им песен неизменно появлялось пренебрежительное обращение к Каликсто: "А ты горная ворона".

Этот замечательный человек в своих песнях изложил всю историю нашей революции начиная с "Гранмы". На каждом привале можно было видеть, как он, сидя с трубкой во рту, складывал эти песни. Поскольку у нас было очень мало бумаги, ему приходилось заучивать их наизусть, и, когда пуля сразила его в бою у Пино-дель-Агуа, эти песни были потеряны для нас.

В районе лесопилок мы получали бесценную помощь от старого знакомого Фиделя и Рауля - Энрике Лопеса, который в тот момент был служащим у Бабунов и выполнял роль нашего связного, одновременно обеспечивая нас продовольствием и помогая безопасно передвигаться в округе. В тех местах было множество дорог, по которым сновали военные грузовики. Мы не раз устраивали засады для захвата их, но успеха не имели. Может, это и к лучшему, потому что нам предстояла операция, которая явилась самым сильным психологическим ударом для противника за все время войны - нападение на Уверо.

25 мая было получено сообщение о том, что в районе Майари с яхты "Коринтия" высадилась группа во главе с Каликсто Санчесом. Через несколько дней мы узнали о плачевном результате этой операции. Прио посылал своих людей на смерть, но сам никогда не шел вместе с ними. Сообщение о высадке поставило нас перед неотложной необходимостью отвлечь силы врага и дать возможность этим людям добраться до какого-либо укрытия, реорганизоваться и начать действия. Мы шли на это из чувства солидарности с мужественными людьми, хотя и не знали о социальном составе высадившейся группы и о ее подлинных намерениях.

В тот момент между автором этих строк и Фиделом завязался спор. Я считал, то не следует упускать возможность для захвата

грузовиков и что мы специально должны заняться охотой за ними на дорогах, по которым они беспечно ездили вверх и вниз. Однако в голове Фиделя уже созревала идея нападения на Уверо. Эта операция была бы намного полезнее и в случае овладения этим объектом принесла бы нам более полную победу. Для Батисты это был бы большой психологический удар, о котором узнала бы вся страна. О нападении же на отдельные грузовики батистовцы могли сообщить как о дорожном происшествии, повлекшем за собой, мол, гибель и ранения военнослужащих. Хотя люди и усомнились бы в правдивости такого сообщения, батистовской прессе все же удалось бы умолчать о нашем эффективном боевом присутствии в Сьерре. Это совсем не означало, что идея о захвате грузовиков при благоприятных обстоятельствах полностью отбрасывалась нами, но в то же время мы не должны были допускать, чтобы эти операции стали нашей основной целью.

Теперь, спустя несколько лет после этого спора, в котором Фидель не убедил меня и заставил выполнять свой приказ, я должен признать, что его соображения были правильными. Для нас было бы гораздо меньше пользы от операции против одного из моторизованных патрулей. Дело в том, что в то время наше общее страстное желание сражаться толкало нас на самые крайние и поспешные решения и не позволяло нам предвидеть более отдаленной цели. Но как бы там ни было, мы приступили к окончательной подготовке для нападения на Уверо.

Бой за Уверо

После того как был выбран объект для нападения, оставалось лишь уточнить детали операции. Для этого требовалось определить численность противника, количество постов, связь и подходы к нему, узнать, что собой представляет гражданское население, где но размещается и т. д. В решении этой задачи большую помощь оказал нам товарищ Кардеро, ныне являющийся майором Повстанческой армии. Если мне не изменяет память, администратор лесопилки доводился ему тестем.

Мы считали, что противник располагал о нас более или менее точными сведениями: нам удалось схватить двух шпионов, которые сознались, что их послал Касильяс для выявления местонахождения отрядов Повстанческой армии и пунктов их сбора. Смотреть на двух мужчин, молящих о пощаде, было, конечно, отвратительно и то же время жалко, но нельзя было не выполнить суровых законов войны в эти тяжелые времена - оба шпиона были казнены на следующий день.

В тот же день, 27 мая, в штабе состоялось совещание. Фидель объявил, что в течение ближайших двух суток состоится бой и отряды должны быть готовыми к маршу.

Нашим проводником был Кардеро, который очень хорошо знал район казармы Уверо и все пути подхода к нему. Мы отправились в путь с наступлением темноты. За ночь предстояло пройти около 16 километров. Путь оказался нелегким: горная дорога, проложенная фирмой "Бабун" для своих лесопилок, извиваясь, круто спускалась вниз. На передвижение было затрачено около восьми часов, потому что ради предосторожности приходилось несколько раз останавливаться, особенно при приближении к опасным участкам. Наконец был отдан приказ об атаке: предстояло захватить посты и обрушить огонь на деревянную казарму.

Мы знали, что около казармы не было особых укреплений, если не считать сваленных в разных местах нескольких бревен. Вокруг были расставлены усиленные посты, каждый из которых имел по три-четыре человека.

Для руководства боем наш штаб разместился на высоте прямо напротив казармы. Кустарник позволял подойти к противнику очень близко. Бойцы получили строгий приказ не стрелять по жилым постройкам, поскольку там находились женщины и дети.

Казарма Уверо расположена на берегу моря, и, чтобы окружить ее, надо было наступать с трех сторон.

Хорхе Сотус и Гильермо Гарсия со своими взводами должны были атаковать поет, который прикрывал дорогу, идущую по берегу моря из Пеладеро. Альмейде было поручено ликвидировать пост, находившийся напротив высоты.

Фидель расположился на вершине высоты. Рауль со своим взводом должен был атаковать казарму с фронта.

Мне с ручным пулеметом и четырьмя помощниками отвели промежуточное направление. Камило и Амейхейрас должны были действовать в промежутке между моей группой и взводом Рауля. Однако в темноте ночи они не смогли правильно сориентироваться и, вместо того чтобы выйти левее меня, оказались справа. Взвод Кресенсио Переса должен был перерезать дорогу между Уверо и Чивирико, чтобы воспрепятствовать подходу подкреплений противника.

Предполагалось, что бой будет скоротечным, поскольку наше нападение должно было начаться внезапно. Однако время шло, а нам никак не удавалось развернуться в боевой порядок в соответствии с нашим планом. Через проводников Кардеро и местного жителя Элихио Мендосу продолжали поступать донесения. Уже стало светать, а мы все еще не были готовы к атаке. Хорхе Сотус сообщил, что ему плохо видно объект атаки с занятых им позиций, но было уже поздно менять их. Фидель первым открыл огонь из своей винтовки с телескопическим прицелом, и буквально через несколько секунд мы увидели, как казарма озарилась вспышками ответных выстрелов.

Я разместился на небольшом бугре. Казарма была довольно далеко внизу, поэтому было решено переместиться вперед и занять более выгодную позицию.

Все пошли в наступление: Альмейда двигался в направлении поста, прикрывавшего подступы к казарме со стороны отведенного ему сектора, слева шел Камило, в шляпе, напоминавшей каску солдата Иностранного легиона, с эмблемой "Движения 26 июля". Мы продвигались вперед, соблюдая все меры предосторожности.

К нашей группе стали присоединяться бойцы, оторвавшиеся от своих подразделений. Это были товарищ из Пилона, по кличке Бомба, а также Марио Леаль и Акунья. Огонь противника все усиливался. Мы подошли к открытому ровному участку, по которому приходилось перемещаться с большими предосторожностями из-за непрекращающегося прицельного огня противника. Со своей позиции, расположенной примерно в 60 метрах от переднего края противника, я увидел, как из окопа быстро выскочили два батистовских солдата и побежали к жилым домам. Я выстрелил по ним, но они уже успели вбежать в дом, по

которому мы не могли вести огонь: там были женщины и дети.

Группа продолжала идти вперед и вышла на совершенно открытый участок местности. Вокруг зловеще свистели пули. Вдруг рядом со мной послышался стон и крики. Я подумал, что застонал раненый вражеский солдат, и пополз к нему, чтобы взять его в плен. Но это оказался раненный в голову Леаль. Я быстро осмотрел рану. Она была сквозная, в области темени. Леаль был уже без сознания, и у него начинался паралич одной стороны тела. Под рукой у меня не было перевязочных материалов, и пришлось закрыть рану бумагой. Немного погодя Жоэль Иглесиас оттащил его в сторону, и мы двинулись дальше. Вскоре был ранен Акунья. Мы залегли и стали вести огонь по расположенному перед нами, хорошо замаскированному окопу, одновременно готовясь к решительному броску, поскольку только так можно было окончательно подавить этот очаг сопротивления.

Казалось, что бой продолжался всего несколько минут, но на самом деле от первого выстрела до захвата казармы прошло два часа сорок пять минут.

Слева от меня впереди шедшие товарищи, среди которых, кажется, был и Виктор Мора, взяли в плен последних оказывавших сопротивление солдат, а прямо напротив нас из бревенчатого укрытия выскочил батистовец и поднял руки. Отовсюду слышались крики: "Сдаюсь!" Мы бросились к казарме, откуда раздалась последняя автоматная очередь, которая, как мы потом узнали, оборвала жизнь лейтенанта Нано Диаса.

Мы взяли в плен двух солдат, укрывшихся в доме, а также врача и санитара. С врачом, седым солидным человеком, чья последующая судьба мне неизвестна, произошел курьезный случай. Количество раненых было огромным, и, не имея возможности заниматься ими, я решил передать их этому врачу. Однако, когда я попытался сделать это, он спросил меня, сколько мне лет и когда я получил диплом. Услышав мой ответ, он откровенно признался: "Знаешь, парень, займись этим делом сам, потому что я только что закончил учебу и у меня очень мало. опыта". Видимо, этот человек по своей неопытности и от страха забыл все, чему его учили. И мне снова пришлось сменить винтовку на халат врача.

После окончания этого боя, оказавшегося одним из самых кровопролитных для нас, мы подвели итоги, которые помогли воссоздать более полную картину наших действий. Она, естественно, отличается от той, которую я нарисовал на основе личных впечатлений в начале этого рассказа.

Как стало ясно после боя, бойцы отряда, двинувшиеся в наступление по сигналу Фиделя, сразу встретили сильный огонь

противника. Батистовцы постоянно сосредоточивали свой огонь по высоте, с которой наш командир руководил боем. Хулито Диас, находившийся рядом с Фиделем, был ранен в голову в самом начале боя. Время шло, а огонь противника не позволял бойцам приблизиться к объектам. Из-за этого огня Альмейда не мог с ходу выполнить основную задачу - ликвидировать вражеский пост напротив высоты и тем самым обеспечить продвижение вперед своего взвода и взвода Рауля, который наступал с фронта.

В этом бою погиб проводник Элихио Мендоса, когда он с винтовкой в руке бросился на врага. Мендоса был суеверный человек и носил с собой талисман. Когда ему крикнули, чтобы он был поосторожнее, Элихио с презрением ответил: "Мой святой защитит меня!" Через несколько минут его надвое перерезала автоматная очередь. Противник, укрывшийся в окопах, продолжал сдерживать наше продвижение с фронта, нанося нам серьезные потери. Хорхе Сотус с одним бойцом попытался обойти вражеские позиции с фланга, со стороны дороги в Пеладеро. Однако этот боец был сразу убит, а Сотус вынужден был броситься в море, чтобы избежать верной смерти. С этого момента он практически не принимал участия в бою. Остальные бойцы его взвода попытались начать атаку, но были отброшены, потеряв при этом одного человека убитым и двоих ранеными.

Альмейда отдал приказ начать решительную атаку, чтобы любой ценой сломить сопротивление противостоящего ему противника. В результате успешных действий его бойцов вражеский пост был уничтожен и путь к казарме оказался открытым. Во время этой атаки Альмейда и трое его товарищей - Массо, Эрмес Лейва и Пена - были ранены, а четвертый, по имени Молл, погиб. На другом фланге Гильермо Гарсия удалось быстро ликвидировать вражеский пост. Меткой стрельбой из автомата он уложил четверых батистовцев. Рауль немедленно воспользовался этим успехом и, разделив свой взвод на две группы, бросился к казарме. Таким образом, в результате действий капитанов Гильермо Гарсия и Альмейды по уничтожению вражеских постов был окончательно решен исход боя. Одновременно следует отметить инициативные действия Луиса Креспо, который пришел к Альмейде из штаба, чтобы принять участие в атаке.

В от момент, когда сопротивление противника уже было сломлено и мы подходили к казарме, где развевался белый флаг, кто-то, по-видимому из наших бойцов, выстрелил. В ответ раздалась автоматная очередь, сразившая Нано Диаса. Взвод Кресенсио непосредственно в атаке не участвовал и выполнял задачу по прикрытию дороги в Чивирико. Его бойцы поймали

нескольких батистовцев, пытавшихся спастись бегством. Несмотря на то что бой был жестоким и длился долго, ни один местный житель не пострадал.

В бою за Уверо наш отряд потерял 15 человек убитыми и ранеными. Потери же противника составили 14 человек убитыми и 19 ранеными. В плен было взято 14 батистовцев, и лишь шести вражеским солдатам удалось спастись бегством. У противника, таким образом, было всего 53 человека, и командовал ими лейтенант, который вскоре после своего ранения решил капитулировать.

С обеих сторон в бою участвовало 133 человека, и за два часа сорок пять минут из строя было выведено 48 человек, то есть более одной трети личного состава. Такие потери можно объяснить тем, что наступавшим пришлось действовать в основном на открытой местности, а оборонявшиеся не имели надежных укрытий. При этом следует учитывать и ту ожесточенность, с которой дрались противники. Для нас этот бой явился переломным моментом. После него боевой дух отряда окреп, еще сильнее стала вера в победу. И хотя последующие месяцы были месяцами суровых испытаний, мы уже владели секретом побеждать врага. Этот бой решил судьбу мелких гарнизонов противника, расположенных вдали от его главных сил, и батистовцы вскоре отвели их.

Батистовцы не смогли получить подкрепления и авиационной поддержки, так как в их телефонный аппарат угодила одна из первых выпущенных нами пуль и связь казармы с Сантьяго была прервана. Насколько я помню над полем боя пролетел всего два раза какой-то самолет. Разведывательные самолеты противника появились несколько часов спустя, когда мы уже были в горах. О степени плотности нашего огня, который обрушился на деревянные постройки, свидетельствует и то, что три из пяти маленьких попугайчиков, которых солдаты держали в казарме, были убиты.

Возвращение к обязанностям врача доставило мне несколько трудных моментов. Первым тяжелораненым, которому я оказал помощь, был товарищ Сильерос. Пуля раздробила ему правое плечо, прошла через легкие и застряла в позвоночнике. В результате обе ноги у Сильероса были парализованы, и его состояние было крайне тяжелым. Я дал ему болеутоляющее средство и туго перевязал грудь, чтобы ему было легче дышать, - единственное, чем я мог помочь своему товарищу. Тяжело раненных Леаля и Сильероса было решено оставить на попечение врача вражеского гарнизона. Когда я сообщил об этом решении Сильеросу, стараясь при этом как-то успокоить его, он ничего не

сказал в ответ, но на его лице появилась печальная улыбка, которая больше всяких слов говорила о том, что он прекрасно осознает свою обреченность. Я тоже понимал это и хотел поцеловать его на прощание в лоб, но такой поступок с моей стороны как врача был бы равносилен вынесению смертного приговора своему товарищу, и я не должен был омрачать его последние минуты. С глубокой болью я простился с тяжелоранеными бойцами. Они оставались вместе с 19 ранеными батистовскими солдатами, которым мы также оказали посильную медицинскую помощь. Батистовцы проявили некоторую порядочность и не стали сразу расправляться с нашими товарищами. Сильерос долго не прожил и по пути в Сантьяго скончался. Леаль остался жив и до конца революционной войны находился в тюрьме на острове Пинос. У него до сих пор сохранились следы ранений, которые он получил в бою при Уверо - этом важном эпизоде нашей революционной борьбы.

Погрузив на один из автомобилей Бабунов как можно больше снаряжения и особенно медикаментов, я вовремя прибыл к месту сбора отряда, чтобы оказать помощь раненым и попрощаться с погибшими товарищами, которых мы похоронили у поворота дороги. Поскольку противник мог быстро организовать преследование, было решено уйти от этих мест как можно дальше. Я оставался с ранеными. Энрике Лопес должен был обеспечить транспортировку их в укромное место, выделить мне помощников и наладить снабжение медикаментами.

Рассказы о бое продолжались до самого рассвета. В ту ночь в отряде никто почти не спал. Каждый хотел принять участие в разговорах и сообщить о событиях, очевидцем которых он был. При этом допускались невероятные преувеличения. Ради интереса к статистике я подсчитал, сколько солдат было убито этими рассказчиками в ходе боя, и оказалось, что число убитых превышало все противостоявшие нам силы. Мне стало ясно, что при подсчете потерь противника данные должны оценивать и сопоставлять несколько человек. В дальнейшем, стремясь любой ценой получить точные сведения, я требовал даже предъявления вещественных доказательств о каждом убитом солдате, поскольку забота о правдивости информации всегда стояла в центре внимания Повстанческой армии. Всем товарищам внушалась мысль о глубоком уважении к правде, и от них требовалось, чтобы они ставили ее превыше любого временного успеха.

Утром мы с грустью прощались с бойцами отряда, с которыми одержали столь важную победу. Со мной оставались Жоэль Иглесиас, Оньяте, проводник Синесио Торрес и Вило Акунья, ныне являющийся майором Повстанческой армии.

Спасая раненых

После боя при Уверо, на рассвете следующего дня, в воздухе появилась авиация противника. Попрощавшись с отрядом, мы скрыли следы, оставленные нами при входе в лес. Наша группа находилась всего в сотне метров от автомобильной дороги и ждала появления Энрико Лопеса, который должен был оказать нам помощь в поисках убежища.

Раненые Альмейда, Пена, Кике Эскалона и Манальс, которому я не разрешал ходить из-за ранения в легкие, не могли двигаться. Мануэль Акунья, Эрмес Лейва и Масео были способны идти самостоятельно. Поздним утром прибыл связной и сообщил, что Энрике Лопес не может оказать нам помощь, так как у него заболела дочь и он был вынужден уехать в Сантьяго. Правда, Лопес обещал прислать нам нескольких добровольцев, но вряд ли мы могли бы дождаться их.

Обстановка сложилась тяжелая. У Кике Эскалоны начала гноиться рана, да и состояние Манальса было не лучше. Мы провели разведку ближайших дорог и, не обнаружив вражеских солдат, решили перебраться в боио, расположенное на расстоянии около четырех километров. Хозяева покинули свое жилище, оставив большое количество цыплят.

Рабочие лесопилки помогли нам перенести раненых. На рассвете следующего дня, плотно поев - после нашего завтрака число цыплят сильно сократилось, мы спешно покинули эту хижину, потому что и так уже провели целый день практически рядом с местом, где произошел бой. Вблизи проходили шоссейные дороги, и по ним противник мог быстро прибыть сюда. К нашей стоянке непосредственно выходила одна из дорог, проложенная компанией "Бабун" для вывоза леса. Перед нами стояла трудная задача - спуститься в долину, где протекал ручей Дель-Индио, а затем подняться по узенькой тропинке к землянке, в которой обитал крестьянин Исраэл с женой и шурином. Конечно, было жалко нести товарищей по такой пересеченной местности, но другого выхода не было. Хозяева землянки приняли нас гостеприимно, уступив даже свои кровати для раненых.

В районе первой стоянки мы спрятали самое старое оружие, чтобы как-то облегчить себе путь. Кроме того, по мере возрастания тяжести нашей ноши мы постепенно освобождались от большого количества трофейного снаряжения, без которого можно было временно обойтись. Как правило, после отдыха в изредка встречавшихся крестьянских хижинах мои товарищи забывали кое-что из своих вещей, и поэтому было решено еще раз

пройтись по нашему пути и ликвидировать эти доказательства нашего пребывания в здешних местах. От этого зависела безопасность нашей группы. Одновременно проводник Синесио был отправлен на поиски своих знакомых в районе Пеладеро.

Вскоре Акунья и Жоэль Иглесиас сообщили мне, что поблизости они слышали чужие голоса. Мы сразу выдвинулись. вперед, стремясь, чтобы встреча с врагом произошла как можно дальше от месторасположения раненых, защита которых была нашей святой обязанностью. Все понимали, что драться придется в очень трудных условиях. Обнаруженные на тропинке следы босых ног очень удивили нас, они показывали, что неизвестные шли той же самой дорогой, что и мы. Осторожно приблизившись, мы услышали, как несколько человек беспечно вели разговор между собой. Я вместе с Вило и Жоэлем задержал их. Это оказались взятые в бою за Уверо пленные, которые были освобождены Фиделем и теперь просто-напросто искали дорогу, чтобы выйти из леса. Какой-то еле державшийся на ногах старый капрал срывающимся голосом стал выражать свое восхищение нами и нашим знанием леса. У пленных был пропуск, подписанный Фиделем. Наше внезапное появление напугало их, и, воспользовавшись этим, мы еще раз строго предупредили, чтобы они никогда больше не пытались проникать в лес.

Пленные батистовцы, будучи городскими жителями, не умели ориентироваться в лесу, и нам пришлось вывести их на опушку, где стояла хижина, в которой мы ели цыплят, и указать им дорогу к берегу моря. Мои товарищи, действовавшие под видом дозорных, на прощание сказали батистовцам, что в лесу хозяевами являются повстанцы и что их дозоры немедленно оповестят свои главные силы о любых попытках батистовского вторжения в эти края.

Ночь мы провели в гостеприимном боио, а на рассвете расположились в лесу, попросив хозяев пойти в брошенную хижину и принести цыплят для раненых. Целый день мы прождали Исраэла и его жену. Позже нам стало известно, что их арестовали и на следующий день заставили показать батистовцам дорогу к предусмотрительно оставленному нами убежищу.

Мы продолжали проявлять большую осторожность, и пока нас никто не застал врасплох. Однако конечный результат в таких условиях предсказать очень трудно. В конце дня к нам пришел Синесио с тремя добровольцами. Одного из них, старика, звали Фелисиано. Двое других, Бандерас и Исраэл Пардо, были молодыми людьми и вскоре стали бойцами Повстанческой армии. Бандерас погиб в звании лейтенанта в бою при Хигуэ, а Исразл Пардо, старший сын в семье революционеров, сейчас служит в

армии и имеет звание капитана.

Эти товарищи помогли нам быстро перенести раненых в крестьянский дом, находившийся на значительном расстоянии от опасного района, а я и Синесио до самой ночи ожидали прихода супругов с провизией, не ведая о том, что их уже схватили батистовцы. Заподозрив измену, мы решили долго не задерживаться в новом пристанище. Ужин был скудным и состоял из небольшого количества овощей, выкопанных поблизости от крестьянской хижины.

На следующий день, шесть месяцев спустя после высадки с "Гранмы", ранним утром мы снова отправились в путь. И хотя человеку, привыкшему к ходьбе в горах, переходы, которые мы совершали за один раз, могли показаться невероятно короткими, для нас же они были очень длинными и трудными. Мы были в состоянии нести только одного раненого. В горных условиях приходилось переносить раненого в гамаке, подвешенном к толстому шесту, который буквально раздавливал плечи носильщиков, и они были вынуждены меняться через каждые 10-15 минут. Для транспортировки одного раненого в таких условиях необходимо было иметь 6-8 человек. Я помогал идти Альмейде, и вместе мы буквально перекатывались от дерева к дереву. Очень медленное движение нашей группы продолжалось до тех пор, пока не появился Пардо в сопровождении носильщиков.

Очень сильный ливень помешал нам быстро дойти до дома Пардо, и только к ночи мы добрались до него. Таким образом, небольшое расстояние в четыре километра наша группа прошла за 12 часов, покрывая один километр за три часа.

Зная хорошо дороги и местных жителей, Синесио Торрес в тот момент сослужил нам очень большую службу. Именно он через два дня переправил Манальса в Сантьяго для лечения. Мы готовились также отправить Кике Эскалону, у которого гноились раны.

До нас доходили противоречивые слухи. Одни заявляли, что Селия Санчес была арестована, другие - убита. Говорили также и о том, что батистовский патруль схватил Эрмеса Кардеро. Мы уже начинали сомневаться, верить ли этим слухам. Они подчас были страшнее один другого, Так, например, арест Селии означал бы для нас фактическую изоляцию. Она была нашим единственным проверенным и надежным связным. К счастью, в отношении ее слухи не подтвердились. Что касается Эрмеса Кардеро, то он действительно был арестован и ему чудом удалось выжить в застенках батистовской тюрьмы.

Давид, управляющий одного латифундиста, жил на берегу

реки Пеладеро. Этот человек тесно сотрудничал с нами. В те дни он заколол для нас корову и просил ночью прислать людей за мясом, которое лежало на берегу реки. Сначала я отправил группу во главе с Исраэлом Пардо, а затем послал группу во главе с Бандерасом. Последний оказался довольно недисциплинированным человеком и не выполнил этого задания, свалив его на других.

У нас уже образовался небольшой отряд, командование которым я принял на себя, поскольку Альмейда был ранен. Руководствуясь чувством ответственности за судьбу отряда, я лишил Бандераса звания бойца и приказал считать его сочувствующим, пока он не изменит своего поведения. Он исправился, хотя и не стал образцом дисциплинированного бойца.

Это был сообразительный и любознательный человек, но удивительно наивный. Участие в революционной борьбе помогло ему многое понять в жизни. Бандерас обрабатывал небольшой отвоеванный у леса участок земли, и его небогатое хозяйство состояло из землянки, нескольких поросят и собаки. Он страстно любил лес и крестьянский труд. Однажды Бандерас показал мне фотографию двух своих сыновей. С женой он был в разводе, и его дети жили вместе со своей матерью в Сантьяго.

После победы революции этот крестьянин намеревался бросить свой клочок земли, по его словам повисший почти на вершине горы, и уехать в какое-нибудь место, где можно было хорошо поработать.

Я говорил с ним о кооперативах, но он не очень меня понимал. Он хотел обрабатывать собственную землю своими собственными силами. Однако постепенно я стал убеждать своего бойца, что лучше обрабатывать землю совместно и что применение машин может облегчить и улучшить результаты его труда. Вне всякого сомнения, Бандерас был бы сегодня передовым тружеником сельского хозяйства. Там, в Сьерре, он готовил себя к будущему, научился хорошо читать и писать. Это был умный крестьянин, понимавший, как много значат усилия каждого человека в создании новой жизни в нашей стране.

У меня состоялась длинная беседа с управляющим Давидом, который попросил меня составить список наиболее необходимых для нас предметов, так как он отправлялся в Сантьяго и мог достать их.

Это был типичный управляющий. Он был предан своим хозяевам, пренебрежительно относился к крестьянам и придерживался расистских взглядов. Тем не менее, когда батистовцы узнали о связях Давида с нами, они подвергли его

зверским пыткам. Мы считали его уже мертвым, когда он снова встретился с нами и поспешил заверить всех, что он ничего не выдал. Я не знаю, остался ли теперь Давид на Кубе или отправился вслед за своим патроном, имущество которого было конфисковано революцией. Но в то время этот человек понимал необходимость перемен, правда не представляя себе, что они могут также затронуть и его жизнь, и привычный ему мир.

Здание революции построено благодаря героическим усилиям простых людей. Наша задача состоит в том, чтобы воспитывать всех людей настоящими революционерами, развивать в них честность и благородство; необходимо работать и с такими людьми, как Давид, который неправильно понимал революцию, и с такими, как Бандерас, который погиб, так и не увидев нашей победы. Все мы, являющиеся сегодня свидетелями достижений революции, должны помнить о тех, кто отдал свою жизнь за нее, учиться на их опыте, чтобы в будущем меньше делать ошибок.

Возвращение

Весь июнь 1957 года у нас ушел на залечивание ран наших товарищей, полученных ими во время атаки на казарму Уверо. В дальнейшем нам предстояло сколотить небольшую группу бойцов и присоединиться к отряду, которым командовал Фидель.

Связь с внешним миром мы поддерживали тогда через управляющего местным поместьем Давида, который был связан с партизанами. Он не только доставал нам продовольствие, но и своими советами и особенно своевременными предостережениями во многом облегчал в тот период наше нелегкое положение. В те первые дни мы не были еще знакомы с Панчо Тамайо - местным стариком крестьянином, оказавшим нам впоследствии огромную помощь. Он выполнял роль нашего связного. Я имею в виду того самого Панчо Тамайо, который уже после победы революции погибнет от рук контрреволюционеров.

Синесио стал допускать расхлябанность и недисциплинированность несколько раз он напивался на общественные деньги, злоупотреблял доверием других, не выполнял приказы, а в одно из своих похождений привел в отряд 11 совершенно безоружных новобранцев, хотя прекрасно знал, что мы старались тогда не принимать в отряд тех, у кого не было оружия.

Пополнение молодого повстанческого движения шло непрерывно. Людей, желавших вступить в ряды партизан, к нам в лагерь приводили обычно местные крестьяне, которые знали о нашем местонахождении. Через наш небольшой, только что сформированный отряд прошло не менее 40 человек, но число активных штыков в нем не превышало, как правило, 25-30 человек. Часть людей покидала. нас по собственной воле, а с другими пришлось расстаться по иным причинам.

В те дни дала о себе знать моя астма. Из-за отсутствия лекарств она вновь приковала меня к постели. Я облегчал свои мучительные страдания тем, что курил самокрутки из сухих листьев душистого горошка. Это средство против астмы распространено среди жителей гор Сьерра-Маэстры Когда прибыли лекарства, я быстро поправился и был полностью готов к выступлению. Но по разным причинам оно откладывалось со дня на день. Чтобы не терять зря времени, мы послали небольшую группу на поиски оружия, брошенного нами, как непригодное, после боя при Уверо. Группа затратила целую ночь, чтобы отыскать и оставить в лагерь несколько старых винтовок, имевших те или иные дефекты, а также неисправный пулемет,

которые нам могли еще пригодиться.

В конце концов наше выступление было назначено на 24 июня. К тому моменту в отряде насчитывалось 26 человек, среди которых имелось пять выздоравливавших от ранений бойцов. Колонна на марш выступала четырьмя группами: первой, авангардной, командовал Вило Акунья; основные силы находились под моим командованием, а двумя небольшими группами, замыкавшими колонну, руководили Масео и Пенья. Старший из нас по званию был в то время Хуан Альмейда, но он еще не оправился от полученной раны в бедро. Пенья был лейтенантом, а Масео и Вило - рядовыми.

Однако 24 июня мы не выступили. Причиной тому явилось стечение ряда обстоятельств. Во-первых, нам стало известно, что в отряд должен прибыть один из наших проводников и с ним еще один новобранец. Необходимо было дождаться их. Кроме того, надо было увидеть старика Тамайо, который постоянно ходил в город, приносил нам новости, обеспечивал продуктами и одеждой. Наконец из Сантьяго-де-Куба, благодаря усилиям Давида, в отряд поступило солидное количество продовольствия, которое трудно было взять с собой целиком. Поэтому нам пришлось найти пещеру и спрятать в ней часть продуктов. На это также ушло время.

26 июня мне впервые пришлось выполнить обязанности стоматолога, хотя это, возможно, и слишком громко сказано, ибо в Сьерра-Маэстре меня окрестили более точным именем - зубодер. Первой моей "жертвой" был Исраэл Пардо, ставший впоследствии капитаном. Он отделался довольно легко. Вторым был Жоэль Иглесиас, у которого, несмотря на все мои старания, я не мог вытащить больной зуб - разве что оставалось установить для этого заряд динамита. Жоэль так и закончил войну с больным зубом. Во время своих врачеваний я восполнял довольно часто недостаток опыта, а заодно и отсутствие обезболивающих средств, тем, что прибегал к "психологической анестезии", употребляя при этом крепкие словечки, если мои пациенты начинали слишком беспокойно вести себя, когда я возился у них во рту.

Перед самым нашим выступлением несколько человек, испугавшись трудностей, ушли из отряда, но вместо них пришли другие бойцы, четверых из которых привел старик Тамайо. Среди вновь прибывших находился Феликс Мендоса, который принес с собой винтовку. Он рассказал, что по дороге к нам на него и еще одного нашего товарища неожиданно напали батистовцы. Мендоса бросился бежать в сторону ближайших холмов и скрылся невредимым, а шедший с ним товарищ был взят в плен. Позже

стало известно, что "батистовцами" в действительности были наши люди из состава дозора, которым командовал Лало Сардиньяс, а захваченный ими "пленный солдат" оказался их старым знакомым, и они уже переправили его в отряд Фиделя. Среди прибывших находился и Эвелио Саборит, ставший впоследствии майором Повстанческой армии. С прибытием этого пополнения нас стало 35 человек.

Радио приносило нам сообщения о новых актах насилия и произвола, творимого Батистой и его кликой по всей Кубе. 1 июля мы узнали о смерти брата Франка Паиса, Хосуэ, и еще нескольких товарищей, погибших во время вооруженного выступления в Сантьяго-де-Куба.

Мы шли короткими переходами, поднимаясь медленно по склонам горного хребта Пеладеро. Но несмотря на кратковременность переходов, все очень уставали. Некоторые из новичков просили разрешить им вернуться назад в город, чтобы там, как они говорили, "выполнять более полезные поручения". Спустившись с вершины Ла-Ботелья, мы зашли к крестьянину Бенито Моры, который радушно принял нас в своем убогом жилище, почти прилепившемся к скалам. Перед тем как подойти к дому Бенито, я собрал всех бойцов и сказал им, что для нас наступают трудные времена, рядом находятся правительственные войска, возможно, нам придется голодать не один день, делать большие переходы и тот, кто чувствует, что не выдержит, пусть скажет об этом сразу. После моих слов несколько человек ушли из отряда. Но были и такие, как некто Чичо и ему подобные, которые вначале клялись, что готовы идти со всеми "до гроба". Однако каково же было наше удивление, когда мы, уже покинув дом Бенито Моры и расположившись на ночлег на берегу небольшого ручья, узнали о желании этих людей уйти из отряда. Мы не стали возражать и в шутку назвали ручей, около которого это произошло, "ручьем до гроба", ибо только до него хватило храбрости и решимости у Чичо и его приятелей. Об этом случае мы вспоминали часто, пока не спустились окончательно с гор к концу войны.

После ухода группы Чичо нас осталось 28 человек, но на следующий день к нам прибыли двое бывших военных, которые пришли в Сьерра-Маэстру, по их словам, бороться за свободу. Это были Хильберто Капоте и Николас. Привел их Аристидес Герра - один из наших проводников, который потом выполнял очень важную задачу: в течение всей войны он перегонял для нас из района Байямо к месту нашего расположения целые стада скота, в основном мулов, обеспечивая нас мясом и тягловой силой. Это было не менее опасным делом, чем идти в атаку на врага.

Во время коротких остановок мы старались по мере возможности проводить занятия с недавно прибывшими в отряд бойцами. Для этого были выделены те двое бывших военных. Они должны были рассказать новичкам о назначении оружия, научить сборке и разборке его, обучить стрельбе, используя для этого сперва холостые патроны. Но с самого начала дело с обучением не пошло, так как на первом же занятии у одного из выделенных инструкторов произошел случайный выстрел, и его пришлось немедленно освободить от обязанностей инструктора. Нам же всем этот случай показался поначалу подозрительным. Но виновник его так неподдельно смутился, что трудно было заподозрить его в чем-либо. Все же двое военных не выдержали трудностей перехода и ушли от нас в сопровождении того же Аристидеса. Позже Хильберто Капоте вернется к нам в отряд и геройски погибнет под Пино-дель-Агуа в звании лейтенанта.

Покинув служивший нам биваком дом крестьянина Поло Торреса, мы выступили в направлении горного массива Невада. (Дом этого крестьянина находился в горном районе Меса, который впоследствии стал месторасположением одной из наших опорных баз.) Проводником у нас был крестьянин по имени Туто Альмейда. Наша задача состояла в том, чтобы, достигнув Невады, выйти в район, где находился отряд Фиделя. Для этого нам требовалось пройти по северным склонам пика Туркино.

Мы шли в заданном направлении, когда неожиданно увидели впереди двух крестьянок, которые, заметив нас, бросились наутек. Пришлось догнать и остановить их. Это были сестры по фамилии Мойя. Они оказались адвентистками, но, узнав, кто мы такие, искренне помогли нам, несмотря на свои религиозные убеждения, запрещавшие им быть на стороне какого-либо насилия. Такими доброжелательными по отношению к партизанам они остались в течение всей войны.

Отдохнув и как следует подкрепившись, мы намеревались выступить к деревне Мар-Верде, которая находилась на нашем пути к Неваде. Однако стало известно, что во всем прилегающем к ней районе находились правительственные войска. После короткого совещания с нашими проводниками было решено вернуться назад и штурмовать напрямую пик Туркино. Это был очень трудный, но менее опасный в тех условиях путь.

С помощью имевшегося у нас небольшого радиоприемника мы поймали тревожное сообщение о том, что идут упорные бои между партизанами и правительственными войсками в районе населенного пункта Эстрада-Пальма и что Рауль Кастро тяжело ранен. (С тех пор много воды утекло, и я не могу сейчас точно вспомнить, передала ли это сообщение наша радиостанция или

правительственная.) Мы не знали тогда, верить передаваемым по радио сообщениям или нет, тем более правительственным сообщениям, в лживости которых мы не раз убеждались раньше. Во всяком случае, для нас было важно как можно быстрее завершить переход и выйти в нужный район. Поэтому в тот день мы шли и ночью, пока не вышли на склоны пика Туркино. Остаток ночи мы провели в доме крестьянина по прозвищу Бискаец, которого называли так потому, что он был родом из Бискайи.

Этот крестьянин жил в своей маленькой хижине совершенно один. Оказалось, что у него имелось несколько марксистских книг, которые он бережно прятал в небольшой пещере, расположенной вдалеке от его жилища. Он с гордостью поведал нам о своей причастности к марксизму о чем мало кто знал в округе. Бискаец показал нам дорогу, и мы продолжили наш путь, удаляясь все дальше и дальше от тех мест, где когда-то совершал свои "похождения" Синесио.

От этого на душе у Синесио, простоватого и склонного к анархизму крестьянина, становилось грустно. На одном из привалов он сговорился со стоявшим на посту новичком, по кличке Ворон, бежать из отряда. Накануне мы выдали этому бойцу за старание винтовку системы "Ремингтон". У самого Синесио тоже была винтовка. Когда примерно спустя полчаса мне стало известно об этом дезертирстве, то я, не теряя ни минуты, бросился искать их, так как не очень доверял Синесио. К тому же винтовки, тогда мы берегли как зеницу ока. Но я опоздал: оба успели уже удрать. Братья Бандерас и Исраэл Пардо, которые были вооружены только пистолетами, также пошли ловить дезертиров, надеясь задержать их и отобрать винтовки, но и эта попытка была безуспешной. В нашем положении - практически без оружия, без прямой связи с руководителем революции, без опыта и точного знания маршрута, в окружении правительственных войск, которых, по рассказам крестьян, было "несметное множество", - было чрезвычайно трудно поддерживать в отряде моральный дух, особенно среди бывших крестьян, не привыкших к тяготам кочевой жизни. Один тип, по прозвищу Мексиканец, пытался подговорить группу бойцов дезертировать.

Я узнал о готовящемся дезертирстве от Эрмеса Лейвы - двоюродного брата Жоэля Иглесиаса. Для выяснения сути дела я устроил очную ставку, на которой Мексиканец клялся всеми своими предками, что он и не думал дезертировать, а хотел просто уйти из отряда, чтобы с небольшой группой выслеживать и ликвидировать доносчиков, шпионивших за партизанами. Он оправдывал свои намерения отсутствием активных боевых

действий с нашей стороны, а в действительности же надеялся заняться грабежом. Впоследствии в одном из боев в долине Эль-Омбрито был убит Эрмес Лейва, и обстоятельства его гибели вызывали у нас сильные подозрения против Мексиканца. Однако я так и не смог прийти к окончательному выводу относительно того, как погиб Лейва.

Мексиканец остался в отряде и дал "слово революционера ", что никогда не дезертирует сам и не будет никого подстрекать к этому. Он дослужился до звания капитана, но затем все-таки предал интересы революции и сбежал в Майами.

После тяжелых переходов мы достигли района Пальма-Моча и уже по западным склонам пика Туркино подошли к деревне Лас-Куэвас, где нас очень радушно встретили крестьяне. С ними мои товарищи установили хороший контакт, используя для этого мою профессию "зубодера". Я исполнял эту обязанность со всей прилежностью, на которую только был способен. Подкрепившись и немного отдохнув, мы сразу же выступили в направлении населенных пунктов Пальма-Моча и Эль-Инфьерно и прибыли туда 15 июля. От местного жителя, по имени Эмилио Кабрера, нам стало известно о том, что где-то поблизости находились в засаде бойцы Лало Сардиньяса из отряда Фиделя. Заодно этот крестьянин пожаловался, что в случае боя повстанцев с батистовцами его, мол, безопасность будет поставлена под угрозу.

16 июля произошла наконец наша встреча с этой небольшой группой партизан. Ее командир Лало Сардиньяс рассказал нам о своей жизни и о том, как он стал партизаном. Сардиньяс был торговцем и активно помогал партизанам, снабжая их продовольствием. Но однажды о его связях с нами узнали батистовцы, и, спасаясь от преследования, он убил предателя и ушел в горы.

Лало получил приказ устроить засаду и ждать, пока не подойдет колонна солдат, которыми командовал Санчес Москера. Этому твердолобому батистовцу вновь удалось проникнуть по течению реки Пальма-Моча в партизанские районы. Еще недавно его подразделение было почти полностью окружено отрядом Фиделя, но Москере удалось избежать разгрома. Батистовцы быстро перевалили через пик Туркино и оказались в безопасности.

Как я уже говорил, во время нашего перехода до нас доходили кое-какие сведения о близости батистовцев. В один из дней мы убедились в этом сами, когда, подойдя к одной крестьянской хижине, увидели, что рядом с ней проходила траншея. Обитатели этой хижины сообщили нам, что буквально

накануне здесь находился противник. Но тогда нам и в голову не пришло подумать, что эти следы, принимаемые нами за планомерное наступление правительственных войск против партизан, в действительности просто свидетельствовали о беспорядочном бегстве батистовцев. Характер боевых действий в Сьерра-Маэстре в корне менялся: теперь партизаны располагали достаточным количеством сил, чтобы окружить или обратить в бегство под угрозой полного уничтожения целое подразделение правительственных войск.

Батистовцам этот урок пошел на пользу, и они уже не отваживались открыто появляться в горах, как раньше, если не считать спорадических набегов на партизанские районы. Руководил этими карательными операциями, как правило, Санчес Москера - один из самых воинственно настроенных офицеров в батистовской армии.

Москера совершил головокружительную карьеру: за один год, с 1957 по 1958, он сменил погоны простого лейтенанта на полковничьи. Это звание ему было присвоено после полного провала "генерального наступления" батистовской армии против партизан в июне 1958 года. Негодяй Москера, кроме того, нажил себе немало денег тем, что во время своих пиратских рейдов по горным районам Сьерра-Маэстры безжалостно грабил крестьян, отбирая у них все, что попадалось под руку.

Назревает измена

Наш отряд рос численно, повышался боевой дух его бойцов. Приятно было видеть отряд как бы заново родившимся : повысилась дисциплина, более боевым стало настроение бойцов. Нас насчитывалось уже около 200 человек, у некоторых бойцов появилось новое оружие. Во всем этом чувствовалась качественная перемена, особенно заметная в Сьерра-Маэстре, где теперь имелась настоящая свободная территория.

В сложившихся условиях для нас отпала необходимость в таких строгих мерах предосторожности, какие соблюдались нами раньше. Теперь можно было без опаски поболтать в ночное время, устроившись где-нибудь поудобнее в гамаке; разрешалось посещать дома крестьян, с которыми мы завязали более тесные контакты. Особенно радовало то радушие, с которым нас встречали наши старые знакомые из числа местных жителей.

Несколько слов о "знаменитостях" того времени - о Филипе Пасосе и Рауле Чибасе. Это были совершенно противоположные по характеру люди. Рауль Чибас был известен тогда лишь благодаря славе своего брата, с именем которого был связан целый исторический период на Кубе. Но в отличие от брата он не обладал ни одним из его достоинств: ни страстностью, ни проницательностью, ни умом. В партии ортодоксов Чибас держался обособленно, и это делало его фигурой одинокой и загадочной. Желанием его было скорее уйти из отряда.

В отличие, от него Филипе Пасос был действительно известной личностью. Его знали как крупного экономиста, и, кроме того, он слыл честным человеком, так как, будучи президентом Национального банка Кубы при правительстве Прио Сокарраса, "прославившемся" разными махинациями и казнокрадством, не занимался грабежом, как это делали другие. "Великолепное достоинство, могут подумать некоторые, - оставаться незапятнанным в такое время". Возможно, это и справедливо, если говорить просто о государственном служащем, стремительно продвигающемся по служебной лестнице и остающемся безразличным к нуждам своей страны. Но как можно было называть его честным человеком, тем более революционером, если он не изобличал день изо дня те неслыханные насилия и произвол, которые творились по всей стране?!

Филипе Пасос делал вид, что ничего особенного не происходит, и старался не замечать действительности.

После совершенного Батистой государственного переворота

Филипе Пасос, несмотря на то что он находился в зените славы и пользовался всеми почестями и благополучием, оставил пост президента Национального банка страны и оказался в Сьерра-Маэстре. Но, будучи по натуре человеком тщеславным, он наивно полагал, что, прибыв в горы, станет хозяином положения и что сама судьба уготовила ему роль вершителя судеб страны. Может быть, уже тогда или, возможно, позже у него созрела идея предать дело революции, во всяком случае, его поведение никогда не было абсолютно искренним и откровенным.

Поддержав совместную декларацию, которую мы ниже постараемся проанализировать, Филипе Пасос отправился затем на съезд в Майами в качестве самозванного делегата от "Движения 26 июля", где его собирались избрать временным президентом Республики. Тем самым у свергнутого Батистой бывшего президента Прио Сокарраса появился бы свой человек в руководстве будущим Временным правительством.

В те дни, о которых я рассказываю, мы не располагали временем, чтобы в деталях обсудить Фиделем сложившееся положение. Но он все же рассказал мне о том, как он прилагал огромные усилия, для того чтобы совместная декларация получилась по-настоящему боевой, чтобы в ней были отражены наши принципиальные положения.

Сделать это было не так легко из-за противодействия со стороны этих двух крайне реакционных деятелей, которым интересы народа были чужды.

В результате принятая декларация настаивала главным образом на лозунге "широкого революционно-патриотического фронта, охватывающего все политические оппозиционные партии, все патриотические организации, все революционные силы".

В декларации предлагалось: образовать революционно-патриотический фронт в рамках общего фронта борьбы; назначить кандидата на пост председателя Временного правительства; не обращаться с просьбой и не принимать посредничества со стороны иностранного государства в решении внутренних дел Кубы; не допускать, чтобы в республике правила военная хунта; полностью отделить армию от политики и гарантировать неприкосновенность военных институтов; объявить, что в течение года после свержения Батисты будут проведены выборы.

В разработанной программе будущего Временного правительства заявлялось о необходимости освобождения всех политзаключенных; о полной гарантии свободы информации для печати и радио и гарантировании гражданам всех прав и свобод, предусмотренных Конституцией; о назначении временных

алькальдов во всех муниципалитетах после предварительного согласования с местными патриотическими организациями; об отмене всех форм незаконного присвоения казенной собственности и принятия мер, направленных на повышение эффективности государственных органов; о введении административных должностей; о демократизации профсоюзного движения посредством проведения свободных выборов во всех профсоюзных организациях и промышленных федерациях.

Кроме того, эта программа предусматривала немедленное проведение широкой кампании по ликвидации неграмотности и патриотическому воспитанию граждан, разъяснению им их прав и обязанностей перед обществом и родиной; выработку принципов проведения аграрной реформы, которая была бы направлена на распределение пустующих государственных и частных земель и превращение в собственников безземельных и малоземельных крестьян с "предварительным возмещением стоимости земли ее бывшим владельцам"; принятие такой финансовой политики, которая восстановила бы устойчивость национальной валюты и позволила бы использовать банковские кредиты для финансирования программ капитальных вложений; ускорение процесса индустриализации и создание новых источников занятости в стране.

К этому добавлялись два пункта, на которые делался особый упор. Первое. "Необходимо сразу же наметить кандидата на пост председателя Временного правительства Республики, чтобы показать всему миру, что кубинский народ способен сплотиться под лозунгом свободы и пойти за лидером, который, соединив в себе беспристрастность, цельность, решимость и скромность, сможет воплотить в жизнь этот лозунг. Людей, способных выполнить эту роль, на Кубе имеется в избытке". (Конечно, кто-кто, а Филипе Пасос - один из тех, кто подписал документ, - прекрасно понимал, что избытка в таких людях не было и в той конкретной обстановке самым подходящим человеком для этой роли был только он.) Второе. "Это лицо должно быть назначено всеми патриотическими организациями страны, стоящими вне политики. Их поддержка освободила бы временного президента от любого партийного обязательства, открыв путь к проведению абсолютно честных и беспристрастных выборов".

Кроме того, в документе было записано, что для обсуждения любых вопросов нет необходимости прибывать специально в Сьерра-Маэстру, что для этого достаточно направить своих представителей в Гавану, Мехико или в любое другое место, куда будет необходимо.

Фидель пытался настоять на том, чтобы некоторые пункты

декларации, особенно касавшиеся аграрной реформы, были бы более четко выражены. Однако было довольно трудно пробить стену, воздвигнутую реакционерами и здесь. Действительно, формулировка "выработать принципы проведения аграрной реформы, которая была бы направлена на распределение пустующих земель" была слишком расплывчатой, а предусматривавшееся возмещение их стоимости бывшим владельцам было как раз в духе того, что пропагандировала контрреволюционная газета "Диарио-де-ла-Марина".

Необходимо заметить, что некоторые из положений, содержавшихся в подписанном документе, после победы революции не были осуществлены в том виде, в каком они первоначально были сформулированы. Дело в том, что враги революции сами нарушили соглашение, вытекавшее из духа декларации, и, пытаясь освободиться от неудобных для себя требований и обязательств этой декларации, раскрыли перед народом свои истинные намерения и тем самым в некоторой степени помогли нам разоблачить их. Цель их состояла в том, чтобы уже на том этапе создать трудности для будущего революционного правительства. Но враг не предполагал, что из этого могло получиться, не подозревал о том, какой огромной поддержкой и авторитетом пользовалась среди народа Повстанческая армия.

Конечно, мы не были удовлетворены содержанием декларации, но, несмотря на это, она была необходима, так как в целом носила прогрессивный характер. Мы понимали, что эта декларация могла служить лишь до определенного момента, после которого она стала бы тормозом для дальнейшего развития революционного процесса. Но в тех условиях мы готовы были выполнить ее требования.

Для нас было понятно, что это программа-минимум, которая, по существу, ограничивает наши возможности. Но мы также понимали, что, находясь в горах, практически невозможно оказывать наше влияние в такой мере, в какой нам бы хотелось. Поэтому в течение какого-то периода времени мы должны были уживаться с целым сонмом так называемых "друзей народа", которые в действительности хотели использовать нашу военную силу, а также огромную веру народа в Фиделя Кастро для своих темных махинаций и прежде всего для того, чтобы сохранить господство империализма на Кубе, опираясь на компрадорскую буржуазию, тесно связанную со своими североамериканскими хозяевами.

В то же время принятая декларация имела некоторые положительные стороны. В ней, в частности, говорилось о Сьерра-

Маэстре и было четко записано: "Никто не должен поддаваться обману официальной пропаганды относительно борьбы в Сьерра-Маэстре. Сьерра-Маэстра - это неугасимый факел свободы, зажженный в сердцах наших соотечественников, и мы сможем быть достойными доверия и надежд нашего народа". Но доверие народа смог оправдать лишь Фидель Кастро, двое же других оказались не в состоянии выполнить роль даже простых наблюдателей в Сьерра-Маэстре: они вскоре просто сбежали из отряда. Один из них, Чибас, попал затем в руки батистовской полиции, которая с ним плохо обошлась. Впоследствии оба они окажутся в США.

Но враги революции ловко рассчитали готовившийся ими удар: группа политиканов, представлявших цвет кубинской олигархии, прибывает в Сьерра-Маэстру под предлогом "защиты свободы", подписывает совместную декларацию с повстанческим лидером, который в то время вынужден находиться в горах, и уезжает, имея полную свободу действий для осуществления в дальнейшем своих махинаций на съезде в Майами. Они не предусмотрели лишь одного - политическими махинациями можно безнаказанно заниматься до тех пор, пока это позволяет противная сторона, а в данном случае - вооруженный народ. Быстрые контрмеры, предпринятые нашим вождем, а также сила и авторитет Повстанческой армии спутали карты предателей дела революции и помешали им вершить свое грязное дело. Когда спустя несколько месяцев стали известны результаты сделки, состоявшейся между врагами революции на съезде в Майами, решительный ответ Фиделя по поводу принятых на нем документов парализовал действия наших противников. Они обвинили нас в раскольничестве, в намерении навязать "с гор" свою волю, но все же вынуждены были на время изменить тактику. Позже они подготовят новый обман в виде так называемого Каракасского пакта.

Совместная декларация была датирована 12 июля 1957 года и напечатана в газетах того периода. Для нас было ясно, что наша главная цель состоит в том, чтобы разгромить батистовскую армию на полях сражений.

Именно в те дни нами был сформирован новый партизанский отряд. Я был назначен командиром этого отряда, и мне присвоили звание капитана. Новые воинские звания получили и еще несколько товарищей. Среди них были командиры взводов Рамиро Вальдес и Сиро Редондо, которым также было присвоено звание капитана.

Отряд состоял из трех взводов (первым командовал Лало Сардиньяс, назначенный одновременно заместителем командира

отряда, вторым - Рамиро Вальдес и третьим - Сиро Редондо) и в то время насчитывал в своих рядах 75 человек, в основном крестьян. Поэтому наш отряд называли крестьянским. И хотя его бойцы были по-разному одеты и вооружены, я все же испытывал гордость за них.

Приближался День 26 июля. Накануне мы послали поздравительное письмо Карлосу. (Подпольная кличка Франка Паиса, которому тогда оставалось жить совсем недолго.) Письмо подписали все офицеры Повстанческой армии. Подписи ставили в две колонки на листе бумаги.

Когда писарь начал заполнять вторую колонку, проставляя вначале воинские звания, и очередь дошла до моей фамилии, то Фидель тихо сказал ему: "Поставь - "майор".

Так я был произведен в майоры 2-й колонны Повстанческой армии; позже эта колонна стала называться 4-й.

Произошло это в одном крестьянском доме, в каком именно, сейчас я уже не помню, но там же, где мы составляли письмо Карлосу, который так геройски действовал в самом Сантьяго-де-Куба, снабжая нас продовольствием и различным снаряжением.

В тот день я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Маленькую звездочку - символ моего назначения - мне приколола Селия Санчес, вручившая мне одновременно в качестве небольшого подарка наручные часы.

Перед нашим только что сформированным отрядом была поставлена задача окружить Санчеса Москеру, но этот прохвост опередил нас, сумев вовремя выбраться из района партизанских действий.

Не теряя времени, мы начали готовиться к выступлению в назначенный нам новый район действий - Эль-Омбрито. Кроме того, приближался День 26 июля. Нужно было хорошо подготовиться, чтобы достойно встретить эту славную дату. Фидель поручил мне сделать для этого все необходимое, конечно в рамках доступного в то время для нас. На одном из последних совещаний командиров среди присутствовавших находился прибывший к нам новый врач Серхио дель Валье, ставший потом начальником Генерального штаба Революционных вооруженных сил. А тогда он исправно исполнял свои обязанности врача в трудных условиях Сьерра-Маэстры.

Примерно в тот период перед нами встала задача показать противнику, что мы существуем, несмотря на некоторые наши временные неудачи. Одной из них было, например, то, что батистовской полиции удалось перехватить груз с нашим оружием, предназначавшимся для боевых действий в районе сентраля Миранда. В результате попали в плен многие из наших

товарищей, и среди них был Фаустино Перес. Фидель возражал против дробления наших сил, но поначалу уступил уговорам Льяно.

Справедливость его слов вскоре подтвердилась. В дальнейшем мы начали укреплять главную партизанскую базу в горах Сьерра-Маэстры, рассматривая это как первый шаг для последующего расширения действий Повстанческой армии.

Атака на Буэйсито

Вместе с первыми днями нашей самостоятельной партизанской жизни пришли новые заботы. Прежде всего требовалось добиться от бойцов строгой дисциплины, подготовить командные кадры, создать хотя бы подобие штаба для обеспечения успеха в будущих операциях. Все это не так легко было сделать, особенно если учесть невысокий уровень дисциплины среди наших бойцов в тот период. А потом к нам пришла беда: мы потеряли одного из наших любимых товарищей - лейтенанта Масео. Он ушел на задание в Сантьяго-де-Куба и не вернулся. Больше его никто из нас не видел, а позже мы узнали, что он погиб там.

Нескольким товарищам были присвоены за это время новые воинские звания. В частности, звание лейтенанта получили Уильям Родригес и Рауль Кастро Меркадер. Таким образом, мы постепенно старались укомплектовывать командными кадрами нашу немногочисленную партизанскую армию.

Однажды утром стало известно о дезертирстве из отряда одного партизана, которого все звали китайцем Вонгом. Он прихватил с собой ручной пулемет, стоивший нам тогда дороже золота. Китаец Вонг, по всей видимости, направился к своему дому, расположенному где-то на отрогах Сьерра-Маэстры. На поиски его были посланы два бойца, но уверенности в успехе поисков у нас не было. Она стала еще меньшей, когда в отряд после безуспешных попыток найти предыдущих дезертиров вернулись Исраэл Пардо и Бандерас. Исраэл, как хорошо знавший местность и обладавший большой физической выносливостью, остался при мне для выполнения особых поручений.

Мы приступили к разработке весьма заманчивого плана новой операции. Он состоял в том, чтобы с наступлением темноты атаковать населенный пункт Эстрада-Пальма, а затем, используя фактор внезапности, сразу же напасть на два ближайших поселка - Яра и Вегитас, разгромить расположенные там батистовские гарнизоны и вернуться тем же путем в горы. Готовясь к боевым действиям, мы привели в порядок все имевшееся у нас оружие, провели несколько тренировок в стрельбе, стараясь, однако, экономить боеприпасы, и послали Фиделю донесение, в котором излагали наш план и просили дать в письменном виде согласие на проведение этой операции. Ответа от Фиделя не пришло, но 27 июля мы узнали из переданного по радио официального сообщения, что населенный пункт Эстрада-Пальма был атакован группой партизан в

количестве 200 человек под командованием Рауля Кастро.

Журнал "Боэмия" напечатал в своем единственном избежавшем цензуры номере репортаж об этом нападении. В нем сообщалось о нанесенном партизанами ущербе, о том; что они сожгли военную казарму, говорилось также о Фиделе Кастро, Селии Санчес и других революционерах, якобы спустившихся с гор. И как всегда в подобных случаях, правда переплеталась с вымыслом.

В действительности же в этой операции участвовали не 200 человек, а гораздо меньше, и действовали они под командованием не Рауля Кастро, а майора Гильермо Гарсия, имевшего в то время звание капитана. Кроме того, в Эстрада-Пальме боя, как такового, не было, так как Баррерас - начальник местного гарнизона - вывел как раз к тому моменту своих солдат из поселка, полагая, и не без основания, что в День 26 июля партизаны обязательно проведут крупную операцию в каком-нибудь месте. Уже на следующий день батистовцы стали преследовать партизан и им удалось захватить в плен уснувшего где-то около деревушки Сан-Лоренсо, если мне не изменяет память, нашего, человека.

Узнав о событиях в Эстрада-Пальме, мы приняли решение немедленно выступить и организовать нападение в каком-нибудь другом месте, чтобы поддержать таким путем начавшиеся активные боевые действия с нашей стороны. По дороге, недалеко от местечка под названием Ла-Херинга, мы встретили одного из наших двух бойцов, посланных на поиски китайца-дезертира. Этот боец сообщил нам, что в пути его напарник признался ему, что китаец Вонг его близкий друг и поэтому он не может выполнить приказ захватить его. Затем он предложил вместе дезертировать, но, получив отрицательный ответ, попытался бежать и был убит нашим товарищем.

Собрав всех бойцов на одном из холмов недалеко от того места, где произошел этот случай, я объяснил им, что все это значило для нас и почему каждого, кто изменит делу революции, ждет такая участь.

Один за другим в гробовом молчании мы прошли мимо трупа человека. Многие бойцы были подавлены, впервые столкнувшись со смертью, возможно, их больше волновало сочувствие к дезертиру, чем совершенное им предательство. Это объяснялось естественной для того периода слабостью политического сознания наших людей. Времена были трудные, и такая мера наказания являлась оправданной. Не стоит приводить здесь имена участников этой истории. Скажу только, что дезертиром оказался молодой крестьянин-бедняк из этих мест.

Мы шли теперь по хорошо знакомой местности. По пути, это было 30 июля, Лало Сардиньяс повидался со своим старым другом по имени Армандо Оливер. Мы встретились с ним, и еще с неким Хорхе Абичем в одном доме недалеко от поселка Калифорния и рассказали им о нашем плане атаковать поселки Лас-Минас и Буэйсито. Конечно, было рискованно говорить об этом незнакомым людям, но Лало Сардиньяс заверил нас, что они не подведут.

От Армандо Оливера, который был торговцем, мы узнали, что по воскресеньям в этих местах появлялся Касильяс, чтобы повидаться, как это было заведено у всех батистовских офицеров, со своей любовницей. Однако нас больше привлекала перспектива провести неожиданное и стремительное нападение на эти поселки, чем ждать счастливого случая, чтобы захватить известного своим вероломством батистовца. Поэтому было решено атаковать ночью следующего дня. Для этого Армандо Оливер должен был достать несколько грузовых машин для переезда к указанным поселкам и найти проводников, которые хорошо знали бы местность. Кроме того, ему было поручено найти надежного рабочего-горняка, который взорвал бы мост, связывавший дорогу на Буэйсито с дорогой Мансанильо - Баямо.

Выступили мы в два часа дня 31 июля, затратив около двух часов на то, чтобы подняться на гребень Сьерра-Маэстры. Там мы спрятали наиболее тяжелые вещи из нашего снаряжения и продолжили наш путь налегке. Идти пришлось долго, по дороге миновали ряд крестьянских домов, в одном из которых веселились люди. Они нас заметили. Поэтому на всякий случай нам пришлось строго предупредить их об ответственности, на случай если батистовцам станет известно о нашем продвижении. Замечу, что в те времена в Сьерра-Маэстре не было ни телефона, ни какой-либо другой связи. Большой опасности в том, что они нас выдадут, не было, ибо доносчику в этом случае пришлось бы просто бежать во всю прыть, чтобы прибыть к месту назначения раньше нас, а это было практически неосуществимо. Тем не менее мы ускорили шаг.

Дойдя до дома крестьянина по имени Сант-Эстебан, мы нашли там три грузовые автомашины, одну из которых нам предоставил этот крестьянин, а две прислал Армандо Оливер. Погрузившись на машины, мы тронулись дальше. В первой машине ехала группа Лало Сардиньяса, во второй - Рамиро Вальдес и я, а в третьей - взвод Сиро Редондо. Переезд до поселка Лас-Минас занял около трех часов. Там противника не оказалось. Однако батистовцы могли воспользоваться дорогой, по которой мы ехали в Лас-Минас, чтобы подбросить подкрепления

гарнизону в Буэйсито. С целью воспрепятствовать этому в Лас-Минасе было оставлено отделение под командованием лейтенанта Вило Акуньи, который впоследствии станет майором Повстанческой армии. Сами же мы продолжили путь к Буэйсито.

Перед самым въездом в поселок Буэйсито нами был задержан шедший туда грузовик с углем. Посадив в кабину своего человека, мы послали его вперед, чтобы проверить, имелся ли там КПП, так как батистовские солдаты имели обыкновение проверять все машины, прибывавшие в поселок со стороны Сьерра-Маэстры. Но в ту ночь на дороге никого не оказалось: все часовые спали безмятежным сном.

План операции был простым, хотя и несколько претенциозным. Лало Сардиньяс должен был атаковать со своими людьми западную сторону солдатской казармы, а взвод Рамиро Вальдеса - окружить ее; взводу Сиро Редондо, имевшему пулемет, ставилась задача атаковать казарму с фронта. Армандо Оливеру поручалось незаметно подъехать к КПП у казармы и неожиданно ослепить светом фар часовых. В этот момент взвод Рамиро Вальдеса должен был ворваться в казарму и захватить в плен всех, кто там находился. Мы предусмотрели также меры, чтобы в ходе операции взять в плен солдат, которые спали у себя дома. Отделение лейтенанта Нода, который позже погибнет в бою под Пино-дель-Агуа, получило задачу охранять до начала боя дорогу. Несколько человек во главе с Уильямом были посланы, чтобы взорвать мост, связывающий Буэйсито с развилкой центральной автострады с целью задержать подход возможных подкреплений противника.

Однако из-за незнания местности и отсутствия опыта намеченный нами план не был выполнен. Ночью при подходе к объекту атаки Рамиро Вальдес потерял часть своих людей; не выехала почему-то автомашина с Армандо Оливером. К тому же, когда наши люди выдвигались на исходные позиции, дворовые собаки подняли в поселке сильный лай.

Затем произошло непредвиденное. В один из моментов, когда я пробирался в сопровождении Исраэла Пардо по темным улицам поселка, расставляя людей по своим местам, из дома навстречу нам вышел какой-то человек, которого я окликнул на манер батистовцев: "Стой! Кто идет?" Тот, очевидно думая, что я был свой, ответил: "Сельская гвардия". Я направил на него винтовку, но он успел вбежать обратно в дом, с шумом захлопнув за собой дверь. Затем послышался грохот от передвигаемой мебели, звон разбитого стекла, и кто-то выбежал на улицу через задний двор. Между нами, как я полагаю, установилось негласное соглашение: я не мог стрелять, так как для меня важнее было взять казармы, а

он не пытался подавать своим предупредительный сигнал.

Мы продолжали осторожно идти по центральной улице поселка и, находясь уже вблизи казармы, столкнулись почти лицом к лицу с часовым. Встревоженный лаем собак и, вероятно, поднятым шумом от моей неожиданной встречи с сельским гвардейцем, он продвинулся вперед и хотел посмотреть, что происходит. Мы остановились друг против друга буквально в нескольких метрах, готовые ко всему. Рядом со мной находился в тот момент Исраэл Пардо. Я окликнул часового, но тот, заподозрив что-то, сделал в темноте какое-то движение. Этого было достаточно, чтобы я нажал на спусковой крючок, намереваясь всадить в него все содержимое магазина моего оружия. Однако выстрела не последовало: я оказался совершенно беззащитным. Тогда попытался выстрелить из своей маленькой старой винтовки Исраэл Пардо, но и в ней что-то заело. До сих пор не могу представить себе, как остался жив Исраэл Пардо; помню только, что под градом пуль, которыми осыпал нас батистовский солдат из своего автоматического оружия, я бросился прочь от того места и свернул за угол, распластавшись на мостовой, чтобы прийти в себя и привести в порядок свою вышедшую из строя винтовку. Далее события развивались стремительно.

Открыв по нас огонь, батистовский солдат, сам того не подозревая, подал сигнал к началу нашей атаки. Сразу же со всех сторон послышалась стрельба. Испуганный этим батистовец спрятался за колонну дома, где мы и нашли его уже после боя, длившегося всего считанные минуты.

Только я собрался послать на связь Исраэла Пардо, как стрельба неожиданно прекратилась и поступило сообщение о том, что после атаки взвода Рамиро Вальдеса все солдаты противника сдались в плен. Бойцы Вальдеса, услышав первые выстрелы, перелезли через ограду, и атаковали казарму с тыла. В ней находились 12 солдат из "сельской гвардии" вместе с сержантом начальником караульного поста. Шесть человек из них были ранены. Наши потери составили: один убитый, которому пуля угодила в грудь, и трое легкораненых. Погибшего товарища авали Педро Риверо. Мы подожгли казарму, предварительно вынеся из нее все, что нам могло пригодиться, и быстро уехали на грузовиках, увозя с собой пленного сержанта и доносчика по имени Оран.

На обратном пути, когда уже рассвело, жители селений, мимо которых мы проезжали, угощали нас холодным пивом и лимонадом. Чтобы помешать противнику вести преследование, мы взрывали по дороге деревянные мосты. Это делал рабочий-

горняк Кристино Наранхо, которого привел к нам в отряд Армандо Оливер Кристино Наранхо остался в отряде и впоследствии стал майором Повстанческой армии. Уже после победы революции он будет злодейски убит контрреволюционерами.

По прибытии в поселок Лас-Минас мы сделали остановку и провели короткий митинг, разъяснив местным жителям цели нашей борьбы.

Местный торговец Абич в довольно театральной манере стал просить от имени народа освободить сержанта и доносчика. Мы объяснили, что пленные будут находиться у нас в качестве заложников, чтобы батистовцы не могли проводить репрессий в деревне. Абич был настолько настойчив в своей просьбе, что мы согласились освободить пленных. Итак, эти два батистовца были освобождены, и безопасность местных жителей в какой-то степени была гарантирована.

Перед самыми отрогами Сьерра-Маэстры мы похоронили на одном из местных кладбищ нашего убитого товарища. Когда мы проезжали мимо расположенной у дороги лавки, над нами пролетели на большой высоте несколько разведывательных самолетов. Поэтому нам вновь пришлось делать остановку, чтобы убедиться, что нас не засекли, а заодно и оказать помощь трем раненым: один из них имел поверхностную рану на плече, но мышечная ткань была порвана; второй был ранен в руку из оружия небольшого калибра, а у третьего был ушиб на голове. Во время атаки находившиеся на территории казармы мулы сильно напугались от поднятой стрельбы и стали яростно брыкаться. Отлетевший из-под копыта кусок штукатурки угодил этому бойцу прямо в голову.

В Альто-де-Калифорния мы бросили автомашины и распределили среди бойцов трофейное оружие.

Хотя мое личное участие в бою было незначительным и отнюдь не героическим - те немногие выстрелы, которые враг сделал по мне, я встретил не грудью, а совсем наоборот, - мне достался новенький ручной пулемет системы Браунинга. Свою старую винтовку "томпсон", которая никогда не выстреливала в нужный момент, я выбросил. Самое лучшее оружие было распределено среди отличившихся в бою бойцов. Особенно хорошо показали себя капитан Рамиро Вальдес, который возглавил нашу атаку на противника, и лейтенант Рауль Кастро Меркадер. Одновременно получили порицания те, кто действовал в ходе операции не лучшим образом, включая "мокрых куриц" группу наших людей, которые, услышав первые выстрелы, бросились наутек и в темноте угодили в реку.

Оказавшись снова в торах, мы узнали по радио о том, что правительство ввело осадное положение и строгую цензуру. Тогда же нам стало известно о постигшей нас большой утрате: в Сантьяго-де-Куба был злодейски убит Франк Паис. С его гибелью ушел из жизни один из самых славных и кристально чистых бойцов революции. В ответ на злодейское убийство Франка Паиса в августе 1957 года по Кубе прокатилась мощная забастовка, начатая рабочими Сантьяго-де-Куба и поддержанная жителями Гаваны и других городов и провинций страны.

В стране правительство ввело строжайшую цензуру.

Мы вступали в новый период. Псевдооппозиция бездействовала, не смея открыть рта по поводу творимых кликой Батисты злодеяний и бесчинств в стране, но кубинский народ поднимался на борьбу.

В лице Франка Паиса мы потеряли одного из самых отважных наших бойцов. Но реакция на его злодейское убийство показывала, что новые силы присоединялись к борьбе, креп боевой дух кубинского народа.

Бой в Эль-Омбрито

Прошел месяц с тех пор, как был сформирован наш отряд, и мы начинали беспокоиться, что привыкнем к оседлому образу жизни. Базой нашего отряда являлась горная долина Эль-Омбрито, называемая так потому, что, если смотреть снизу на два огромных камня, поставленных друг на друга на самой вершине горы, они напоминали своими очертаниями фигуру маленького человека.

Бойцы нашего отряда все еще оставались очень неопытными, и нам приходилось все время готовить их, чтобы они смогли справиться с действительно трудной обстановкой. Условия нашей революционной войны требовали от нас поддержания постоянной боевой готовности. Мы обязаны были атаковать любую колонну противника, попытавшуюся вторгнуться в районы Сьерра-Маэстры, которые считались тогда свободной территорией Кубы.

29 августа, точнее, в ночь на 29 августа мы узнали от одного крестьянина, что большая колонна правительственных войск готовится двинуться в глубь Сьерра-Маэстры по дороге, ведущей к долине Эль-Омбрито. К тому времени мы уже освободились от болезни страха и осторожно относились к получаемой информации, зная, что она может оказаться и ложной. Поэтому это сообщение было воспринято без особого опасения, но на всякий случай я приказал задержать крестьянина в качестве заложника и потребовал от него еще раз подтвердить, что он говорит правду. При этом я пригрозил ему, что он будет жестоко наказан, если обманет нас. Крестьянин клялся и божился, что говорил чистую правду и что батистовцы находятся уже в усадьбе некоего Хулио Сапатеры всего в двух километрах от нашего отряда.

Ночью мы перегруппировались и заняли исходные позиции. Взвод Лало Сардиньяса расположился на левом фланге, укрывшись в зарослях высохшего папоротника, и должен был обрушить всю мощь огня своего оружия на противника, когда тот будет остановлен. Рамиро Вальдес с небольшой группой занял позицию на правом фланге. Его группа должна была поднять шум, чтобы напугать противника. Имея слабое вооружение, эта группа занимала менее опасную позицию, и, чтобы атаковать ее, противнику пришлось бы преодолеть глубокий овраг.

Дорога, по которой должны были пройти батистовцы, опоясывала гору как раз с той стороны, где находился в засаде взвод. Лало Сардиньяса. Взводу Сиро Редондо было поручено вести по противнику косоприцельный огонь, а мне с небольшой

группой, составленной из лучших стрелков отряда, дать сигнал к началу боя.

Замысел операции был очень прост: когда голова вражеской колонны достигнет изгиба дороги в том месте, где она почти под углом 90 градусов огибала валун, я должен был, пропустив вперед 10-12 солдат, выстрелить в последнего из них, когда тот подойдет к повороту дороги. В результате все они оказались бы отрезанными от главных сил. За мной открывали огонь остальные стрелки моей группы, а затем вступал в бой ударный взвод под командованием Рауля Меркадера, который завершал операцию и подбирал трофейное оружие. После этого весь отряд быстро отходил под прикрытием взвода лейтенанта Вило Акуньи.

На рассвете я был в кофейной рощице, расположенной на отведенной Рамиро Вальдесу позиции. Перед нами на склоне горы стоял дом Хулио Сапатеры. Когда солнце поднялось выше, мы увидели поспешно входивших и выходивших из дома людей, которые были заняты своим утренним туалетом. Спустя некоторое время на них заблестели каски. Крестьянин оказался прав: это был тот самый вражеский отряд, о котором он говорил. Все наши люди находились на своих позициях, готовые к бою.

Пока вражеский отряд медленно вытягивался в колонну, поднимаясь вверх по горной дороге, я поспешил на свой наблюдательный пост. Бремя тянулось нестерпимо долго. Все мы застыли в томительном ожидании. Наконец послышались голоса приближавшихся солдат. Они шли спокойно, ничего не подозревая. Мимо условленного места прошел первый, за ним второй, третий... Однако дистанция между ними была слишком большой, и я стал прикидывать в уме, что у нас просто не хватит времени дождаться, пока пройдут, как это было запланировано, все 12 человек. К тому же произошло неожиданное. Когда я насчитал шесть человек, то услышал доносившийся откуда - то спереди крик, на который шедший шестым солдат поднял голову, как бы разглядывая что-то наверху. Не теряя больше ни минуты, я открыл по нему огонь, и он упал. Сразу завязалась перестрелка. Я дал вторую очередь по метавшимся на дороге солдатам.

В то время как наши бойцы вели с обоих флангов огонь по противнику, я отдал приказ атаковать взводу Рауля Меркадера. К нему присоединилось несколько добровольцев. Отделение лейтенанта Орестеса и сам Меркадер со своими людьми двинулись вперед и, дойдя до большого валуна, открыли огонь по вражеской колонне, в которой было до роты солдат и командовал которой майор Мероб Соса. Родольфо Васкес отобрал у раненного мною солдата оружие. К нашему сожалению, этот батистовец оказался санитаром и у него был только один пистолет с 10-12

патронами. Остальные пять человек сумели скрыться, сбежав с дороги вниз, где протекал небольшой ручей.

Спустя некоторое время пришедший в себя после внезапного нападения противник произвел по нас несколько выстрелов из "базук". Как мы и предполагали, батистовцы не ожидали встретить нас в этом месте.

Кроме моего ручного пулемета у нас имелся еще станковый пулемет системы Максима, но мы не могли его использовать по той причине, что наш пулеметчик Хулио Перес не умел с ним обращаться.

На фланге, где находился взвод Рамиро Вальдеса, самоотверженно действовали Исраэл Пардо и Жоэль Иглесиас, вооруженные оба почти примитивным оружием. Их оглушительные выстрелы вносили еще большее смятение в ряды наших врагов. Но силы были неравны. Поэтому я отдал приказ отходить нашим двум взводам, действовавшим на флангах. Вместе с ними начала отходить и моя группа. Сзади мы оставили группу прикрытия, приказав ей вести огонь по противнику до тех пор, пока не отойдет взвод Лало Сардиньяса, так как нами предусматривался второй оборонительный рубеж.

Пока мы отходили, нас нагнала выполнившая свою задачу группа Вило Акуньи. От него мы узнали о смерти Эрмеса Лейвы - двоюродного брата Жоэля Иглесиаса.

А спустя какое-то время к нам присоединился взвод, посланный нам на подкрепление Фиделем, которого я заранее известил о неизбежном столкновении с превосходящими силами противника. Командовал этим взводом капитан Игнасио Перес. Мы отошли назад примерно на один километр и устроили новую засаду. Но противник дальше не пошел. Батистовцы, достигнув того места, где только что находились мы, сожгли на наших глазах тело убитого Эрмеса Лейвы. Мы были бессильны предпринять что-либо в ответ, но все же открыли по ним огонь, на который они ответили огнем из своих "базук".

Именно в тот момент я понял смысл восклицания солдата, ставшего причиной моего поспешного выстрела. Его слова означали примерно следующее: "Это не позиция, а конфетка" - и относились к господствующему холму, на вершину которого он уже почти поднялся.

Вой в Эль-Омбрито показал слабую боевую подготовку наших бойцов, их неумение вести прицельный огонь по противнику, находившемуся всего в 10-12 метрах, Но в целом это был большой триумф: нам удалось остановить вражескую колонну Мероба Сосы, которая с наступлением темноты отступила. Мы одержали победу, хотя она стоила нам жизни нашего боевого товарища.

Значимость этого успеха еще больше возрастала, если учесть, что мы достигли его, будучи плохо вооруженными по сравнению с противником, численность которого достигала примерно 140 хорошо вооруженных солдат, обрушивших на наши позиции шквал огня из "базук" и, возможно, минометов, на что мы могли ответить, хотя с не меньшим ожесточением, огнем из имевшегося у нас стрелкового оружия.

После боя состоялось присвоение воинских званий нескольким товарищам. Альфонсо Саяс за смелость и решительность, проявленные в бою, был произведен в лейтенанты. Еще несколько человек также получили повышения, но я не помню сейчас их имена. В ту же ночь или, возможно, на следующий день у нас состоялась беседа с Фиделем, который рассказал о подробностях нападения на батистовский гарнизон в поселке Лас-Куэвас. От него же мы узнали о гибели нескольких наших товарищей: Хувентино Аларкона из Мансанильо, одним из первых пришедшего в отряд, а также Пастора, Яйо Кастильи и сына лейтенанта батистовской армии Оливы - храброго воина и отличного парня, какими, впрочем, были все погибшие.

Проведенная под руководством Фиделя операция в Лас-Куэвас имела гораздо большее значение, чем наша засада. Операция представляла собой нападение на укрепленный вражеский гарнизон. Хотя полностью уничтожить противника нападавшим не удалось, он все же понес солидные потери и на следующий день, бросив позиции, отступил. Одним из героев дня стал негр Феликс Пилон. Про него рассказывали, что в одном из крестьянских домов он обнаружил "кучу странных труб и рядом с ними несколько ящиков". Речь, очевидно, шла о "базуках", которые бросил противник, но в то время никто из нас не имел о них никакого представления. Поэтому и Феликс Пилон не обратил на них внимания, а позже, раненный в ногу, он вернулся в лагерь. Так мы упустили благоприятную возможность добыть оружие, которое потом окажется таким эффективным против легких укреплений противника.

Спустя один или два дня после боя в Эль-Омбрито нам стало известно об одном перехваченном военном донесении правительственных войск, в котором упоминалось о пяти или шести убитых нами солдатах, а позже мы узнали, что батистовцы расстреляли в отместку четверых крестьян, которых кровожадный Мероб Соса считал виновными за партизанскую засаду, так как они не предупредили его о местонахождении повстанцев в этом районе.

Как сейчас помню их имена: Абигаиль, Каликсто, Паблито Лебон (по происхождению гаитянин) и Гонсало Гонсалес. Как и

все крестьяне, они знали о нашем присутствии в здешних местах, но никому из них не было известно о планах партизан. Хорошо знакомые с повадками батистовцев, мы обычно тщательно скрывали от крестьян наши намерения, и, если кто-нибудь из них появлялся в районе, где нами готовилась операция, мы задерживали их и отпускали лишь после ее завершения. Несчастных крестьян расстреляли в их собственных жилищах, которые потом были сожжены.

Бой в Эль-Омбрито показал, как при определенных условиях можно было успешно атаковать противника, находящегося на марше. К тому же мы опять убедились в тактической выгодности нанесения удара по голове колонны с целью вывести из строя впереди идущих солдат. В результате те, кто шли сзади них, останавливались, не желая попадать под пули, сковывалось движение всей колонны и противник должен был отступить. Такая тактика постепенно обретала определенные формы и в конце концов стала всеобщей. Об эффективности ее говорило и то, что имелись случаи отказа солдат идти в голове колонны.

Соединившись с Фиделем, мы могли поговорить с ним о наших делах и успехах, которые хотя и были скромными, но тогда нам они представлялись значительными, если иметь в виду то огромное превосходство хорошо вооруженных правительственных войск над силами повстанцев. Примерно с того момента батистовские войска окончательно покидают Сьерра-Маэстру, и там лишь изредка отваживается появляться Санчес Москера - один из самых жестоких и вероломных офицеров батистовской армии.

Пино-дель-Агуа

После встречи с Фиделем, состоявшейся 29 августа, наши отряды в течение нескольких дней совершали марш. Вначале мы шли вместе, затем раздельно, с тем, чтобы вновь соединиться в районе лесопилки около Пино-дель-Агуа где, как стало известно, не было правительственных войск или, во всяком случае, имелся небольшой гарнизон.

План Фиделя был следующим: в случае если вражеский гарнизон окажется небольшим, атаковать и захватить его; если же силы противника будут значительными, провести мелкую вылазку с целью обнаружить себя. После этого отряд Фиделя должен был выступить в направлении Чивирико, а наш отряд строить засаду для противника, который попытался бы преследовать наши основные силы. В таких случаях в места, по которым мы проходили, батистовцы всегда сразу же направляли войска, чтобы показать свою силу и нейтрализовать наше революционное воздействие на крестьян.

В течение тех долгих дней нашего перехода от Дос-Брасос-дель-Гуайябо до места боя под Пино-дель-Агуа произошли разные события, основные участники которых имели отношение к последующей истории кубинской революции.

Одним из них было дезертирство братьев, Маноло и Попо Беатонов местных крестьян, присоединившихся к отряду незадолго до проведения атаки на Уверо и участвовавших в ней. Впоследствии Фидель простит им их измену, и они вновь появятся в отряде. Однако они так и не избавятся от своей склонности к бродяжничеству и бандитизму. Уже после победы революции один из них, Маноло, убьет из-за некоторых личных мотивов майора Кристино Наранхо; ему удастся бежать из тюрьмы Ла-Кабанья и сколотить небольшую банду в том самом районе в Сьерра-Маэстре, где он когда-то воевал вместе с нами. Маноло Беатон совершит еще несколько преступлений, одним из которых станет убийство Панчо Тамайо. В конце концов Маноло и его брат Попо будут схвачены группой крестьян и расстреляны в Сантьяго-де -Куба.

Произошел и другой печальный случай. Один из бойцов, по имени Роберто Родригес, отличавшийся своей недисциплинированностью, за неподчинение своему командиру был обезоружен. Тогда он отнял револьвер у одного из своих товарищей и застрелился. Когда встал вопрос о его похоронах, то между мной и некоторыми бойцами возник спор, так как я возражал против того, чтобы ему были отданы последние

воинские почести. Бойцы же считали, что Родригеса можно включить в список погибших и, похоронить его по всем правилам. Я в свою очередь пытался доказать им, что самоубийство в наших условиях было делом нетерпимым независимо от личных качеств человека. Преодолев сопротивление некоторых бойцов, мы захоронили тело самоубийцы без всяких воинских почестей.

За день или два до самоубийства он рассказал мне о своей прошлой жизни. Роберто Родригес относился и числу очень чувствительных по натуре людей. Видно было, что ему, физически слабому человеку, стоило огромного труда приспособиться к нелегким условиям партизанской жизни, а также к воинской дисциплине, которая никак не вязалась с его строптивым нравом. Спустя два дня мы послали небольшую группу в район Минас-де-Буэйсито для демонстрации своей силы, поскольку было уже 4 сентября. Группой командовал капитан Сиро Редондо. Вернувшись, они привели с собой пленного солдата по имени Леонардо Баро. Этот Баро в последующем играл важную роль в лагере контрреволюции. В течение довольно длительного времени Баро находился у нас. Однажды он поведал мне о том, что якобы у него заболела мать, и слезно умолял меня отпустить его домой повидаться с ей. Я поверил ему. Одновременно я пытался убедить его придать своему освобождению политическую окраску: после свидания с матерью он должен был попросить политическое убежище в одном из иностранных посольств, заявить о нежелании сражаться против нас и выступить с разоблачениями против режима Батисты. С последним он не согласился, сказав, что не может клеймить батистовский режим, так как за него сражаются его братья. Мы сошлись на том, что Баро после предоставления ему политического убежища просто заявит о своем нежелании больше воевать. Мы отпустили Баро в сопровождении четырех человек, которым был дан строжайший наказ не встречаться ни с кем по дороге, так как к тому времени он был знаком со многими местными крестьянами, приходившими к нам в лагерь по разным делам. Кроме того, нашим товарищам было сказано, что весь путь до окраин Баямо они должны были проделать пешком. Там они могли оставить Баро и вернуться в лагерь другим маршрутом. Однако сопровождающие пренебрегли данными им инструкциями. По дороге их видели многие из местных жителей. Эти товарищи даже провели в одном месте своего рода собрание, на котором представили Баро как освобожденного из плена человека, симпатизирующего партизанам. Затем они достали где-то джип и на нем отправились к Баямо. На пути к городу их перехватили батистовцы, и все четверо были расстреляны. Мы так

и не узнали, был ли Баро лично причастен к этому преступлению или нет, но только спустя некоторое время он оказался в районе Минас-де-Буэйсито и явился к убийце Санчесу Москере. Вскоре этот негодяй стал доносить на всех знакомых ему крестьян, помогавших партизанам. Многих жизней стоила народу Кубы моя ошибка.

Через несколько дней после победы революции Баро был арестован и расстрелян.

Вскоре после этого случая мы спустились с гор и без единого выстрела вошли в деревню Сан-Пабло-де-Яйо. Поблизости не было никаких батистовских войск. Местные жители встретили нас с распростертыми объятиями. Мы завязали знакомство с некоторыми из крестьян и закупили у местных торговцев все, что могло поместиться на четырех грузовых автомашинах, которые они сами же и раздобыли для нас, Все было куплено в кредит, и торговцы получили наши расписки. Тогда же мы познакомились с Лидией Досе, ставшей впоследствии нашим близким товарищем. До самой своей смерти она отвечала за связь повстанцев с внешним миром.

Переправить купленные товары из Сан-Пабло-де-Яйо в лагерь оказалось чрезвычайно трудным делом, так как дорога из этой деревни к району нашего расположения Пико-Верде шла круто вверх через рудник Ла-Кристина, и только машины с двумя ведущими осями и не очень груженные могли добраться туда. Наши же грузовики сломались в пути, и нам пришлось перекладывать весь груз на мулов и спины людей.

В те дни из отряда ушли по разным причинам еще несколько человек. Одного из них мы сами изгнали за то, что он, находясь на посту во время нашего пребывания в деревне Сан-Пабло-де-Яйо, напился и поставил под угрозу жизнь всех наших товарищей. Другого, по имени Хорхе Сотус, - бывшего командира взвода - Фидель послал с поручением в Майами.

В действительности Сотус никогда не мог привыкнуть к условиям партизанской жизни, и бойцы не любили его, так как по характеру он был деспотом. В его карьере были взлеты и падения. В Майами Сотус проявлял колебания, если не сказать хуже. Позже он вернется в наш отряд и ему простят его прошлые ошибки. Во времена Уберта Матоса[11] он предаст нас и его приговорят к двадцати годам тюремного заключения. При содействии одного надзирателя ему удастся бежать из тюрьмы и добраться до Майами. Там, готовя катер для пиратского вторжения в кубинские территориальные воды, он погибнет в результате несчастного случая: кажется, его убьет током.

Среди товарищей, покинувших нас в то время, был и Марсело

Фернандес, который после довольно продолжительного пребывания в Сьерра-Маэстре возвращался на свою прежнюю подпольную работу координатора городских ячеек "Движения 26 июля".

Мы достигли Пино-дель-Агуа 1 сентября. Пино-дель-Агуа - это небольшая деревушка, расположенная около лесопилки посреди леса у самого подножия Сьерра-Маэстры. В то время ее хозяином был испанец, и у него работало несколько рабочих. Батистовцев в деревне не было, и мы остановились в ней на ночлег.

В разговоре с жителями Фидель, как бы невзначай, рассказал им о маршруте нашего дальнейшего движения. Это была своего рода военная хитрость. Мы рассчитывали на то, что кто-нибудь из местных жителей обязательно передаст эту информацию батистовцам. Так оно и вышло.

Утром мы покинули деревню, планируя провести отвлекающий маневр. В то время как отряд Фиделя на виду у всех местных жителей продолжал движение в направлении Сантьяго-де-Куба, мы в течение ночи обходным путем вернулись назад и организовали засаду.

В случае если бы нам пришлось долго ждать противника, старик Тамайо, живший в местечке под названием Куэвас-де-Пеладеро, брался обеспечить нас продовольствием. Мы расположили своих людей с таким расчетом, чтобы все прилегающие к деревне дороги находились под наблюдением и простреливались нами. Наблюдение было организовано и перед Пино-дель-Агуа, на участке дороги, ведущей от Яйо к Пико-Верде. Не осталась без внимания и прямая тропа, поднимающаяся в горы Сьерра-Маэстры. Маленькой группе из Пико-Верде, вооруженной охотничьими ружьями, ставилась задача своевременно, предупредить нас, если противник вздумает двигаться по этой тропе, которую мы планировали использовать для отхода после проведения засады. Эфихенио Амейхейрас должен был вести наблюдение за одной из дорог, идущих со стороны Пико-Верде. Лало Сардиньяс со своим взводом оставался в районе Запато, охраняя лесные, просеки, выходящие к берегу реки Пеладеро. Но это было излишней предосторожностью, так как противнику пришлось бы подниматься высоко в горы, прежде чем выйти к этим просекам. Кроме того, батистовцы старались избегать передвижений в лесу походной колонной. Сиро Редондо и его взвод обороняли подходы со стороны Сиберии.

Мы поджидали батистовцев в лесу около отвесной скалы, расположенной у дороги, которая поднималась со стороны Гуизы. Выбранное нами место позволяло заметить автомашины

противника с большого расстояния. План был простым: открыть по ним огонь с двух сторон и заставить остановиться, у поворота дороги, прежде всего первую автомашину, а затем и всю колонну. В случае успеха мы рассчитывали захватить три-четыре автомашины и вынудить противника повернуть обратно. Для этого был выделен наш лучший взвод, усиленный людьми капитана Рауля Кастро Меркадера.

Мы провели в засаде уже шесть дней, терпеливо выжидая, когда кто-то появится. На седьмой день в небольшой времянке, служившей нам одновременно штабом и столовой, мне доложили о появлении противника. Из-за большой крутизны склонов вражеских машин не было видно, но уже раздавался в горах приглушенный шум их моторов.

Мы изготовились к бою; на основной позиции расположилась группа Игнасио Переса, которая должна была обстрелять первую автомашину и остановить ее. Минут за двадцать до боя разразился тропический ливень - обычное явление в горах, - и мы промокли до нитки.

Между тем противник продвигался вперед, думая больше, как спастись от дождя, чем о возможности нашего нападения.

Автоматная очередь нашего бойца, который первым открыл огонь, прошла мимо, не причинив батистовцам никакого вреда.

Завязалась общая перестрелка. Ехавшие в первой машине солдаты были ошеломлены внезапностью нападения. Они, не понеся потерь, попрыгали с машины и укрылись за скалой на повороте дороги, убив в суматохе одного из лучших наших бойцов - партизанского поэта Хосе де ла Крус, которого мы любовно называли Крусито.

В тот самый момент один из солдат, укрывшись под остановившимся грузовиком, открыл огонь, не давая никому из нас поднять голову.

Через минуту или две я прибыл к месту боя и увидел, что многие из бойцов начали отходить, повинуясь отданному кем-то ложному приказу. Так часто бывает во время боя. Аркимедес Фонсека, раненный в руку, пытался спасти брошенный кем-то из наших людей ручной пулемет. Момент был критическим. Прежде всего требовалось остановить отступавших и организовать взаимодействие между группами Лало Сардиньяса и Эфихенио Амейхейраса для нанесения согласованного удара. На дороге стоял боец по имени Татин. Увидев, как я спускался вниз, он вызывающим тоном крикнул: "Он здесь, под машиной! Вперед, вперед! Разве мы не мужчины?". Собрав все свое мужество, я готов был тут же ринуться, вперед, оскорбленный до глубины души этими трусливыми криками. Но когда мы попытались

приблизиться к спрятавшемуся под машиной вражескому солдату, который буквально поливал нас свинцом из своего автоматического оружия, пыл наш сразу охладел, и мы оба поняли, что наша безрассудная отвага могла бы обойтись слишком дорого.

Всего машин было пять, и на них находилось примерно до роты солдат. Отделение, которым командовал лейтенант Антонио Лопес, точно выполнило отданный ему приказ и перекрыло дорогу, как только начался бой. В результате третий грузовик также остановился. Однако группа солдат оказала нам вначале упорное сопротивление, не давая возможности продвинуться вперед. Только с прибытием подкрепления от Лало Сардиньяса и Эфихенио Амейхейраса нам удалось сломить сопротивление противника и обратить его в бегство. Часть солдат разбежалась, остальные удрали на уцелевших двух машинах бросив все свое снаряжение.

О силах противника и его намерениях нам рассказал подробней после боя Хильберто Кардеро. Раньше он служил в армии и был рядовым. При проведении одной операции мы взяли его в плен, и какое-то время он находился в отряде, а потом был отпущен. Но батистовцы решили использовать его и заслали к нам в отряд, чтобы он отравил Фиделя. Для этого Хильберто снабдили специальным ядом, который он должен был положить в пищу нашего командира. Услышав выстрелы, Кардеро выпрыгнул, как и все, из машины и, вместо того чтобы спасаться бегством, сразу перешел на нашу сторону и после боя поведал нам о своих приключениях.

Из числа солдат, ехавших в первой машине, двое были убиты и один тяжело ранен. Раненый солдат находился уже в полубессознательном состоянии, но ему казалось, что он все еще ведет бой. Его прикончил один из наших бойцов, семью которого перед этим уничтожили батистовцы. Я тут же высказал ему в резких выражениях свое мнение по поводу совершенного им бесчеловечного поступка, не подозревая, что мои слова услышит другой раненый солдат, находившийся в кузове. У него была раздроблена нога, и он, укрывшись одеялами, неподвижно лежал у борта кузова. Когда мы отошли немного в сторону, он стал кричать, чтобы его не убивали. И, пока шел бой, он всякий раз обращался к тому, кто пробегал мимо машины, со словами: "Не убивайте меня, не убивайте меня! Че сказал, что пленных не убивают ". После боя мы оказали ему первую помощь и переправили затем на лесопилку.

Среди солдат, ехавших на последних двух машинах, потерь почти не было, но зато мы захватили солидное количество

трофеев: одну автоматическую винтовку, шесть обычных винтовок, пулемет с полным боекомплектом к нему. Захваченное оружие было распределено среди бойцов моего отряда, за исключением одной винтовки, которая осталась во взводе Эфихенио Амейхейраса. Эфихенио считал, что оказанная его взводом помощь была решающей и поэтому он имел полное право на определенную часть трофейного оружия. Но он подчинялся мне, так как Фидель придал его людей нашему отряду, и я, несмотря на все протесты, распорядился оставить это оружие для своих бойцов. Автоматическая винтовка досталась лейтенанту Антонио Лопесу - командиру отделения, которое особенно отличилось в бою, а владельцами остальных винтовок стали лейтенант Жоэль Иглесиас, Вирельес - бывший участник высадки со шхуны "Коринтия ", рядовой Оньяте и еще двое бойцов, имен которых я не помню. Чтобы не оставлять врагу захваченные грузовики, мы сожгли их, так как сами воспользоваться ими тогда еще не могли.

Пока мы собирали своих людей, над нами пролетело несколько вражеских авиеток, но нам достаточно было сделать всего несколько выстрелов, чтобы отогнать их. Еще раньше мы послали Минголо, одного из братьев Пардо, оповестить Фиделя о приближавшемся противнике. Теперь же, после боя, было решено послать второго связного в сопровождении Кардеро, который заодно рассказал бы Фиделю о всех своих приключениях. Кроме того, мы направили связного, по имени Монго Мартинес, в группу Сиро Редондо, чтобы сообщить ей об окончании боя и о начале отхода отряда.

Через некоторое время раздались выстрелы: это стреляла группа наших бойцов. По их словам, они обнаружили тайком пробиравшегося вражеского солдата и стали кричать ему, чтобы он остановился. Но солдат не подчинился, и наши бойцы вынуждены были открыть огонь. Батистовец убежал, бросив свою винтовку. В подтверждение наши товарищи показали захваченное оружие. Нам показалось странным, что в этом районе еще попадались солдаты противника, ибо бой уже давно кончился. Захваченную винтовку мы включили в наши общие трофеи.

Обстоятельства этого случая прояснились только через два-три дня, когда Монго Мартинес нагнал наш возвращавшийся в лагерь отряд. Мартинес рассказал нам о том, как он в пути наткнулся на вооруженных охотничьими ружьями "вражеских солдат", о том, как они открыли по нему огонь и ранили его. И действительно, лицо Монго было буквально все испещрено дробинками. Всем стало ясно, откуда взялась последняя трофейная винтовке, Спасаясь от преследования, раненый Монго

Мартинес свернул на незнакомую тропу и заблудился и горах, так и не сумев передать Сиро Редондо приказ об отходе. Но на следующий день тот сам прислал своего связного, и таким образом мой приказ был передан ему.

В то время как бомбардировщики В-26 на бреющем полете летали над лесопилкой в поисках своей жертвы, мы, разместившись в доме, спокойно завтракали. Хозяйка преподнесла нам горячий шоколад. Она явно была не в восторге от появления самолетов, пролетавших над самой крышей ее дома. Наконец самолеты улетели, и мы почувствовали облегчение. Но когда отряд был готов уже выступить в поход, на дороге со стороны Сиберии (на той самой дороге, которую несколько часов назад прикрывали бойцы Сиро Редондо) показались четыре грузовика, полные солдат. Было слишком поздно, чтобы попытаться организовать такую же засаду, какую мы устроили раньше, многие из наших бойцов уже успели к тому времени рассредоточиться и укрыться в более безопасных местах. Поэтому мы не стали вступать в бой, а, сделав два выстрела, означавших сигнал к выступлению, спокойно покинули этот район,

В прошедшем бою, о котором стало известно по всей Кубе и который имел большое значение для нас по своим результатам, противник потерял трех человек убитыми и одного раненым. На следующий день бойцы из взвода Эфихенио Амейхейраса захватили еще одного пленного. Им оказался капрал Алехандро, которого мы увели с собой в лагерь. Он находился с нами до конца войны, выполняя обязанности повара. Около места боя мы похоронили Крусито.

В бою под Пино-дель-Агуа отличились лейтенант Эфихенио Амейхейрас, капитаны Лало Сардиньяс и Виктор Мора, лейтенант Антонио Лопес и его отделение, а также Дермидо Эскалона и Аркимедес Фонсека, бывшие в то время рядовыми. Последнему мы вручили трофейный пулемет с треногой, чтобы он научился с ним обращаться, после того как вылечит свою раненую руку. Наши потери составили: один убитый, один легкораненый и несколько человек контуженых, не говоря уже о ранении бедного Монго.

Из Пино-дель-Агуа мы возвращались по нескольким партизанским тропам. Нужно было выйти в район Пико-Верде, чтобы там провести реорганизацию наших сил и ждать подхода отряда Фиделя, который уже знал о состоявшемся бое.

Анализ боевых действий под Пино-дель-Агуа показал, что, несмотря на достигнутый важный политический и военный успех, у нас имелись серьезные недостатки. Во-первых, мы не сумели воспользоваться до конца фактором внезапности для

уничтожения первых трех грузовиков; во-вторых, из-за отданного кем-то ложного приказа на отход было потеряно управление действиями наших бойцов. Они стали действовать нерешительно, что особенно проявилось при захвате брошенных на дороге автомашин, прикрывавшихся всего несколькими солдатами. Кроме того, оставшись ночевать около лесопилки, мы подвергали себя излишней опасности. Наш отход после боя прошел довольно беспорядочно. Все это говорило о настоятельной необходимости тщательной подготовки к боевым действиям, о повышении дисциплины у наших бойцов, и решением этой задачи мы занялись в последующие дни.

Чрезвычайное происшествие

После боя под Пино-дель-Агуа мы приступили к улучшению организационной структуры своего отряда, который к этому времени был усилен несколькими подразделениями, присланными нам Фиделем. Наша цель состояла в том, чтобы повысить боеспособность отряда.

Была создана дисциплинарная комиссия, составленная из отличившихся в бою бойцов отделения лейтенанта Лопеса. Все они являлись очень серьезными парнями. Этой комиссии поручалось следить за революционной моралью, выполнением установленных требований при несении караульной службы, соблюдением общей дисциплины, за поддержанием чистоты и порядка в лагере. Однако комиссия просуществовала недолго, и через несколько дней после ее создания она распалась при трагических обстоятельствах, о которых я расскажу ниже.

Тогда же в небольшом, расположенном около горной вершины Ла-Ботелья лагере, который использовался нами обычно как перевалочная база, был казнен бежавший несколько месяцев назад дезертир по кличке Ворон. Мы были хорошо осведомлены о том, чем занимался этот тип. Под предлогом борьбы за революцию и ликвидацию доносчиков он попросту грабил и терроризировал местных жителей при явном попустительстве со стороны батистовцев.

Судебное разбирательство прошло быстро, и дезертира приговорили к расстрелу. К сожалению, в Сьерра-Маэстре нам довольно часто приходилось прибегать к высшей мере наказания в отношении подобных преступных элементов.

Стало известно, что Фидель после нападения на Чивирико закончил свой переход через зону Сонадор и находился на пути к району нашего расположения. Чтобы ускорить соединение наших сил, мы двинулись к реке Пеладеро.

Хочу рассказать о происшедшем по дороге забавном случае. В тот период в прибрежном районе, по которому мы проходили, жил коммерсант по фамилии Хуан Баланса. Его связи с батистовцами и латифундистами были всем известны, но он никогда не проявлял открытой враждебности по отношению к нам. У этого коммерсанта был мул, знаменитый на всю округу своей выносливостью. Мы реквизировали мула и отправились к селению Пиналито, находившемуся недалеко от реки Пеладеро, через которую нам необходимо было переправиться. Для этого требовалось спуститься к реке почти по отвесной скале. Перед нами встал вопрос, что делать дальше с этим мулом: зарезать его

и нести мясо с собой, но мы и так были перегружены, или оставить на вражеской территории, или попытаться переправить его через реку. Мы остановились на последнем. И мул превзошел все наши ожидания. Он успешно спустился к берегу реки и продемонстрировал незаурядные способности акробата, пройдя с завидной легкостью там, где нам пришлось буквально съезжать вниз, цепляясь за лианы и выступы в скале. Мул удачно переправился и через бурную реку, совершив серию головокружительных прыжков с одного камня на другой, и таким образом завоевал право на жизнь. Впоследствии он надежно служил мне в качестве средства передвижения, пока не попал в руки Санчеса Москеры во время одной из многочисленных стычек в Сьерра-Маэстре.

В районе реки Пеладеро произошел неприятный инцидент, о котором я хочу рассказать подробнее, так как он имел серьезные последствия для нас.

Как я уже говорил, нами была создана дисциплинарная комиссия, В своей работе ей приходилось с самого начала преодолевать сопротивление некоторых наших товарищей, которые были не согласны с введением дисциплинарных взысканий. Такое положение не могло дальше продолжаться, и мы были вынуждены принимать против нарушителей дисциплины и порядка решительные меры.

Однажды несколько человек, желая зло подшутить над своими товарищами, ответственными за поддержание чистоты, набросали на территории лагеря мусор. Комиссии пришлось начать разбирательство этого происшествия. Несколько человек были посажены под арест. Среди них находился и Умберто Родригес, печально известный тем, что он приводил в исполнение выносившиеся нами смертные приговоры преступникам и дезертирам. Забегая вперед, скажу, что после победы революции Умберто, сговорившись с таким же типом, как и он, убьет одного заключенного в тюрьме Ла-Кабанья, и они оба совершат побег.

Вместе с Умберто Родригесом под арестом находились еще три бойца. В условиях партизанской жизни карцер мало что значил для провинившихся. Но когда проступок был серьезным, нарушителю дисциплины в течение двух или трех дней обычно не выдавалась пища. Этот вид наказания вызывал особое недовольство среди противников решительного укрепления дисциплины.

Спустя два дня после этого инцидента, когда под арестом еще находились основные его виновники, мы узнали, что совсем рядом, в местечке Эль-Сапато, расположился отряд Фиделя. Я поспешил туда, чтобы встретиться и поговорить с ним обо всем.

Прошло всего несколько минут после нашей встречи, как неожиданно появился Рамиро Вальдес и сообщил, что Лало Сардиньяс стал виновником убийства. Пытаясь наказать нарушителя дисциплины, он сгоряча стал угрожать ему пистолетом. Произошел случайный выстрел, и боец был убит. В отряде возникла угроза бунта. Я немедленно прибыл на место происшествия и приказал взять под стражу Лало Сардиньяса. Многие были настроены очень враждебно против него, требуя созвать дисциплинарный суд и приговорить Лало к расстрелу.

Мы провели расследование и заслушали свидетелей. Мнения разделились: одни прямо заявляли, что это было преднамеренное убийство, другие считали, что произошел несчастный случай. Но независимо от высказанных мнений, сам факт применения физического насилия по отношению к товарищу был вопиющим нарушением закона, и Лало Сардиньяс не первый раз позволял себе это. Положение было не из легких. Все знали Сардиньяса как отважного командира, непримиримого к нарушителям дисциплины, как человека, которому было присуще чувство самопожертвования. Смертного приговора требовали для него как раз те, кто не отличался особой дисциплинированностью.

Заслушивание свидетелей продолжалось до глубокой ночи. К тому времени к нам в лагерь прибыл Фидель. Он был решительно против того, чтобы выносить Лало Сардиньясу смертный приговор, но в то же время считал, что будет неразумно принимать решение, не выяснив мнения всех товарищей. В ходе суда Фиделю и мне выпала задача быть защитниками обвиняемого, который спокойно, без малейших признаков страха, наблюдал за разгоревшимися спорами вокруг его дальнейшей судьбы.

После долгих и страстных речей, в которых многие выступавшие требовали вынесения смертного приговора, настала моя очередь взять слово. Прежде всего я обратился ко всем с просьбой как следует вникнуть в суть дела, пытался объяснить, что случай с Лало Сардиньясом нужно рассматривать с точки зрения конкретных обстоятельств нашей борьбы и условий военного времени и что в конечном счете виновником случившегося являлся диктатор Батиста. Однако было видно, что мои слова прозвучали не очень убедительно перед той враждебно настроенной аудиторией.

Было уже поздно, а споры все еще продолжались. Мы зажгли факелы и несколько свечей. Затем в течение целого часа выступал Фидель. Он разъяснил нам, почему не следовало применять в отношении Лало Сардиньяса высшую меру наказания. В этой связи Фидель подробно остановился на всех наших недостатках,

рассказал об отсутствии крепкой дисциплины, о совершаемых нами ежедневно ошибках, о наших личных слабостях; в заключение он заявил, что отвратительный сам по себе поступок Лало Сардиньяса был совершен в конечном счете и интересах укрепления дисциплины и что это нельзя было упускать из виду.

Голос Фиделя, его страстная речь, могучая фигура, озаряемая факелами, оказали сильное воздействие на людей, и многие из тех, кто настаивали на казни Сардиньяса, постепенно стали соглашаться со своим руководителем. В ту ночь еще раз подтвердилась огромная способность Фиделя убеждать людей.

Но не всех убедила темпераментная и красноречивая речь Фиделя. В конце концов, все сошлись на том, чтобы поставить на голосование каждое из двух предложений: немедленная казнь через расстрел или разжалование в рядовые. В ходе голосования, от результатов которого зависела судьба человека, накал страстей стал еще больше.

Голосование пришлось отложить, так как некоторые голосовали по два раза, а в результате продолжавшихся споров искажались смысл и условия этого голосовании. Мы еще раз разъяснили поставленные на голосование два предложения и попросили всех сразу высказать свое мнение. За подсчет голосов отвечал я.

Многие из нас любили Лало Сардиньяса; мы признавали его вину, но вместе с тем очень хотели спасти его жизнь, ибо он был нужный для революции человек. Помню, как одна совсем юная девушка по имени Онириа, которая только что прибыла в отряд, просила убитым голосом разрешить ей голосовать наравне со всеми. Ей разрешили, и после этого началось голосование.

Результаты этого необычного голосования были следующими: из 146 присутствовавших 76 человек высказались против вынесения смертного приговора, 70 - за. Лало Сардиньяс был спасен.

Но на этом все не закончилось. На следующий день группа бойцов, несогласных с мнением большинства, решила уйти из отряда. Среди них было много тех, кто не отличался высокими моральными качествами, но были и хорошие парни. Как ни парадоксально, но из отряда ушли Антонио Лопес, возглавлявший дисциплинарную комиссию, и несколько человек из его отделения. Я помню имена некоторых из них. Это были Курро, братья Канисарес, Пардо Хименес. Последний, хотя и был племянником министра в правительстве Батисты, принимал участие в нашей борьбе. О дальнейшей судьбе этих людей мне не известно, но что касается судьбы братьев Канасарес, то ее не назовешь героической. Не согласившись с мнением большинства

и дезертировав в трудный для нас момент, они позже окажутся на службе у врагов революции и высадятся как предатели на Плайя-Хирон, чтобы бороться против своего народа. Один из них будет там убит, а другой захвачен в плен.

Случай с Лало Сардиньясом свидетельствовал и о другом. Росла политическая сознательность наших бойцов и командиров, в Повстанческой армии формировались силы, придававшие новые черты нашей революционной войне, креп моральный дух, выкристаллизовывалась идея о необходимости аграрной реформы и глубоких социальных изменений в общественной структуре, которую нужно было осуществить, чтобы оздоровить всю жизнь в стране. Однако все это наталкивалось на противодействие ряда элементов, которые примкнули и нашей борьбе в поисках приключений, а скорее, ради своих узкокорыстных целей.

От нас ушло еще несколько человек недовольных. Имена их я уже забыл, но одного из них, по имени Роберто, запомнил хорошо, впоследствии этот человек расскажет выдуманную им самим лживую историю обо всем случившемся в отряде некоему Конте Агуэро, который напечатает ее в журнале "Боэмия".

Что касается Лало Сардиньяса, то его отстранили от должности командир взвода и разжаловали в рядовые. Он был включен в состав небольшого дозора, которому предстояло действовать против батистовцев. Лейтенант Хоакин де ла Роса, дядя Лало Сардиньяса, решил сопровождать своего племянника. Вместо Лало Сардиньяса Фидель прислал ко мне одного из лучших своих людей - Камило Сьенфуэгоса, который стал капитаном и командовал передовым отрядом нашей колонны.

В тот период в районе наших боевых действий объявилась контрреволюционная банда, которая, прикрываясь именем революции, совершала преступления и терроризировала местных жителей. Поэтому задачей Камило Сьенфуэгоса было совершить форсированный марш в район населенных пунктов Каракас и Ломон и выловить этих бандитов, чтобы в последующем предать их суду.

Борьба против бандитизма

В условиях гор Сьерра-Маэстры мы могли свободно контролировать довольно большую территорию. Здесь были места, по которым вряд ли когда ступала нога батистовского солдата. Но органы нашей местной власти в освобожденных районах были слабо организованы и не могли эффективно бороться с мародерами, которые, прикрываясь именем революции, занимались открытым грабежом, бандитизмом и совершали другие преступные акты.

Кроме того, политическая обстановка в Сьерра-Маэстре была все еще довольно неустойчивой. Местные жители отличались низким политическим сознанием, и нахождение поблизости правительственных войск в большой степени мешало нам преодолеть этот недостаток.

Противник снова сжимал вокруг нас кольцо окружения. Имевшиеся у нас различные данные говорили о том, что батистовцы опять намереваются двинуться в Сьерра-Маэстру. Этого было достаточно, чтобы вызвать панику у жителей освобожденных нами районов. Некоторые из них, слабые духом, старались покинуть родные места, чтобы избежать возможных репрессий со стороны батистовских палачей. Санчес Москера разбил свой лагерь в поселке Минас-де-Буэйсито.

Но, несмотря на все эти опасности, наш отряд спокойно занимался своим делом в долине Эль-Омбрито. В заброшенных горах Сьерра-Маэстры мы впервые приступили к хозяйственной деятельности - к строительству хлебопекарни. Эта долина, где была создана партизанская база, являлась своего рода воротами для партизанских сил. Молодые люди, желавшие присоединиться к повстанцам, группами приходили сюда. Здесь они некоторое время находились в распоряжении крестьян, которые сотрудничали с нами.

Начальником этого приемного пункта был местный житель по имени Аристидио. Он пришел в наш отряд незадолго до боя под Уверо, но в нем не участвовал, так как накануне упал и сломал ребро. После этого случая он не проявлял особого желания оставаться в отряде.

Аристидио являл собой типичный пример крестьянина, который присоединился к революции, ясно не представляя себе ее значения. Поразмыслив над сложившейся обстановкой, он пришел к выводу, что будет благоразумнее для него держаться подальше "от всего этого". Поэтому он продал за несколько песо свой револьвер и принялся болтать языком по всей округе, что он

не дурак и не желает погибнуть ни за понюшку табаку в своем собственном доме, когда из того района уйдут партизаны, и что он вступит в контакт с правительственными войсками. Из нескольких источников мне стало известно о настроениях этого крестьянина. Революция переживала трудные времена. Поэтому, пользуясь предоставленными мне как начальнику целого гарнизона полномочиями, я приказал арестовать Аристидио. Его судил военный трибунал и вынес ему смертный приговор.

Теперь, спустя много лет, мы можем спросить себя: действительно ли он был настолько виновен, чтобы приговорить его к высшей мере наказания, или можно было избежать этого и спасти ему жизнь? Война - вещь жестокая, и в период, когда противник владел инициативой и его агрессивность усиливалась, надо было пресекать любые попытки к измене. Случись это несколькими месяцами раньше, когда повстанческое движение было еще слабым, или несколькими месяцами позже, когда мы чувствовали себя уже сильнее, Аристидио не был бы расстрелян. Но ему не повезло, так как он изменил нам в момент, когда мы были достаточно сильны, чтобы безжалостно карать за такие преступления, но были еще слабы, чтобы наказывать по-другому, поскольку мы не располагали ни тюрьмами, ни исправительными колониями.

Временно покидая район нашего постоянного базирования, мы выступили в направлении к Лос-Кокос, что на реке Магдалена, и там должны были соединиться с силами Фиделя, чтобы сообща ликвидировать действовавшую в районе Каракаса банду, возглавляемую китайцем Чаном. Выдавая себя за революционеров, бандиты грабили, истязали и убивали крестьян. На ликвидацию банды ушло примерно десять дней.

Когда мы прибыли на место, там уже находилась передовая группа Камило Сьенфуэгоса, которой удалось захватить несколько бандитов, в том числе и их главаря. На состоявшемся суде, кроме Чана, к смертной казни был приговорен и пойманный в это же самое время один крестьянин, выдававший себя перед местными жителями за связного Повстанческой армии. Этот бандит изнасиловал несовершеннолетнюю крестьянскую девочку. Суду подверглись и другие участники банды. Это были в основном городские жители и местные крестьяне, обманутые китайцем Чаном, который обещал им легкую и привольную жизнь. Большинство из них были оправданы, но троих было решено подвергнуть символическому расстрелу и тем самым серьезно проучить их.

Чан и крестьянин, обвиненный в изнасиловании, были казнены в лесу. Их привязали к дереву и расстреляли. Перед

казнью оба они сохранили чрезвычайное спокойствие. Крестьянин смотрел на нацеленные в него винтовки широко открытыми глазами и смерть встретил со словами: "Да здравствует революция!" Что касается Чана, то перед казнью он попросил, чтобы его исповедовал святой отец Сардиньяс. Мы не могли выполнить его просьбу, так как священник в то время находился где-то в районе нашего постоянного базирования. Тогда Чан пожелал, чтобы мы были свидетелями его последней молитвы. Он думал, что публичное исповедование могло служить ему как смягчающее обстоятельство на том свете.

Затем состоялся символический расстрел трех участников банды, которые в наибольшей степени были причастны к преступлениям китайца Чана. Но Фидель считал, что необходимо дать им возможность исправиться. Мы завязали им глаза и заставили пережить мучительные минуты перед "казнью". Прогремели три выстрела, и эти парни поняли, что остались живыми. Один из них бросился ко мне и в порыве благодарности наградил меня звонким поцелуем, будто я был его родным отцом. Свидетелем описанных мной событий являлся агент ЦРУ Эндрюс Сейнт Джордж. Его репортаж, опубликованный в журнале "Лук", получил премию и считался сенсацией года в стране.

Сейчас может показаться слишком жестоким такой способ наказания, но применить тогда другой вид наказания в отношении этих людей было невозможно. Хотя они и совершили тяжкие преступления, но смертной казни все-таки не заслуживали. Вскоре все трое вступили в Повстанческую армию. Двое из них мужественно сражались в течение всей войны, а третий долгое время находился в моем отряде. И когда в разговорах заходила речь о разных эпизодах войны и кто-нибудь из товарищей подвергал сомнению правдивость его слов, он с чувством говорил: "Я не боюсь смерти. Че - тому свидетель " - и начинал вспоминать случай со своим "расстрелом".

Спустя два или три дня были схвачены еще несколько человек из состава банды. Их казнь особенно была тяжела для нас. Среди них находились крестьянин, по имени Дионисио, и его шурин Хуан Лебрихио, с первых дней поддерживавшие Повстанческую армию. Вместе с Хуаном Лебрихио Дионисио, который помог нам разоблачить предателя Эутимио Герру и который принес большую пользу во время одного из самых трудных периодов нашей революции, позже стали очень сильно злоупотреблять нашим доверием. Пользуясь предоставленными им полномочиями, они присваивали себе продовольствие, которое нашим подпольным организациям удавалось с большим трудом переправлять из городов, тайно забивали

принадлежавший нам скот и вырученные от продажи мяса деньги присваивали себе. Встав на этот скользкий путь, они уже не могли остановиться и катились все дальше вниз, пока не совершили убийство.

В ту пору в Сьерра-Маэстре богатство и благополучие мужчины измерялось главным образом количеством жен, которых он мог содержать. Дионисио, следуя этому неписаному правилу и считая себя влиятельным лицом, уполномоченным революцией, имел три дома, в каждом из которых содержал жену и большие запасы продовольствия. Во время суда Дионисио, выслушав, как Фидель гневно обвинял его в предательстве, в злоупотреблении доверием и моральном разложении, с крестьянским простодушием ответил, что жен у него было не три, а две, так как одна была законная.

На этом суде мы приговорили к смерти и двух пойманных с поличным шпионов Масферера, а также одного юношу по фамилии Эчеварриа. Он происходил из известной семьи, помогавшей повстанцам, а один из его братьев участвовал в высадке со шхуны "Гранма". Но этот юноша (мы все его звали Косой) организовал небольшую группу и, поддавшись искушению, встал на путь вооруженного бандитизма на территории, контролируемой Повстанческой армией.

Последние дни перед казнью Эчеварриа держался хорошо. Он полностью признавал свою вину и очень не хотел, чтобы его расстреляли. Юноша умолял, чтобы ему позволили умереть в бою, и клялся, что сам будет искать смерти, только лишь избежать бы позора для своей семьи. Уже будучи приговоренным к расстрелу, он написал большое трогательное письмо своей матери, в котором объяснял ей справедливость вынесенного ему приговора и призывал ее быть верной делу революции.

Последним, кого казнили в этот период, был человек по прозвищу Маэстро. Это был удивительный тип, которого я хорошо узнал, когда больным скитался с ним в горах. Вскоре он, сославшись на какую-то болезнь, ушел из отряда и окунулся в разгульную жизнь. Этот бандит докатился до того, что, выдавая себя за врача, пытался изнасиловать нуждавшуюся в медицинской помощи крестьянскую девочку.

Все приговоренные к расстрелу, за исключением двух шпионов, умерли со словами о революции. Я сам не был на казни, но очевидцы рассказывают, что, когда присутствовавший на этот раз святой отец Сардиньяс обратился к одному из приговоренных к смерти со своей молитвой, тот ответил: "Послушай, святой отец, помолись за кого-нибудь другого. Я не очень-то верю во все это".

Таковы были некоторые из тех людей, которые делали

революцию. Поначалу мятежные и нетерпимые по отношению к любой несправедливости, бунтари-одиночки, они постепенно привыкали удовлетворять свои личные потребности, используя авторитет Повстанческой армии, и не проявляли никакого интереса к низвержению существовавшего социального строя. А выйдя из-под нашего контроля, который в тех условиях было довольно трудно поддерживать, они начинали совершать действия, которые неизбежно заканчивались преступлениями против революции. Некоторые из этих людей были прощены ею, но другие заплатили за это своими жизнями. Сама обстановка требовала от нас твердой рукой навести порядок, пресечь любое проявление недисциплинированности, покончить с анархическими элементами, которые вставали на путь преступлений, компрометируя наше дело.

Дионисио и Хуан Лебрихио были не хуже, чем другие прощенные нами люди. Более того, Эчеварриа мог бы стать героем революции, настоящим борцом, как его два брата - офицеры Повстанческой армии. Но в тех конкретных условиях они должны были заплатить за свои преступления против революции ценой своих жизней.

Вначале я сомневался, указывать фамилию Эчеварриа в этих воспоминаниях или нет. В конце концов, я решил, что это нужно сделать, так как этот юноша перед лицом смерти вел себя достойно, по-революционному, и было видно, что он ясно сознавал всю справедливость вынесенного ему приговора. Поэтому смерть Эчеварриа не была позорной; она послужила хотя и трагическим, но хорошим уроком, который помог многим понять, что наша революция - дело кристально чистое, не имеющее ничего общего с действиями бандитов, за которых нас старались выдать Батиста и его клика.

На суде впервые выступил в качестве адвоката Сори Марин, который из-за какой-то ссоры с городским руководством "Движения 26 июля" нашел убежище в горах Сьерра-Маэстры. После победы революции он стал министром сельского хозяйства и оставался на этом посту до принятия Закона об аграрной реформе. Сори Марин не пожелал поставить своей подписи под этим законом, так как не хотел брать на себя никаких обязательств.

После завершения нелегкой миссии по наведению порядка и спокойствия во всей округе, которая отныне переходила под наше управление, мы выступили в обратный путь в район Эль-Омбрито. Отряд имел три взвода. Первым командовал Камило Сьенфуэгос, командирами отделений у него были лейтенант (ныне майор) Орестес, а также лейтенанты Больдо, Лейва и Нода. Второй взвод

находился под командованием капитана Рауля Кастро Меркадера, а отделениями командовали лейтенанты Альфонсо Саяс, Орландо Пупо и Пако Кабрера. Третьим взводом командовал Сиро Редондо, командирами отделений у которого были лейтенанты Вило Акунья, Феликс Рейес, Уильям Родригес и Карлос Мас.

Командование отряда включало небольшой штаб, начальником его был Рамиро Вальдес, и группу управления, которой руководил лейтенант Жоэль Иглесиас. Последнему не исполнилось еще и шестнадцати лет, а подчиненными у него были люди, которым перевалило за тридцать. Он уважительно обращался к ним на "вы", когда отдавал приказания. Те хотя и говорили ему "ты", но точно выполняли все его приказания и распоряжения.

В конце октября 1957 года мы вновь обосновались в долине Эль-Омбрито и приступили к проведению ряда работ с целью превратить наш лагерь в хорошо укрепленный район. Из Гаваны в отряд прибыли двое студентов, один с инженерного факультета, а другой - с ветеринарного. С их помощью мы начали составлять проект небольшой гидроэлектростанции, которую собирались построить на реке Эль-Омбрито, а также готовиться к изданию нашей партизанской газеты. Для этого у нас имелся старенький мимеограф, привезенный из города. На нем были напечатаны первые номера газеты "Эль Кубано либре". Ее главными редакторами и первыми издателями были студенты Хеонель Родригес и Рикардо Медина.

Так постепенно, окруженные большой заботой и теплотой со стороны местных жителей, особенно нашей давнишней знакомой - "старушенции Чаны", как мы все ее звали, мы закладывали основы для нашей постоянной дислокации. Нам наконец удалось завершить сооружение небольшой хлебопекарни. Мы разместили ее в заброшенной крестьянской хижине, чтобы не строить новой мишени для вражеской авиации.

Перед Новым годом мы изготовили огромный красно-черный флаг "Движения 26 июля" с надписью: "С Новым, 1958 годом!" Флаг был поднят на одной из вершин с таким расчетом, чтобы его видели жители поселка Минас-де-Буэйсито, откуда наш отряд ждал наступления правительственных войск под командованием Санчеса Москеры. Батистовцы готовились к очередному вторжению в наши районы. Мы в свою очередь, хотя и были заняты в то время установлением новых органов власти на освобожденных территориях, также готовились к отражению вражеского наступления, укрепляя подступы к району нашего базирования - Эль-Омбрито.

Убитый щенок

Был ясный день, что не так часто случается в горах Сьерра-Маэстры. Мы осторожно шли вслед за отрядом Санчеса Москеры, продвигавшимся по Агуа-Ревес - одной из наиболее труднопроходимых горных долин в бассейне реки Туркино. По дороге нам попадались следы "деяний" этого закоренелого убийцы: сожженные крестьянские хижины, повсюду горе и затаенная ненависть. По пути своего следования отряд Санчес Москеры неизбежно вынужден был начать подъем в горы в одном из двух или трех проходов, туда, где должен был находиться Камило со своими людьми. Противник мог также пройти по проходу через горный массив Невада, или по проходу Хромого, или, как теперь его называют, проходу Смерти.

Камило Сьенфуэгос с 12 бойцами поспешно выступил навстречу врагу. По дороге он должен был разделить свою группу и расставить бойцов в трех различных местах, чтобы задержать вражеский отряд, насчитывавший более ста человек. Моя задача заключалась в том, чтобы напасть на Санчеса Москеру с тыла, окружить и запереть в долине, а затем совместными усилиями ликвидировать его. Поэтому, стараясь не обнаруживать себя и обходя еще дымившиеся крестьянские хижины, подожженные солдатами на своем пути, наш отряд постепенно сближался с противником, который двигался внизу по узкой горной долине. Сколько было солдат, мы не знали, но до нас уже доносились их отдельные выкрики. Все было бы хорошо, если бы не новый наш спутник охотничий щенок, появившийся в нашем отряде несколько недель назад. Несмотря на то что Феликс Рейес несколько раз пытался отогнать его в сторону нашего лагеря, где остались повара, щенок продолжал бежать вслед за нами.

В том месте Сьерра-Маэстры очень трудно передвигаться из-за отсутствия тропинок. Нам приходилось буквально продираться сквозь плотную стену деревьев и кустарников, покрывавших склоны гор; перепрыгивать через стволы мертвых деревьев, наполовину покрытых свежими зарослями. Каждый шаг давался с большим трудом, но нам нельзя было потерять из виду "гостей".

Наша колонна двигалась с величайшей предосторожностью. И только изредка звук сломанной под ногами ветки врывался в естественный для этих горных мест шум. Неожиданно раздался отчаянный и нервный лай щенка: он застрял в зарослях и звал своих хозяев на помощь. Кто-то помог выбрался собачонке, и все вновь двинулись вперед. Однако, когда мы решили немного передохнуть около какого-то ручья - один из нас наблюдал с

высоты за движением противника, - щенок вновь истошно завыл, боясь, что его могут оставить на произвол судьбы.

Помню, как я резко тогда приказал Феликсу: "Позаботься о том, чтобы эта псина больше не выла. Прикончи ее. Она не должна больше лаять!" Феликс осмотрел на меня невидящим взглядом. Его и щенка окружили измученные переходом бойцы. Не торопясь, он вытащил веревку, окрутил шею собаки и начал постепенно сдавливать. Вскоре движения хвоста щенка стали резкими в такт жалобному хрипу, вырывавшемуся из стиснутой веревкой глотки. Не знаю, сколько времени все это продолжалось, но нам всем оно показалось нескончаемо долгим. Наконец щенок, издав последний предсмертный хрип, затих. Он так и остался там лежать, на ветках, весь поникший, с запрокинутой набок мордочкой.

Мы двинулись дальше в путь. Никто не проронил ни слова о случившемся. За это время отряд Санчеса Москеры ушел немного вперед, и нам нужно было догонять его. Неожиданно раздались выстрелы. Не теряя ни минуты, мы начали быстро спускаться по склону в поисках кратчайшего пути к противнику. Судя по всему, люди Камило Сьенфуэгоса уже вступили в бой. Однако прошло немало времени, пока мы добрались до крестьянской хижины, где, как мы считали, произошло столкновение, но там никого не оказалось. Стрельба неожиданно прекратилась. Все бойцы находились в состоянии напряженного ожидания. Посланные вперед двое разведчиков поднялись к проходу Хромого. Вскоре они вернулись, сообщив, что нашли наверху свежую могилу, а в ней каскито[12]. Разведчики принесли найденные в карманах убитого документы. По всему было видно, что здесь шел бой и что убитый солдат был из отряда Санчеса Москеры. Но больше мы ничего не узнали.

Обескураженные, мы повернули назад. Проведенная нами на обратном пути разведка показала, что на обоих склонах имелись следы прошедших недавно людей, но большего обнаружить нам не удалось.

Возвращались мы медленно и шли уже по дороге, проходившей по самой долине. Достигнув к вечеру деревни Мар-Верде, отряд остановился на отдых в пустой хижине. Вскоре был готов ужин: вареная свинина и немного юки[13]. Кто-то затянул песню, подыгрывая себе на гитаре.

Стемнело. Тихо звучала мелодия какой-то сентиментальной песни. Чувствовалось, что все очень устали от долгого перехода и, постепенно замолкая, устраивались на отдых. Рядом со мной, усевшись прямо на землю, ужинал Феликс Рейес. Обглодав кость, он бросил ее недалеко от себя. Крутившаяся около него хозяйская

собака ухватила эту кость и стала грызть. Феликс погладил ее по голове. Собака с благодарностью посмотрела на Феликса, а тот в свою очередь посмотрел на меня. Наши взгляды неожиданно встретились, и мы оба почувствовали себя виноватыми и взволнованными. Казалось, что на нас смотрел кроткими глазами другой собаки, глазами, в которых можно было прочитать упрек, убитый щенок.

Бой за Мар-Верде

После спокойно проведенной ночи в деревне Мар-Верде я проснулся рано. Мы не спеша позавтракали и стали поджидать нескольких связных, которых мы послали накануне, чтобы выяснить, где находились группы наших бойцов, оставшиеся в горах.

С первыми лучами солнца к нам явился крестьянин и принес тревожную новость: он видел, как несколько солдат ловили кур в одном из брошенных домов всего в полукилометре от нас. Я тут же послал его обратно и попросил подробней разузнать о противнике. Хотя он не полностью выполнил мое задание, все-таки ему удалось выяснить, что в одном или двух километрах отсюда разбила лагерь большая группа батистовцев. Без сомнения, это был отряд Санчеса Москеры.

Необходимо было срочно организовать нападение на противника, окружить и уничтожить его. Но для этого прежде всего надо было установить, по какому маршруту Санчес Москера двинется дальше. Он мог воспользоваться двумя дорогами. Первая из них - к Минас-де-Буэйсито - проходила через населенный пункт Санта-Анна и поселок Калифорния, а вторая - более короткая и менее сложная - шла вдоль течения реки Туркино к деревушке Окухаль, расположенной у подножия пика Туркино. Вероятнее всего, противник мог пойти именно по второй дороге, но для этого ему пришлось бы двигаться в противоположном направлении.

Мы срочно выслали своих людей в обоих направлениях, чтобы точно определить, по какой же дороге двинется Санчес Москера. В случае же если бы батистовцы направились к горному массиву Невада, нам необходимо было быстро упредить их и не позволить выйти из окружения. Эта задача возлагалась на группу Камило Сьенфуэгоса, которая за день до этого вела бой в районе Альтос-де-Конрадо. О ее точном местонахождении мы еще пока не знали.

Вскоре прибыли связные от нескольких наших групп. Стало известно, что резерв отряда, находившийся в Эль-Омбрито, выступил в направлении горного массива Невада. Поступило сообщение и от Камило Сьенфуэгоса, который уже находился в районе этого массива. Посланный к Камило связной должен был сообщить ему, чтобы он не вступал в бой до тех пор, пока противник не попытается выйти из окружения в районе Невады. Отделения лейтенантов Ноды и Вило Акуньи выступили в западном направлении, а взвод капитана Рауля Кастро Меркадера

- в восточном. Таким образом, кольцо окружения замкнулось. Небольшая группа под моим командованием должна была устроить засаду и встретить противника, если бы он попытался прорваться к морю.

На рассвете, когда все приготовления были закончены, показалась передовая группа вражеской колонны, которая продвигалась вдоль небольшого горного ручья, впадающего в реку Туркино. Противник шел прямо в направлении нашей засады.

Место засады окаймлялось небольшим возвышением и позволяло нам хорошо замаскироваться, но в то же время оно имело ограниченный сектор огня и наблюдения. В стороне от дороги стоял небольшой холм, на вершине которого росло дерево манго. Я взобрался на дерево и внимательно следил за приближавшимся противником. Выстрелами по впереди шедшим солдатам я должен был дать сигнал к началу боя. В метре или двух от дерева находились Жоэль Иглесиас и другие бойцы. Наша позиция позволяла нам успешно действовать только в начале боя. Мы учитывали, что подвергшийся внезапному нападению противник отойдет назад, чтобы занять выгодный рубеж, и тем самым позволит и нам сменить наши позиции.

Вскоре послышался шум шагов приближавшихся солдат. Их был трое. Но я не стал ждать подхода других и открыл огонь, беспокоясь за судьбу нескольких наших бойцов, находившихся ближе всех к противнику. Однако я промахнулся. Сразу же завязалась перестрелка. Наши люди, располагавшиеся ближе к дороге, двинулись в направлении дома, где должны были проходить основные силы отряда Санчеса Москеры.

Когда мы спустились и дороге, чтобы подобрать оружие убитых батистовцев, там никого не оказалась, Вскоре мы обнаружили, что рядом с дорогой имелся вырубленный в зарослях тростника наподобие туннеля проход, через который и ускользнули солдаты. Поскольку другие солдаты противника не появлялись, мы начали поиски трех батистовцев.

Пока часть бойцов шла в обход, Жоэль Иглесиас вместе с Родольфо Васкесом и Хеонелем Родригесом устремились в зеленый "туннель". Мы слышали громкий голос Жоэля Иглесиаса, предлагавшего солдатам сдаться в плен. Вдруг раздались беспорядочные выстрелы. Вскоре мне сообщили, что Жоэль Иглесиас тяжело ранен. Но судьба оказалась к нему благосклонной: ни одна из полученных им ран не оказалась смертельной, а их было множество. Приклад его винтовки был разбит прямыми попаданиями пуль, которые в ярости посылали батистовские солдаты из своих автоматических винтовок. Мы

срочно вынесли обливавшегося кровью Жоэля Иглесиаса с поля боя и отправили его на носилках в тыл.

Но солдаты еще не были обезврежены. И прежде чем ввязываться по-настоящему в бой, необходимо было во что бы то ни стало захватить и обезоружить их. Поэтому мы продолжили их поиск. Вскоре послышался голос Силвы. Он закричал нам: "Они здесь!" - и выстрелил по месту, где спрятались трое батистовцев. Спустя некоторое время они сдались в плен вместе с оружием.

Отправив пленных в лагерь той же дорогой, что и Жоэля Иглесиаса, я смог наконец занятьсл непосредственно организацией дальнейших боевых действий. Из допроса пленных следовало, что у Санчеса Москеры имелось от 80 до 100 человек личного состава. Другими полезными сведениями они не располагали, да у нас и не было полной уверенности в правдивости их слов. Бессиорно было одно. Санчес Москера перешел к обороне, заняв выгодную позицию. У него были пулеметы и легкая артиллерия с необходимым количеством боеприпасов.

По численности мы не уступали противнику, но были значительно хуже вооружены. Все понимали, что для нас было бы невыгодно сразу вступать с ним в открытый бой, в успехе которого мы сомневались. Поэтому было решено держать противника под постоянным напряжением и на давать ему свободно маневрировать, а с наступлением темноты вновь атаковать его.

В течение нескольких часов все шло по плану. Но затем поступило сообщение, что со стороны моря на помощь Санчесу Москере двигалось подкрепление под командованием капитана Сьерры. Это меняло дело. Чтобы задержать продвижение вражеского подкрепления, мы послали навстречу ему две группы бойцов под командованием Уильяма Родригеса и лейтенанта Лейвы. Они должны были перехватить двигавшуюся колонну в районе Дос-Брасос-дель-Туркино и совместными усилиями уничтожить ее. Для встречи противника была выбрана позиции на вершине одной горы, примерно в двух километрах от того места, где находился Санчес Москера.

Бой затих, и лишь изредка наши бойцы, беспокоя врага, стреляли по дому, где засели солдаты Санчеса Москеры. Так прошло еще несколько часов. Однако в середине дня где-то над нами послышалась сильная стрельба, а спустя еще некоторое время пришло печальное известие о гибели Сиро Редондо. Он геройски погиб, пытаясь прорваться через вражеские позиции. Тело его найти не удалось, а его винтовку подобрал Камило Сьенфуэгос.

Вскоре выстрелы стали раздаваться совсем рядом. Это стреляли солдаты из подкрепления противника, извещавшие таким путем Санчеса Москеру о своем приближении. Завязалась ожесточенная перестрелка. Превосходство было на стороне противника. Ему удалось потеснить нас и прорваться к отряду Санчеса Москеры, которому и на этот раз посчастливилось спастись.

Я отдал приказ на отход; он прошел организованно и без спешки. Нам необходимо было сперва выйти к небольшой реке Гуайябо, а затем к долине Эль-Омбрито, где отряд оказывался бы в полной безопасности.

Достигнув берега этой реки, мы сделали привал и по горячим следам подвели итоги боя. Потери противника определить не удалось, хотя, по рассказам некоторых наших товарищей, чему, однако, нельзя было верить, он потерял убитыми несколько человек.

Наши же потери составили: один убитый и пять раненых. Среди последних были Роберто Фахардо, Жоэль Пардо, Феликс Рейес (позже ему будет присвоено звание капитана и он погибнет в одном из боев), Хавьер Пасос и Жоэль Иглесиас. Кроме того, мы потеряли все содержимое нескольких вещевых мешков, которые были нами спрятаны перед началом боя. А случилось это так. Альберто - боец, сопровождавший до лагеря взятых в плен утром трех батистовских солдат, не вернулся сразу к месту боя. На обратном пути он решил отдохнуть в том месте, где были спрятаны мешки. Там его спящим и обнаружили батистовцы. Позже мы узнали, что он был расстрелян.

Смерть нашего любимого товарища Сиро Редондо была для нас самой большой утратой. Всех угнетала мысль о том, что не удалось сполна рассчитаться с убийцей Москерой за гибель своего товарища. Я послал Фиделю письмо, в котором предлагал присвоить посмертно Сиро Редондо воинское звание "майор". Это звание было присвоено ему некоторое время спустя, о чем сообщила наша партизанская газета "Эль Кубано либре". Бой под Мар-Верде и гибель Сиро Редондо произошли 29 ноября 1957 года.

Мне этот бой запомнился еще и по другой причине. Дело в том, что перед самым нашим отходом одна вражеская пуля вонзилась в ствол дерева, пролетев всего в нескольких сантиметрах над моей головой, которую я в тот момент зачем-то высунул. Находившийся рядом со мной Хеонель Родригес отругал меня за то, что я не остерегаюсь и подставляю лоб всякой шальной пуле. Потом по дороге он рассуждал со мной в полушутливом тоне о том, что у него больше шансов дожить до

победы революции, ибо он не рискует понапрасну жизнью, разве только в необходимых случаях. А так как Родригес был по специальности инженер, то он подкреплял свои слова математическими выкладками. То, что он не рисковал никогда понапрасну жизнью, было действительно так, хотя это не мешало ему быть смелым, решительным и умелым воином. Но, к сожалению, он не дожил до конца революционной войны. Спустя несколько месяцев после боя под Мар-Верде он погибнет, участвуя в отражении яростного наступления правительственных войск против Повстанческой армии.

Ночь мы провели на берегу реки. Нами принимались все необходимые меры, чтобы не позволить противнику застать нас врасплох и, если бы он попытался атаковать, дать ему решительный отпор, прежде чем отойти к долине Эль-Омбрито.

Альтос-де-Конрадо

Дни после боя при деревне Мар-Верде были заполнены лихорадочной деятельностью. Мы понимали, что повстанцы еще не были достаточно подготовлены, чтобы вести длительные боевые действия, эффективно проводить операции по окружению противника и противостоять его фронтальным атакам. Вот почему мы продолжали оставаться в обороне в долине Эль-Омбрито, соблюдая все необходимые меры предосторожности. Эта долина находится в нескольких километрах от деревни Мар-Верде и, чтобы добраться туда, нужно подняться по шоссе, ведущему в Санта-Анну, и переправиться через небольшую горную речушку Гуайябо. Можно, правда, добраться и Эль-Омбрито и другим путем: идти вдоль той же речки Гуайябо на юг, мимо холма Ботелья, и перейти на шоссе, которое ведет из Минас-дель-Фрио.

Нужно было обеспечить оборону всех этих подступов и организовать постоянное наблюдение, чтобы не быть застигнутыми врасплох противником, если бы тот стал продвигаться прямо через леса. Главный обоз был переправлен в район Ла-Меса, дом Поло Торреса. Худа же были отправлены и раненые. Единственным раненым, который не мог сам передвигаться, из-за ранения в ногу, был Жоэль Иглесиас. Отряд Санчеса Москеры расположился лагерем в самой Санта-Анне, другие подразделения противника двигались по дороге из Калифорнии, и точное место, куда они направлялись, нам не было известно. Спустя четыре или пять дней после боя при Мар-Верде прозвучал сигнал боевой тревоги. Отряд Санчеса Москеры продвигался по наиболее удобной дороге, ведущей из Санта-Анны в Эль-Омбрито. Немедленно были предупреждены все те, кто готовил засады, и проверены мины. Наши первые самодельные мины имели весьма примитивный взрыватель, ударный механизм которого состоял из простого гвоздя и пружины. Они так ни разу и не взорвались во время боя при Мар-Верде, не сработали они и на этот раз. Через некоторое время на командном пункте услышали стрельбу, а затем поступило сообщение о том, что бойцы вынуждены отступить, так как мины не сработали, а противник с боем продолжает продвигаться вперед. Наши бойцы все же успели нанести противнику кое-какие потери. Их первой жертвой был толстый, высокого роста сержант, вооруженный пистолетом, который на коне возглавлял вражескую колонну. Лейтенант Энрике Нода и боец, по прозвищу Мексиканец, стреляли в него с близкого расстояния, и их описания этого

человека совпадали. Говорили, что были и еще убитые. Но факт остается фактом - отряд Санчеса Москеры вынудил нас отступить. Спустя несколько недель ко мне пришел крестьянин по фамилии Брито, чтобы поблагодарить нас за великодушие. Этот крестьянин рассказывал, что батистовцы заставили его показывать им дорогу и, двигаясь впереди колонны, он видел, как наши парни только целились в него, а стреляли мимо. Брито сообщил мне, что потерь в этом столкновении не было. Они имелись около Альтос-де-Конрадо.

При наших скудных огневых средствах позиция, которую мы занимали, была настолько трудна для обороны, что мы даже не стали отрывать окопов, а использовали старые оборонительные укрепления, предназначавшиеся для защиты подступов с стороны Минас-де-Буэйсито. Противник, продолжая продвигаться по шоссе, стал угрожать нашим людям, находившимся в засадах. Поэтому всем бойцам был дан приказ к отходу. Никто из местных жителей не остался в этом районе, за исключением некоторых крестьян, у которых хватило мужества противостоять жестокостям батистовских карателей или которые тайно поддерживали связь с врагом.

Мы немедленно отступили по дороге, ведущей к Альтос-де-Конрадо. Альтос-де-Конрадо - это всего лишь небольшая гора в Сьерра-Маэстре, на самой вершине которой жил крестьянин Конрадо. Этот товарищ был членом Народно-социалистической партии и с первого же момента вступил в контакт с бойцами Повстанческой армии, выполняя для нее важные поручения. Он эвакуировал свою семью, и дом стоял пустой.

Это место очень подходило для устройства засады. На вершину горы можно было подняться лишь по трем узким тропинкам, которые, извиваясь, бежали по крутому склону, покрытому густым тропическим лесом. Другим же путем взобраться на эту гору было очень трудно, так как со всех сторон она была надежно защищена отвесными скалами.

Напасть на отряд Санчеса Москеры было решено в том месте, где дорога расширялась и проходила рядом с небольшим участком вырубленного леса. В первый же день мы заложили в печке дома две мины. Расчет был прост: если батистовцы войдут в дом и станут разводить огонь, произойдет взрыв, в результате которого все находящиеся в доме будут уничтожены. Но это мы предусматривали на случай нашего отхода, а пока нам предстояло заняться засадой около Альтос-де-Конрадо.

Три дня мы терпеливо ожидали противника, ведя круглосуточное наблюдение. Ночи на такой высоте и в такое время года очень холодные, сырые, и надо признаться, что мы

были не особенно привычны к тому, чтобы провести целую ночь на боевой позиции под открытым небом.

На мимеографе мы напечатали листовки с воззванием к солдатам противника и намеревались расклеить их на деревьях, растущих вдоль дороги.

Утром 8 декабря, расположившись на высокой скале, мы услышали голоса батистовцев, готовившихся начать подъем по петляющей вверх дороге, которая проходила на 200 метров ниже нашей боевой позиции. Был отдан приказ расклеить листовки. Это, сделал товарищ Луис Олазабаль. В воздухе уже разносились крики о чем-то яростно споривших людей. Прислонившись к скале и осторожно наблюдая за ними, я услышал, как, по-видимому, какой-то офицер приказывал солдату идти вперед, но тот сердито отказывался. Затем спор прекратился, и противник начал подъем.

Батистовцы продвигались небольшими группами, прячась за деревья. Пока противник поднимался по дороге, я подумал, что вряд ли стоило расклеивать листовки и обнаруживать себя. Я позвал Луиса и приказал ему снять их. Времени у него для этого оставалось очень мало, так как первые солдаты подходили к нам довольно быстро.

Замысел боя был чрезвычайно прост: огонь открывался, когда противник выходил на открытое место. Камило, спрятавшись за большое мастиковое дерево, должен был в упор выстрелить из автомата по шедшему впереди своей колонны дозорному, Затем в действие, вступали снайперы, которые расположились на обоих флангах нашего боевого порядка в кустарниках. Лейтенант Ибрагим и еще один боец, укрывшись на обочине дороги в десяти метрах от Камило, должны были прикрывать его фронтальным огнем, с тем, чтобы никто не мог подойти к нему после того, как он убьет вражеского дозорного.

Моя огневая позиция находилась около дерева, ствол которого наполовину закрывал меня. Я и некоторые другие товарищи вначале не могли наблюдать за происходящим, так как находились на открытом месте и нас могли увидеть. Все должны были ждать, пока не откроет огонь Камило. Осторожно выглядывая из-за дерева и действуя при этом против отданного мною же приказа я смог по достоинству оценить то напряжение, которое испытывает человек перед началом боя.

Вскоре появился первый батистовский солдат. Он подозрительно огляделся по сторонам и медленно двинулся дальше. И в самом деле, это место, где мы залегли, будто предупреждало о засаде. Оно производило странное унылое впечатление - высохший участок земли, эти деревья, одни из

которых были повалены, а другие стояли, но были мертвы. И все это - на фоне окружавшей нас пышной лесной растительности, где бежал небольшой ручеек.

Я спрятал голову и стал ждать начала боя. Прозвучал выстрел, и тотчас же завязалась перестрелка. Позднее я узнал, что стрелял не Камило, а Ибрагим, который не выдержал нервного напряжения и выстрелил раньше времени. В начавшейся общей перестрелке мало что можно было увидеть с любого наблюдательного пункта. Наши разрозненные выстрелы, каждый из которых должен был бы попасть в цель, и расточительная пальба батистовцев раздавались одновременно, но их можно было различить. Через пять-шесть минут над нашими головами прозвучали первые залпы из вражеских минометов или "базук". Огонь был не точен, и снаряды рвались где-то за нами.

Вдруг у меня появилось неприятное ощущение, как будто что-то меня обожгло. Я почувствовал, что меня ранило в левую ногу, не защищенную стволом дерева. Я сразу же выстрелил. (Для большей точности стрельбы я взял себе винтовку с оптическим прицелом.) В момент, когда меня ранило, я услышал, как ко мне, раздвигая с большим шумом ветки деревьев, приближались люди. Винтовкой я не мог воспользоваться, поскольку я только что выстрелил из нее. Пистолет находился под моим телом, и я не мог подняться, не подставив себя под огонь противника. Повернувшись, насколько это было возможно, я отчаянно схватил пистолет как раз в тот момент, когда передо мной возник наш боец по прозвищу Кантинфлас.

Мое самочувствие было неважное: раненая нога болела, и я не мог подняться. А тут еще пришел бедный Кантинфлас, чтобы сказать, что у его винтовки заело затвор и он решил отойти назад. Я выхватил у него винтовку и осмотрел ее. Оказалось, что произошел перекос патрона. Я устранил неисправность и, возвращая винтовку, сильно обругал Кантинфласа. Взяв винтовку, он вышел из-за дерева, которое прикрывало нас, и присоединился к остальным бойцам, чтобы разрядить в противника свое оружие и тем самым доказать свою храбрость.

Но ему не удалось осуществить свое намерение: его тут же ранило. Пуля вошла в левую руку и вышла через лопатку, пройдя при этом любопытную траекторию. Теперь мы были оба ранены, и нам стало очень трудно выйти незамеченными из-под сильного огня противника. Не оставалось ничего другого, как ползти в направлении поваленных деревьев и скрыться. Нам удалось достигнуть этого места, но Кантинфлас потерял сознание, а я, несмотря на боль, сумел добраться до своих и попросил помощи.

Было известно, что среди батистовцев имелись убитые, но

точное их число мы не знали. Выбравшись из зоны, простреливаемой противником, мы - двое раненых - направились к дому Поло Торреса, находившемуся в двух-трех километрах от места засады. Когда прошло вызванное боем возбуждение, боль в ноге стала чувствоваться еще сильнее. Я не мог двигаться дальше. На середине пути мне пришлось сесть на лошадь, которая довезла меня до импровизированного госпиталя, а Кантинфласа принесли на санитарных носилках, сооруженных из гамака.

К тому времени перестрелка закончилась, и мы решили, что противник уже взял Альтос-де-Конрадо. Мы выслали небольшое прикрытие, чтобы сдержать продвижение противника вдоль берега небольшой речушки, в месте, которое мы прозвали Пата-де-ла-Меса (ножка стола), и занялись эвакуацией крестьян и их семей. Затем я послал Фиделю большое донесение с подробным описанием обстановки.

Я принял решение послать основные силы отряда под командованием Рамиро Вальдеса на соединение с Фиделем. Фактически это обусловливалось тем, что среди части наших бойцов росло опасение полного поражения. Оставляя для прикрытия небольшую группу во главе с Камило, я хотел обеспечить максимум подвижности в бою.

На следующий день после боя, когда кругом все было как будто спокойно, мы послали одного из наших лучших разведчиков, по фамилии Льен, разузнать, что творится в лагере противника. Оказалось, что противник совершенно оставил этот район. Разведчик дошел до самого дома Конрадо и нигде не обнаружил батистовских солдат. Для подтверждения он даже принес одну из мин, спрятанных нами в хижине.

При проверке оружия выяснилось, что у товарища Гиле Пардо не было принадлежавшей ему винтовки. Перед боем он взял другую винтовку, а свою оставил во время нашего отхода. Это считалось в нашей армии одним из наиболее тяжких преступлений. Последовал строгий приказ: "Найти свою винтовку или добыть у противника другую". С низко опущенной головой, вооруженный только одним пистолетом, Гиле отправился выполнять приказ. Спустя несколько часов он вернулся и с радостью показал свою собственную винтовку. Разгадка была проста: противник не пошел дальше того места, где он подвергся нашему нападению. Каждая сторона отошла на свои прежние позиции, и никто из вражеских солдат не побывал там, где Пардо оставил свою винтовку. Она лишь покрылась ржавчиной после прошедшего сильного ливня.

В этом районе батистовцам удалось дальше всего проникнуть в Сьерра-Маэстру. В Эль-Омбрито и прилегающих к ней деревнях

батистовский каратель Санчес Москера, как всегда, оставил после себя лишь сожженные дома.

Наша хлебопекарня была совершенно разрушена, и среди дымящихся обломков бродили лишь кошки да какой-то обезумевший боров, который сбежал от противника, чтобы попасть в наши желудки. На второй или на третий день после боя Мачадито (в настоящее время он министр здравоохранения) с помощью бритвы сделал мне операцию и извлек пулю карабина М-1. После этого я быстро пошел на поправку.

Санчес Москера забирал у крестьян все, начиная от кофе и кончая мебелью. У нас создавалось впечатление, что пройдет много времени, прежде чем Москера опять появится в горах Сьерра-Маэстры.

В этот период для нас становилось необходимым заняться решением политических задач в Сьерре и приступить к созданию нашего основного материально-производственного центра теперь уже не в Эль-Омбрито, а несколько дальше, в районе Месы.

Год вооруженной борьбы

Начинался 1958 год. Мы уже более года вели вооруженную борьбу против батистовского режима. Попробуем вкратце подвести итоги достигнутых нами успехов в военном, организационном и политическом отношении, а также проанализировать сложившуюся к этому времени обстановку.

Если начинать с военного аспекта нашей деятельности, необходимо вспомнить, что повстанческий отряд высадился с "Гранмы" 2 декабря 1956 года на пляже Лас-Колорадас. Спустя три дня он подвергся внезапному нападению батистовцев и был разбит в бою около Алегрия-де-Пио. В конце этого же месяца была произведена перегруппировка наших сил, мы приступили к проведению небольших операций. Одной из таких успешно проведенных операций явился бой за небольшую казарму, расположенную на берегу реки Ла-Плата, на южном побережье провинции Орьенте.

В течение всего периода, начиная с момента высадки с "Гранмы" и последующего поражения в бою при Алегрия-де-Пио и кончая боем при Уверо, повстанческие силы состояли лишь из одной партизанской группы, руководимой Фиделем Кастро, и мы были вынуждены находиться в постоянном движении. Этот период можно было бы назвать "кочевым".

Между 2 декабря и 28 мая (день, когда произошел бой при Уверо) начинают понемногу налаживаться наши связи с городскими подпольными организациями. Указанный период характеризуется непониманием со стороны части руководства "Движения 26 июля" в равнинных районах важной роли повстанцев, ведущих боевые действия в горах, как авангарда революционных сил и значения Фиделя как вождя революции.

Именно в этот момент формируются два разных подхода к тактике, которой необходимо было придерживаться в революционной борьбе. Они соответствовали двум отличным друг от друга стратегическим концепциям, известным в то время как позиция повстанцев Сьерра-Маэстры и позиция революционеров из равнинных районов. Наши дискуссии и внутренние разногласия носили довольно острый характер. Тем не менее наша главная забота на данном этапе состояла в том, чтобы преодолеть существующие трудности и укрепить опорную базу повстанцев.

Настроение крестьянства в этот период анализировалось нами уже много раз. В дни, последовавшие за поражением при Алегрия-де-Пио, крестьяне проявляли к повстанцам горячее

чувство товарищества и искренней поддержки. После перегруппировки наших сил и проведения первых боев, за которыми со стороны батистовцев сразу же последовали репрессии против местного населения, крестьян охватил страх, и их отношение к нам становится прохладным. Основная проблема состояла в том, что они должны были доносить властям о нашем появлении, и, если батистовцы узнавали об этом из других источников, им приходилось плохо. В то же время доносы были противны их убеждениям и, кроме того, представляли для них новую опасность, поскольку революционное возмездие было неминуемым.

Несмотря на то что некоторые крестьяне - запуганные или по крайней мере безразличные и неуверенные - предпочитали избегать решения этой проблемы и уходили из Сьерра-Маэстры, повстанцы с каждым днем все глубже врастали в эту землю, добиваясь абсолютного контроля над районом Сьерра-Маэстры, который простирался на востоке дальше пика Туркино, а на западе - до пика Каракас. По мере того как крестьяне убеждались в непобедимости партизанской армии и в той пользе, которую приносила революционная борьба, их поведение становилось более логичным и они начинали вступать в наши ряды. С этого момента они не только поддерживали нашу армию, но и группировались вокруг нее. Повстанцы прочно закреплялись в сельской местности, используя при этом обычно широкие родственные связи среди крестьян. А это уже означало массовую повсеместную помощь герилье со стороны местного населения.

Пополнение рядов повстанцев шло не только за счет крестьян и отдельных добровольцев, но и за счет бойцов, посылаемых в Сьерра-Маэстру Национальным руководством "Движения 26 июля" и провинциальным руководством Орьенте, которое пользовалось достаточно большой автономией. В период, прошедший со дня высадки с "Гранмы" и взятия военной казармы Уверо, к нам прибыло пополнение в количестве 50 человек, разделенное на пять взводов. Бойцы были вооружены разнотипным оружием, лишь 30 винтовок были в хорошем состоянии. До прибытия этой группы мы нанесли противнику поражение в боях при Ла-Плате и при Арройо-дель-Инфьерно, но в то же время сами подверглись внезапному нападению батистовцев в Альтос-де-Эспиноса и потеряли одного бойца. Этот случай чуть не повторился в районе Гавиро, когда в наш отряд проник предатель, который трижды приводил противника к месту нашего расположения и которому было дано поручение убить Фиделя.

Выпавшие на нашу долю горькие испытания и трудности

суровой жизни в горах закалили нас и превратили в настоящих ветеранов. Новое пополнение получило боевое крещение в бою при Уверо. Этот бой имеет большое значение, поскольку знаменует собой момент, когда мы провели фронтальную атаку в дневное время на хорошо обороняемую позицию противника. Этот бой явился одним из самых кровопролитных боев за всю историю войны, если учесть его продолжительность и количество участников в нем. В результате этой победы от противника были очищены прибрежные зоны Сьерра-Маэстры. После боя при Уверо моя небольшая группа, состоявшая в основном из раненых повстанцев, соединилась с колонной Фиделя, пополнившись в пути новыми бойцами. Меня назначили командиром 2-й колонны, которая позже стала называться 4-й. Следует отметить, что колонна, непосредственно руководимая Фиделем, должна была действовать в основном к западу от пика Туркино, а наша колонна - к востоку, стараясь охватить при этом возможно большую зону. В плане тактического руководства мы были довольно самостоятельны, но общее руководство осуществлял Фидель, с которым мы поддерживали связь через связных раз в одну-две недели.

День, когда были разделены силы Повстанческой армии, совпал с годовщиной "Движения 26 июля". В то время как бойцы 1-й колонны, носившей имя Хосе Марти, атаковали населенный пункт Эстрада-Пальма и наносили противнику ряд отвлекающих ударов, мы быстро продвигались к населенному пункту Буэйсито. Это был первый бой нашей колонны, в результате которого был взят этот населенный пункт. Начиная с указанной даты и до первых чисел января 1958 года происходит закрепление Повстанческой армии на освобожденной территории. Чтобы вторгнуться на эту территорию, противник, вынужден сосредоточивать крупные силы и двигаться мощными колоннами. Подготовка к таким операциям требовала от батистовцев больших усилий, а результаты получались ничтожными, поскольку им не хватало мобильности. Некоторые колонны врага окружались, другие уничтожались или в крайнем случае их продвижение останавливалось. Наше знание местности и подвижность улучшались, и мы вступали в период "оседлого образа жизни", то есть когда освобожденные районы удерживались нами в течение длительного времени. Во время первого нападения на Пино-дель-Агуа мы прибегли к военной хитрости и совершенно сбили с толку противника, поскольку нам уже были хорошо известны его повадки. Получилось так, как и предполагал Фидель: когда батистовцы узнают о нашем появлении в этом районе, они обязательно через несколько дней пошлют карательную

экспедицию. Он оставил мой усиленный отряд в засаде, а сам с небольшой группой бойцов стал имитировать передвижение повстанческих сил.

В конце года войска противника снова отступили из Сьерра-Маэстры и мы стали хозяевами территории, простиравшейся с запада на восток от пика Каракас до Пино-дель-Агуа; на юге контролируемая нами территория омывалась морем. И лишь на севере, на отрогах Сьерра-Маэстры, находились небольшие населенные пункты, занятые противником.

Наша зона действий значительно расширилась после вторичного нападения на Пино-дель-Агуа, в котором принимали участие все наши силы под командованием Фиделя. К этому времени были созданы две новые колонны: 6-я колонна имени Франка Паиса, командиром которой стал Рауль, и колонна Альмейды. Обе эти колонны выделились из 1-й колонны Фиделя, на основе которой постоянно создавались новые отряды, направлявшиеся в отдаленные районы для утверждения нашего влияния. Таким образом, начиная с 4-й колонны, формирование новых повстанческих подразделений за счет 1-й колонны становилось уже традицией.

В период консолидации наших вооруженных сил возникло своеобразное перемирие с батистовцами: мы еще не были в состоянии атаковать укрепленные, но относительно слабо обороняемые позиции противника, а он не предпринимал наступления против нас. Такое положение продолжалось до тех пор, пока 16 февраля 1958 года не произошло второе нападение на Пино-дель-Агуа.

В это время погибло несколько наших товарищей, участников высадки с "Гранмы". Мы тяжело переживали их гибель. Особенно тяжело нам было потерять Нико Лопеса и Хуана Мануэля Маркеса. В этот первый год борьбы с тиранией погибли и другие товарищи, которые благодаря своему мужеству и высоким моральным качествам снискали среди бойцов большое уважение. Среди них можно назвать Нано и Хулио Диасов, павших в бою при Уверо. Они не были братьями. В бою при Мар-Верде был убит ветеран штурма казармы Монкада Сиро Редондо, а в бою при Сан-Лоренсо погиб капитан Сото. Среди жертв, понесенных городскими подпольными организациями в революционной борьбе, самой большой утратой для революции была гибель Франка Паиса в Сантьяго-де-Куба.

К списку военных подвигов, совершенных в горах Сьерра-Маэстры, надо добавить и ту героическую работу, которую проводили городские подпольные организации. Сражавшиеся против батистовского режима подпольные группы действовали во

всех основных городах страны, но основными центрами революционной борьбы были Гавана и Сантьяго.

На протяжении всего этого периода была слабо налажена связь равнинных подпольных организаций с партизанами, находящимися в горах Сьерра-Маэстры, что объяснялось двумя основными факторами: географической оторванностью Сьерры и разногласиями тактического и стратегического характера между руководством двух групп в "Движении". Второй фактор объяснялся различными социальными и политическими взглядами.

Сьерра-Маэстра была изолирована от других районов не только в силу своих географических условий, но также из-за установленного батистовцами кордона, который в ряде случаев было чрезвычайно трудно преодолеть.

В этом кратком описании борьбы с тиранией в первый год следует также упомянуть и о других группах борцов, действия которых не только не имели успеха, но и приводили к печальным последствиям.

13 марта 1957 года группа кубинских студентов, входивших в студенческую организацию "Революционный директорат", совершила нападение на президентский дворец, намереваясь захватить и убить Батисту. Нападение оказалось неудачным. В результате погибли лучшие борцы за революцию во главе с лидером "Директората" президентом Университетской Федерации студентов Хосе Эчеварриа, или, как его еще называли, Мансанитой, имя которого было символическим для молодежи.

Спустя несколько месяцев, в мае 1957 года, на помощь повстанцам должно было прийти судно "Коринтия". Но эта экспедиция, которую возглавлял Каликсто Санчес, была обречена а провал уже с самого момента своего выхода из Майами, поскольку ее финансировал предатель Прио; результатом неудачной высадки была зверская расправа со всеми участниками экспедиции. Каликсто Санчес погиб, как почти и все его товарищи, от руки убийцы Коули, действовавшего в северной части провинции Орьенте и расстрелянного впоследствии борцами нашего "Движения".

В это время начинается концентрация боевых групп в Эскамбрае. Некоторые из них возглавляли члены "Движения 26 июля", а другими руководили представители студенческого "Революционного директората". Во главе этих последних стоял вначале член "Директората" Гутьеррес Менойо, который предал сперва их, а затем и интересы всей революции. Впоследствии он был выслан за пределы страны.

Бойцы, поддерживавшие линию "Революционного

директората", сформировали свою отдельную колонну, которую впоследствии возглавил майор Чомон, а остальные, не вошедшие в нее, составили ядро так называемого 2-го Национального фронта Эскамбрая.

Небольшие партизанские отряды были сформировали также в горах Сьерра-де-Кристаль и Баракоа; в некоторых отрядах оказались реакционные элементы, от которых Раулю пришлось избавиться, когда он со своей 6-й колонной вступил в этот район.

Крупным событием вооруженной борьбы того периода явилось восстание моряков, вспыхнувшее на военно-морской базе в городе Сьенфуэгос 5 сентября 1957 года. Его возглавил лейтенант Сан Роман, который после поражения был расстрелян батистовцами. Это восстание не должно было ограничиться только выступлением моряков военно-морской базы в Сьенфуэгосе, и оно не возникло стихийно, а было результатом крупного подпольного движения в рядах батистовских вооруженных сил, руководимого группой так называемых незапятнанных военных, которые не были причастны к преступлениям Батисты и его клики. В эту группу, как стало теперь очевидно, проникли элементы, связанные с американскими империалистами. По какой-то непонятной причине восстание было перенесено на другой день, но руководство базы вовремя не было оповещено об этом и не смогло остановить уже начавшееся восстание. В первый момент инициатива находилась в руках восставших, но ими била допущена трагическая ошибка - они не ушли в гори Эскамбрая, расположенные всего в нескольких минутах ходьбы от Сьенфуэгоса, и, установив контроль над городом и располагая необходимыми средствами, не попытались создать в горах единый фронт сопротивления.

Активное участие в восстании принимают руководители "Движения 26 июля" общенационального и местного масштаба; включается в борьбу и народ, по крайней мере он заражается энтузиазмом, который вызвало это восстание, и некоторые берутся а оружие. Это налагало моральную ответственность на руководителей восстания и должно было еще больше привязать их к городу, оказавшемуся в руках восставших, но события развертываются в той логической последовательности, которая характерна для восстаний подобного рода.

Важную роль здесь, очевидно, сыграл и тот факт, что кадровые военные придавали мало значения партизанской борьбе, не верили в то, что герилья является выражением народной борьбы. И получилось так, что восставшие, за спиной которых находилось море, видимо, понимали, что без поддержки

своих товарищей по оружию они будут разгромлены, но решили вести борьбу насмерть в узких пределах одного города до тех пор, пока не были практически уничтожены превосходящими силами противника, занявшего выгодные позиции около Сьенфуэгоса. Принимавшие участие в восстании члены "Движения 26 июля" были безоружными и при всем желании не могли изменить ход событий. Восстание закончилось поражением. Отсюда урок на будущее - стратегию диктует тот, кто обладает силой.

Массовые расстрелы гражданского населения, неоднократные провалы, политические убийства, совершавшиеся сторонниками диктатуры на различных этапах борьбы, показывают, что партизанские действия в благоприятных условиях местности являлись наиболее совершенной формой народной борьбы против деспотического и еще сильного правительства; кроме того, такая форма борьбы требовала меньше жертв от народа. В то время как потери в рядах партизан можно было буквально пересчитать по пальцам (нужно сказать, что погибшие товарищи были исключительными по своему мужеству и самоотверженности в бою), потери в городах составляли большое число не только среди революционеров-профессионалов, но и среди рядовых борцов и даже людей, не причастных и революционной борьбе. Это объяснялось большой уязвимостью городских революционных организаций в отношении репрессивных мер, предпринимаемых правительством Батисты.

К концу первого года борьбы в стране назревало всеобщее восстание. На фабриках и заводах совершались акты саботажа. Некоторые из них были хорошо организованы, другие же представляли собой обычные террористические действия, совершавшиеся по личной инициативе отдельных лиц и приводившие к ненужным жертвам среди невинных людей и гибели лучших революционных борцов. Никакой существенной пользы делу, за которое боролся народ, такие действия не приносили.

Наше военное положение упрочилось мы уже занимали большую территорию. С Батистой у нас установилось негласное перемирие: его войска не поднимались в горы Сьерра-Маэстры, а наши - не могли спуститься в долины. Противник, насколько мог, окружил нас плотным кольцом, но нашим бойцам все же удавалось незаметно проникать через него.

К концу года Повстанческая армия достаточно окрепла и в организационном отношении и располагала простейшей системой службы продовольственного снабжения, небольшими кустарными мастерскими по изготовлению самых необходимых вещей; были созданы полевые госпитали и налажена связь.

Проблемы, связанные со снабжением партизан, были предельно просты: для удовлетворения личных потребностей партизана ему нужны были небольшое количество нищи, одежда и медикаменты, а как боец он нуждался в оружии и боеприпасах. Для ведения политической работы с ним требовались средства пропаганды. Чтобы удовлетворить эти минимальные потребности, необходимо было создать систему снабжения, связи и информации.

Вначале, когда ряды партизан насчитывали всего каких-нибудь двадцать человек, повстанцы питались съедобными растениями, произраставшими в горах Сьерра-Маэстры, покупали у местных крестьян кур, а иногда и поросенка. В этом случае у партизан был настоящий праздник.

По мере роста повстанческих сил появилась необходимость в создании постоянной системы снабжения партизан продовольствием. Крестьяне, жившие в горах Сьерра -Маэстры, не держали крупного рогатого скота. Промышленные товары и соль они покупали на вырученные от продажи кофе деньги. В качестве первой меры мы договорились с некоторыми крестьянами о том, чтобы они выращивали специально для нас бобы, маис, рис и другие культуры. При этом мы давали гарантию, что будем покупать у них весь собранный урожай. Кроме того, нами была достигнута договоренность с несколькими торговцами из близлежащих деревень о доставке в Сьерра-Маэстру по проложенному отрядом пути продовольствия и кое-какого снаряжения. Крестьяне стали также выращивать для партизан мулов.

Что касается медикаментов, то мы получали их из города, - правда, не всегда в нужном количестве и не всегда то, что нам требовалось. Но тем не менее у нас был канал, по которому мы могли приобретать их.

Что касается вооружения, то получить его в равнинной части страны было трудно. Это объяснялось не только трудностями его доставки в наш географически изолированный район расположения, но и ростом потребностей в нем со стороны городских революционных организации, а также их нежеланием делиться с нами. Фиделю приходилось вести острые дискуссии с руководством этих организаций, прежде чем ему удавалось достать оружие и снаряжение для повстанцев.

Единственно ценным грузом, полученным нами в этот первый год революционной борьбы, если не считать того, что удавалось добыть самим повстанцам, было оружие, которое использовали члены "Революционного директората " во время нападения на президентский дворец и которое с большими трудностями

переправил нам крупный торговец лесом Бабун. О нем я уже говорил раньше.

С боеприпасами у нас было туго, мы получали их в ограниченном количестве и не для всего имеющегося оружия. Однако наладить производство их было для нас невозможно, и на первом этапе борьбы мы даже не могли перезаряжать патроны, за исключением патронов для револьвера калибра 9,65 мм, Последние перезаряжал сам ружейный мастер, используя небольшое количество пороха и пули для обычных винтовок, патроны от которых к полуавтоматическим винтовкам не подходили и вызывали заедание при стрельбе.

Принимались меры к налаживанию медицинской службы в Повстанческой армии. Именно к этому времени относится создание первых полевых госпиталей. Один из таких госпиталей начал действовать в Сьерра-Маэстре под моим командованием. Для него было выбрано труднодоступное место, что гарантировало находившимся там на излечении бойцам сравнительную безопасность, поскольку этот участок не просматривался с воздуха, но высокая влажность воздуха отрицательно сказывалась на раненых и больных. Этот госпиталь организовал товарищ Серхио дель Валье. Врачи Мартинес Паэс, Вальехо и Пити Фахардо создали такие же лечебные заведения в колонне Фиделя, которые стали значительно лучше оборудованными во время второго года революционной борьбы.

Для обеспечения потребностей повстанцев в патронных ящиках, вещевых мешках и обуви была организована мастерская, где кустарным способом изготовлялись все эти вещи. Когда мы сшили первый головной убор военного образца, я с гордостью преподнес его Фиделю. Но меня подняли на смех: все заявляли, что такие головные уборы носят гуагуэро[14]. Значения этого слова я тогда не знал. Единственным человеком, который проявил ко мне сочувствие, был член муниципалитета из города Мансанильо. Он пришел к нам, чтобы договориться о переходе на нашу сторону, и взял этот головной убор себе на память.

Нашими весьма важными промышленными предприятиями были небольшая кузница и оружейная мастерская, в которых мы чинили вышедшее из строя оружие и делали всевозможные мины и гранаты, в том числе и знаменитые М-26, Сначала мы делали мины из жести, используя взрывчатое вещество неразорвавшихся бомб противника. Эти мины были очень несовершенны, и их контактный взрыватель часто не срабатывал. Впоследствии один наш товарищ предложил использовать при проведении крупных операций всю бомбу целиком в качестве полевого фугаса. Вместо удаленного из нее детонатора вставлялось ружье, к спусковому

крючку которого привязывался длинный шнур. Это "взрывное устройство" позволяло нам взрывать бомбы на большом расстоянии. Со временем мы усовершенствовали эту систему и стали использовать электродетонаторы. Хотя первые мастерские подобного типа были организованы в нашей колонне, фактически инициатива в этом деле исходила от Фиделя; позже в своей новой оперативной зоне Рауль создает мастерские гораздо крупнее тех, которые имелись у нас в первый год борьбы.

К удовольствию курящих, у нас была налажена работа небольшой табачной фабрики. Сигареты, производившиеся на ней, были очень низкого качества, но за неимением других бойцы курили их с великим наслаждением.

Мясо для нашей армии мы доставали путем конфискации скота у предателей и крупных скотопромышленников; часть конфискованного скота мы безвозмездно отдавали неимущим крестьянам.

Для распространения наших идей мы начали выпускать небольшую газету под названием "Эль Кубано либре" в память о кубинских патриотах - мамби[15]. Первые три или четыре номера вышли под моей редакцией, затем редактором газеты стал Луис Орландо Родригес, а позднее - Карлос Франки, при котором работа газеты очень оживилась.

К концу первого года войны мы обзавелись небольшим радиопередатчиком. Первые передачи мы стали вести уже в феврале 1958 года, Единственными слушателями наших передач тогда были крестьянин по фамилии Пеленчо, дом которого стоял неподалеку на холме, и Фидель, находившийся в это время в нашем лагере и руководивший подготовкой нападения на Пино-дель-Агуа. Постепенно технические возможности для осуществления наших передач улучшались, а когда в декабре 1958 года радиопередатчик был передан в 1-ю колонну, повстанческая радиостанция стала самой популярной на Кубе.

Все, что нам удавалось достать, включая такое оборудование, как токарный станок со станиной длиной в метр и несколько динамо-машин, которые мы с трудом подняли в горы Сьерра-Маэстры, чтобы обеспечить себя электричеством, мы смогли перевезти лишь благодаря нашей тесной связи с местным населением. Для преодоления стоящих тогда трудностей нам приходилось создавать собственную сеть коммуникаций и оповещения. Важная роль в этом принадлежала связным Лидии Досе из моей колонны и Клодомире из колонны Фиделя.

В этот период нам стали помогать не только простые жители окрестных городов и деревень, но даже и городская буржуазия. Наши линии коммуникаций доходили до таких городов и

населенных пунктов, как Контрамаэстре, Пальма, Буэйсито, Лас-Минас-де-Буэйсито, Эстрада -Пальма, Яра, Баямо, Мансанильо, Гуиза. Эти места использовались нами в качестве перевалочных пунктов, откуда грузы к району нашего расположения доставлялись на мулах по трудным горным дорогам Сьерры. Иногда за провизией к ближайшим населенным пунктам, таким, как Яйо или Лас-Минас, направлялись вместе с нашими вооруженными бойцами недавно прибывшие в отряд добровольцы, которые еще только проходили курс обучения и не имели оружия. Кроме того, продовольствие закупалось и в местных лавках горных селений Сьерра-Маэстры. В этом случае груз приходилось тащить на спине. Единственным продуктом, почти всегда имевшимся у нас в Сьерра-Маэстре, был кофе. Временами у нас не хватало соли - продукта, необходимость которого полностью осознаешь, когда его нет.

Когда стала работать наша радиостанция, о существовании Повстанческой армии и ее боевой решимости стало известно по всей стране. Наши связи с населением стали обширными и сложными; они простирались на западе страны до Гаваны и Камагуэя (эти города были для нас важными центрами снабжения), а на востоке - до Сантьяго.

Мы располагали надежной сетью оповещения. Местные крестьяне немедленно предупреждали нас о приближении не только солдат противника, но и о появлении в горах любого постороннего человека, с тем чтобы повстанцы могли быстро захватить его и выяснить, чем он занимается. Таким образом были обезврежены многие вражеские агенты и шпионы, проникшие в расположение нашей армии для ведения разведки.

Начинали действовать наши судебные органы, но пока еще в Сьерра-Маэстре не было принято ни одного закона.

Таково было положение Повстанческой армии в начале последнего года войны.

Что касается политической обстановки, то в это время она была очень сложной и противоречивой. Батистовская диктатура опиралась в своих действиях на продажный конгресс, избранный с помощью всяческих махинаций и всецело поддерживающий правительство.

Когда не было цензуры, для видимости разрешалось высказывать оппозиционные взгляды, но фактически только официальные представители батистовского режима могли свободно говорить, используя находящиеся в их распоряжении все средства пропаганды. Они без устали призывали народ к национальному единству и согласию. По радио истерический голос Отто Меруэла сменялся высокопарными речами

политических паяцев Пардо Льяда и Конте Агуэро. Последний помещал их и на страницах газет, призывая "брата Фиделя" к сосуществованию с батистовцами.

В стране было много оппозиционных по отношению к правительству групп и группировок, весьма различных по своему характеру и политическим взглядам. Почти все они тайно стремились к захвату власти, и поэтому между ними непрерывно шла ожесточенная борьба. В эти группировки пробрались агенты Батисты и стали доносить о их деятельности. Несмотря на то что действия оппозиции носили гангстерский и авантюристический характер, в ней были и честные, мужественные люди. Многие из них отдали свою жизнь в борьбе с тиранией, и народ до сих пор помнит их имена.

"Революционный директорат", хотя и взял в марте курс на повстанческую борьбу, вскоре отделился от нас и начал проводить свою собственную линию. Народно-социалистическая партия в некоторых конкретных мероприятиях действовала вместе с нами, но существовавшее взаимное недоверие препятствовало нашему объединению ; партия трудящихся в то время не имела четкого представления о значении партизанского движения и о личной роли Фиделя в нашей революционной борьбе.

Как-то во время дружеской дискуссии с одним из руководителей Народно-социалистической партии я сказал : "Вы можете воспитать борцов, которые готовы стойко вынести все пытки в застенках, но вы не способны воспитать борцов, которые могут уничтожить пулеметное гнездо". Этот товарищ согласился со мной и рассказал об этом другим товарищам. С моей точки зрения как участника партизанской борьбы, такая позиция являлась следствием стратегической концепции, в которой решение бороться против империализма и эксплуататорских классов не увязывалось с возможностью взятия власти в свои руки. Позднее некоторые товарищи, которым не был чужд дух партизанской борьбы, присоединились к нам, но вооруженная борьба приближалась к концу, и их влияние оказалось слабым.

В самом нашем движении существовали две вполне определенные точки зрения на методы борьбы. Одна из них, которой придерживались партизаны Сьерра-Маэстры, сводилась к необходимости дальнейшего развертывания повстанческого движения, распространению его на другие районы страны и уничтожению батистовского режима путем упорной и непрекращающейся борьбы. Революционеры же из равнинных районов стояли на позиции организации во всех городах массовых выступлений трудящихся, которые со временем

выльются во всеобщую забастовку и приведут к свержению батистовской диктатуры.

На первый взгляд эта позиция казалась даже более революционной, чем наша; но это лишь на первый взгляд. В действительности же политическое сознание сторонников этой точки зрения было недостаточно высоким, и всеобщая забастовка в том виде, как они ее понимали, не соответствовала требованиям момента. (Всеобщая забастовка, организованная Национальным руководством "Движения" 9 апреля 1958 года началась без широкого предварительного оповещения трудящихся масс, без достаточной политической подготовительной работы и в результате окончилась поражением.) Обе эти точки зрения имели своих сторонников среди Национального руководства "Движения 26 июля", состав которого в ходе борьбы неоднократно менялся.

Во время подготовительного этапа, до отъезда Фиделя в Мексику, в состав Национального руководства "Движения 26 июля" входили Фидель и Рауль Кастро, Фаустино Перес, Педро Мирет, Нико Лопес, Армандо Харт, Пепе Суарес, Педро Агилера, Луис Бонито, Хесус Монтане, Мельба Эрнандес и Айде Сантамария. Правда, я мог допустить здесь какие-либо неточности, поскольку мое личное участие в "Движении" в тот период было незначительным, а документов, относящихся к тому времени, сохранилось мало.

Позднее по разным причинам из Национального руководства вышли Пепе Суарес, Педро Агилера и Луис Бонито, а в ходе подготовки к революционной борьбе, когда мы еще находились в Мексике, в него вошли Марио Идальго, Айде Сантамария, Карлос Франки, Густаво Аркос и Франк Паис.

Из всех вышеназванных товарищей в течение первого года революционной борьбы в Сьерра-Маэстре находились только Фидель и Рауль. Фаустино Перес, участник высадки с яхты "Гранма", вел революционную работу в городе ; Педро Мирет был схвачен и посажен в тюрьму за несколько часов до отплытия из Мексики и находился в тюрьме до следующего года, когда он привез на Кубу оружие; Нико Лопес погиб через несколько дней после высадки с "Гранмы"; Армандо Харт был взят в плен в конце 1957 или в начале 1958 года; Хесус Монтане был схвачен сразу после высадки с "Гранмы", так же как и Марио Идальго; Мельба Эрнандес и Айде Сантамария вели революционную борьбу в городах; Айде Сантамария и Карлос Франки включились в революционную борьбу в Сьерра-Маэстре в 1958 году; Густаво Аркос находился в Мексике, где занимался налаживанием политических контактов и вопросами снабжения, а Франк Паис, который вел революционную работу в Сантьяго, был убит в июле

1957 года.

Позднее в партизанскую борьбу в горах Сьерра-Маэстры включились Селия Санчес, находившаяся с нами в течение всего 1958 года, и Вильма Эспин, которая вначале работала в Сантьяго, а затем перешла в колонну Рауля Кастро; Марсело Фернандес - координатор "Движения 26 июля" - заменил на этом посту Фаустино после забастовки 9 апреля и находился с нами в горах всего несколько недель, поскольку ему пришлось уехать для ведения работы в городе; Ренэ Рамос Латур - отвечал за организацию работы отрядов народной милиции на равнине. Он пришел в горы Сьерра-Маэстры после поражения забастовки 9 апреля и геройски погиб уже будучи майором в одном из сражений второго года революционной борьбы; Давид Сальвадор - руководил работой среди рабочих. Своими оппортунистическими и раскольническими действиями он нанес большой ущерб нашему делу, впоследствии он предал интересы революции. Вскоре вслед за этими товарищами в горы Сьерра-Маэстры прибыл и товарищ Альмейда.

Как видно, на этом этапе борьбы представители из равнинных районов составляли большинство, и политические взгляды этих товарищей, на которых процесс революционного созревания масс не оказывал существенного влияния, толкали их на путь раскольнических действий и борьбы против Фиделя и его сторонников в Сьерра-Маэстре, представлявших, по их мнению, "милитаристскую " фракцию в "Движении". Разногласия были уже очевидны, но они не были настолько сильными, чтобы вызвать тогда ожесточенные споры, которыми стал характеризоваться второй год нашей революционной борьбы.

Важно отметить, что рядовые революционеры, сражавшиеся против диктатуры Батисты как в горах Сьерра-Маэстры, так и на равнине, хотя и придерживались иногда диаметрально противоположных точек зрения по тактическим вопросам, не позволяли существовавшим разногласиям перерасти отказ от ведения повстанческой борьбы. Революционное сознание этих борцов непрерывно росло, а с победой революции и в результате полученного первого опыта борьбы с империализмом мы тесно сплотились в единый фронт, руководимый Фиделем. Совместными усилиями "Движения 26 июля", "Революционного директората" и Народно-социалистической партии был создан союз "Объединенные революционные организации". И когда наше движение сталкивалось с давлением извне, с попытками расколоть его или подорвать изнутри, мы всегда вместе выступали против этого. Даже те из товарищей, у которых в то время еще не было ясного представления перспективах кубинской

революции, проявляли осторожность в отношении оппортунистов.

Когда Филипе Пасос, воспользовавшись на совещании в Майами именем "Движения 26 июля", захватил для прогнившей кубинской олигархии все важные посты, включая и пост временного президента, все истинно революционные борцы дружно поднялись против этих действий и выступили с поддержкой письма Фиделя, которое он направил в организации, боровшиеся против Батисты. Ниже полностью приводится этот исторический документ. Письмо датировано 14 декабря 1957 года и размножено от руки Селией Санчес, поскольку в то время у нас не было других средств для размножения материалов.

Куба, 14 декабря 1957 г.

Руководителям:

Революционной партии

Партии кубинского народа

Организации аутентиков

Университетской Федерации студентов "Революционного директората"

"Революционному рабочему директорату"

Моральный и патриотический долг, а также долг перед историей обязывает меня обратиться к: вам с этим письмом. Причиной для этого послужили события и обстоятельства, которые сильно затрудняли наши действия в последние недели и которые были самыми трудными и напряженными за весь период со дня нашего прибытия на Кубу. В среду, 20 ноября, в день, когда наши войска всего за каких-нибудь шесть часов провели три боя - а это уже говорит о том, что наши бойцы самоотверженно сражаются, не щадя своей жизни, да к тому же без всякой поддержки со стороны других организаций, - в нашей зоне боевых действий было получено удивившее нас сообщение и документ, который содержит как уже известные, так и до сих пор остававшиеся неизвестными положения так называемого Пакта о единстве, подписанного в Майами представителями "Движения 26 июля" и организаций, к которым я обращаюсь. По иронии судьбы мы получили этот документ в тот момент, когда ждали столь необходимой для нас военной помощи, поскольку войска тирании перешли к самым решительным боевым действиям против повстанцев. В наших условиях борьбы очень трудно связаться с товарищами, находящимися в других местах. Тем не менее мы были вынуждены в самый разгар боевых действий собрать руководителей нашей организации, чтобы обсудить этот документ, так как под сомнение поставлен не только наш престиж, но и сама историческая роль событий 26 июля.

Тем, кто сражался против врага, обладавшего громадным

превосходством в людях и оружии; тем, кого в течение целого года поддерживало лишь высокое сознание долга - честно бороться за действительно святое дело, с готовностью умереть за него, в то время как их соотечественники, располагающие всеми средствами для оказания помощи сражающимся, систематически, чтобы не сказать преступно, отказывают им в этой помощи; тем, кто каждый день является свидетелем самопожертвования, проявляющегося в самой чистой и бескомпромиссной форме, кому столько раз приходилось переживать боль утраты, видеть гибель своих лучших товарищей и не знать, кто падет следующей жертвой в новых сражениях и не доживет до победы, за которую он боролся с таким упорством, не требуя никакой другой награды и другого утешения, кроме надежды на то, что его самопожертвование не пропало даром, - всем этим товарищам трудно поверить в факт подписания Пакта в Майами, которому преднамеренно была придана широкая огласка. Участники подписания Пакта не проявили ни малейшей деликатности и не сочли нужным проконсультироваться у своих руководителей или посоветоваться с рядовыми бойцами. Сообщение о подписании Пакта глубоко огорчает нас и вызывает всеобщее возмущение.

Плохие поступки всегда приводят к еще худшим последствиям. Об этом никогда не следует забывать тем, кто считает себя способным выполнить такую трудную задачу, как свержение тирании, и еще более трудную задачу преобразование страны после победы революции.

"Движение 26 июля" не посылало никакой делегации и никого не уполномочивало вести эти переговоры. Однако наша организация, может быть, и пошла бы на такой шаг, если бы все было обсуждено заранее и делегация получила бы конкретные инструкции, на основании которых она могла бы вести переговоры по вопросам, имеющим важное значение для нас как в будущем, так и в настоящем. Вместо этого наши сведения об отношениях с некоторыми из этих организаций ограничены докладом товарища Лестера Родригеса, которого мы делегировали за границу для решения военных вопросов. Товарищ Лестер Родригес говорил нам следующее: "Что касается Прио[16] и представителей "Директората", то у меня было с ними несколько встреч, касавшихся исключительно вопроса координации военных планов, чтобы добиться создания Временного правительства, поддерживаемого и уважаемого всеми тремя организациями. Разумеется, я предложил принять принципы, изложенные в письме, полученном из Сьерра-Маэстры. В нем говорилось о том, что это правительство должно быть образовано в соответствии с волей политических сил страны. Это

привело к первым осложнениям. Когда началась всеобщая стачка, мы провели экстренное совещание. Я предложил немедленно использовать все наличные силы и средства и попытаться разом решить кубинскую проблему. Прио ответил, что он не располагает достаточными силами и средствами, которые позволили бы одержать победу, и что было бы безумием принять мое предложение. На это я ответил, что пусть он даст мне знать, когда все будет готово, чтобы можно было "сниматься с якоря"; тогда мы смогли бы поговорить о возможных пактах. А сейчас, между прочим, пусть он будет настолько любезен, чтобы не мешать работать мне и тем самостоятельным силам "Движения 26 июля", которые я представляю. Я твердо убежден, что прийти к взаимопониманию с этими господами невозможно, и считаю, что следует воздерживаться от этого и в будущем, поскольку в самый тяжелый для Кубы момент они отказались помочь ей, сославшись на недостаток в силах и средствах, хотя в действительности располагали ими в большом количестве, и, зная об этом, нельзя не возмущаться..."

Этот доклад, который говорит сам за себя, подтвердил наши подозрения; мы не могли ждать никакой помощи извне.

Если бы организации, которые вы представляете, действительно хотели обсудить с некоторыми участниками нашего движения основные принципы возможного единства действий, то они ни в коем случае не должны были обнародовать их как уже согласованные, не уведомив об этом Национальное руководство "Движения 26 июля" и не получив его согласия; тем более что основные принципы этого Пакта совершенно отличаются от тех, которые изложены нами в Манифесте Сьерра-Маэстры. Действовать так - значит работать только ради рекламы и мошеннически прикрываться при этом именем нашей организации.

Произошел, мягко выражаясь, из ряда вон выходящий случай: в момент, когда Национальное руководство "Движения", работающее со своим штабом в трудных условиях подполья на Кубе, готовится с самого начала выступить против основных положений Пакта, которые публично и в частных беседах предлагались в качестве основы для достижения соглашения о единстве действий, оно узнает от некоторых представителей подпольных организаций и из иностранной прессы о том, что эти самые положения пронизывают все содержание опубликованного Пакта. Таким образом, это руководство было поставлено перед свершившимся фактом и перед ним встала дилемма: либо отказаться от этого Пакта, понимая, что это вызовет замешательство и нанесет ущерб моральному духу борцов, либо

принять его, даже не высказав при этом своей точки зрения. И как можно было ожидать в таких случаях, копия этого документа пришла к нам в Сьерра-Маэстру только через несколько дней после его опубликования.

В такой сложной и противоречивой обстановке Национальное руководство "Движения 26 июля", прежде чем начать публичное разоблачение вышеуказанных соглашений, заявило вам о том, что хунта[17] должна разработать ряд положений, которые отразили бы основные принципы, изложенные в Манифесте Сьерра-Маэстры. Одновременно оно информировало вас и о том, что на территории, контролируемой Повстанческой армией, было созвано совещание, на котором члены руководства высказали свое мнение и выработали резолюцию, составляющую основу данного письма.

Естественно, что всякое соглашение о единстве в силу необходимости должно быть положительно встречено как национальным, так и международным общественным мнением. Это объясняется, в частности, тем, что за границей истинное соотношение политических и революционных сил, противостоящих Батисте, неизвестно, а на самой Кубе слово "единство" приобрело большую популярность в дни, когда соотношение сил было совершенно иным, чем сейчас; это еще объясняется и тем, что единение всех сил, начиная от самых активных и кончая самыми пассивными, всегда является положительным фактором.

Но для революции важно не единство само по себе, а принципы, положенные в его основу, та форма, в которой оно осуществляется, и те патриотические идеи, которые его вдохновляют.

Принять решение в пользу соглашения о единстве на условиях, которые мы даже не обсуждали, согласиться, чтобы это соглашение подписали люди, которые на это не уполномочены, без всяких церемоний провозгласить единство из какого-нибудь уютного города, расположенного за пределами нашей страны, и тем самым поставить руководство "Движения 26 июля" перед необходимостью противостоять общественному мнению, обманутому мошенническим пактом, - все это представляет собой гнусную ловушку. Нельзя допустить, чтобы в эту ловушку попалась по-настоящему революционная организация. Это обман общественного мнения страны, обман мирового общественного мнения.

Такое положение оказалось возможным лишь потому, что, в то время как руководители всех остальных организаций, принимавшие участие в подписании этого Пакта, находятся за

границей и совершают воображаемую революцию, руководители "Движения 26 июля" находятся на Кубе и сражаются за реальную революцию. Возможно, эти строки и лишние, но и пусть будет так. Я бы не стал писать об этом, если бы не чувство обиды и горечи, которое мы испытываем, когда видим, как вы пытаетесь навязать "Движению" этот Пакт, хотя и понимаем, что процедурные разногласия никогда не должны служить препятствием к решению основной проблемы. Несмотря на все, мы приняли бы этот Пакт, учитывая отдельные положительные мероприятия, намечаемые хунтой, и ту помощь, которую она предлагает, если бы у нас не было возражений по ряду принципиальных вопросов.

Даже если бы мы оказались в отчаянном положении, даже если бы диктатура мобилизовала тысячи солдат и бросила их против нас, мы никогда не пожертвуем теми принципами, которые являются основополагающими для нашего понимания кубинской революции.

Эти принципы изложены в Манифесте Сьерра-Маэстры.

Обойти в документе о единстве вопрос об отрицательном отношении к всякого рода иностранному вмешательству во внутренние дела Кубы - означает в патриотическом плане равнодушие и трусость.

Заявление о том, что мы противники вмешательства, означает не просто просьбу не вмешиваться во внутренние дела во имя революции, поскольку в противном случае был бы дискредитирован не только наш суверенитет, но и принцип, затрагивающий интересы всех народов Америки; это в равной мере означает также и требование не оказывать помощь диктатуре путем посылки самолетов, бомб, танков и другого современного оружия, благодаря чему ей удается удерживать власть. В результате такой вооруженной помощи Батисте никто, за исключением крестьян Сьерра-Маэстры, так сильно не страдает, как мы. Наконец, осуществление принципа о невмешательстве во внутренние дела само по себе уже означало бы свержение тирании. Неужели мы будем настолько наивны, чтобы не потребовать прекращения помощи Батисте? Или так неискренни, что будем тайком просить кого-то таскать за нас каштаны из огня? Или так слабы, чтобы не отважиться и слова сказать по этому поводу? Как же мы сможем называть себя после этого революционерами и, подписывая документ о единстве, льстить себя надеждой, что это событие исторической важности?

В этом документе отсутствует пункт, в котором

говорилось бы о том, что военная хунта в любом виде неприемлема для временного управления республикой.

Замена Батисты военной хунтой была бы губительной для нации, тем более что существует обманчивая иллюзия, будто кубинскую проблему можно решить путем устранения диктатора. Отдельных недостойных граждан, принимавших активное участие в событиях 10 марта[18] и теперь отмежевавшихся от них, возможно в силу их непомерного честолюбия и безграничной любви к дубинке, - и устроило бы подобное решение проблемы, но это было бы только на руку врагам прогресса нашей страны.

Ведь вся история Америки свидетельствует о том, что военные хунты всегда приводят к установлению неограниченной власти; худшим из зол, когда-либо обрушивавшихся на этот континент, является укоренение военных каст в странах, которые воюют меньше, чем Швейцария, но в которых генералов больше, чем в Пруссии. Одним из самых сильных стремлений нашего народа в этот критический момент, когда решается вопрос, станет ли Куба на путь демократии и создания республики или на многие годы она сойдет с этого пути, является желание сохранить управление страной гражданскими как самый важный завет своих освободителей, сохранить традицию, которая родилась в ходе этой героической освободительной борьбы и которая будет нарушена в тот самый день, когда военная хунта возглавит республику (этого никогда не пытались делать наши даже самые знаменитые генералы времен освободительной борьбы). Если все это так, то до каких же пор мы будем обходить молчанием такой важный вопрос и заниматься самоотречением, боясь задеть чувствительные струны, больше воображаемые, чем реальные, в честных военных, которые могли бы помочь нам? Разве не ясно, что только своевременное и правильное решение могло бы вовремя предотвратить опасность создания военной хунты? Появление же такой хунты привело бы лишь к бесконечному продолжению гражданской войны. Ну что же. Мы без колебаний заявляем: если место Батисты займет военная хунта, "Движение 26 июля" будет решительно продолжать освободительную борьбу. Лучше отдать все силы борьбе сегодня, чем завтра снова быть обреченными на невыносимые страдания.

Нам не нужна ни военная хунта, ни марионеточное правительство, являющееся игрушкой в руках военных! Штатские - руководить скромно и честно, военные - в свои казармы! И каждому выполнять свой долг!

Неужели мы станем дожидаться генералов "10 марта", которым Батиста с удовольствием передал бы власть, почувствовав, что сам не может больше удерживать ее, и считая, что такой шаг поможет ему избежать большого ущерба для себя и своей камарильи? До каких же пор кубинские политики будут

столь недальновидными, столь далекими от высоких идеалов и от настоящих целей борьбы?

Если нет веры в народ, если нет веры в большой запас энергии, таящейся в нем, и в его волю к борьбе, то не может быть и права распоряжаться судьбой этого народа и пытаться заставить его свернуть с пути, на который он вступил в самые героические дни республиканской жизни, являющиеся преддверием его светлого будущего. Пусть не пытаются политики за счет революции осуществить свои легкомысленные честолюбивые мечты и тайные замыслы, пусть не пытаются делить шкуру неубитого медведя, поскольку на Кубе люди сейчас отдают свою жизнь за нечто лучшее. Пусть политики становятся революционерами, если они хотят этого, но пусть они не уродуют революцию, поскольку в эти дни пролито много крови, и жертвы, принесенные нашим народом, слишком велики, чтобы не сбылись его надежды на лучшее будущее.

Кроме этих двух основных принципов, отсутствующих в документе о единстве, мы совершенно не согласны и с другими положениями данного документа.

Если в статье 2, не доведенной до сведения общественности и касающейся полномочий хунты освобождения мы еще можем принять пункт В, предусматривающий назначение президента республики при Временном правительстве, то мы никоим образом не можем принять пункт С этой же статьи, в котором, помимо других прав, предоставляется право "одобрять или не одобрять в общих чертах состав кабинета, назначаемого президентом республики, а также изменения в кабинете в случае общего или частичного кризиса".

Как нужно понимать положение о том, что право президента на назначение и замену членов своего кабинета подчиняется одобрению или неодобрению органа, не имеющего отношения к государственной власти? Разве не ясно, что при том положении, когда в данную хунту войдут представители разных партий и организаций, имеющих различные интересы, назначение членов кабинета превратится в дележ должностей как единственный способ прийти к соглашению в каждом отдельном случае?

Можно ли принять за основу то, что способствует созданию двух исполнительных органов внутри одного государства? Единственной гарантией того, чтобы все общественные организации страны потребовали создания Временного правительства, явилось бы соответствие поставленных перед ним задач разработанной программе минимум, а также абсолютное беспристрастие этого временного органа власти на переходном этапе к полной конституционной нормализации.

Претендовать на вмешательство при назначении каждого министра - значит стремиться к установлению контроля над общественной администрацией с тем, чтобы поставить ее на службу политическим интересам; это допустимо лишь в партиях и организациях, не имеющих поддержки масс и существующих только благодаря проведению традиционной политики; но такая политика несовместима с высокими революционными и политическими идеалами, за осуществление которых борется "Движение 26 июля".

Неприемлемым является наличие необнародованных положений Пакта, в которых рассматриваются не вопросы организации борьбы или планы боевых действий, а вопросы, представляющие огромный интерес для народа нашей страны, как, например, структура будущего правительства ; поэтому эти положения Пакта должны быть доведены до сведения широкой общественности. Марти сказал, что в революции методы борьбы должны храниться в секрете, а цели борьбы всегда должны быть достоянием широкой общественности.

Необнародованный пункт 8, который гласит, что "революционные силы должны вступить со своим оружием в регулярные вооруженные силы Республики", также неприемлем для "Движения 26 июля".

Во-первых, что имеется в виду под "революционными силами"? Можно ли сказать так о полицейском, моряке или солдате, которые явятся в последний момент с оружием в руках? Можно ли одеть в военную форму и облечь полномочиями тех, кто сейчас прячет оружие, чтобы извлечь его и блеснуть им в день победы, кто сейчас сидит сложа руки, когда горсточка соотечественников борется против всех сил тирании? Разве можно допустить, чтобы в революционном документе был даже след гангстеризма и анархии, которые не в столь далекие дни были бедствием для республики?

Опыт работы на территории, контролируемой нашей армией, показал, что основой основ для страны является поддержание общественного порядка. Происшедшие события показали нам, что с ликвидацией существующего общественного порядка снимаются многие запреты и, если вовремя не пресечь, начинает расти преступность. Своевременное применение строгих мер при полном одобрении со стороны общественности, положило конец распространению разбоя. Окрестное население, привыкшее видеть в представителе власти врага народа, охотно укрывало тех, кого преследовал закон. Теперь, когда население видит в наших солдатах защитников своих интересов, установлен полный порядок, и лучшими блюстителями этого порядка являются сами

граждане.

Анархия - злейший враг революционного процесса. С ней необходимо сейчас же начинать бороться. Тот, кто не хочет понять это, не беспокоится о судьбе революции. Да и как это может волновать тех, кто не понес никаких жертв в революционной борьбе?

Страна должна знать, что правосудие свершится и преступление будет обязательно наказано, где бы оно ни появилось.

"Движение 26 июля" убедительно просит, чтобы на него были возложены функции поддержания общественного порядка и реорганизации военных институтов республики: во-первых, потому, что это единственная организации, которая располагает народной милицией по всей стране и действующей армией, одержавшей двадцать побед над противником; во-вторых, потому, что наши бойцы показывают образец великодушия, лишенного всякого чувства ненависти по отношению к солдатам противника, с уважением относятся к пленным, оказывая им медицинскую помощь, никогда не подвергают пыткам противника, даже если он и располагает важными сведениями. Это великодушное поведение наших бойцов на протяжении всей войны вызывает восхищение; в-третьих, для того, чтобы привить всем военным институтам страны чувство справедливости и великодушия, которое "Движение 26 июля" воспитало в своих собственных бойцах; в-четвертых, потому, что выдержка, которую мы проявляем в этой борьбе, является лучшей гарантией того, что военным, не замешанным в преступлениях тирании, нечего бояться революции, они не должны расплачиваться за преступления тех, кто своими поступками и преступлениями запятнал честь военного мундира. В документе о единстве есть и другие непонятые положения. Как можно прийти к соглашению без точно определенной стратегии борьбы? Продолжают ли аутентики[19] думать о путче в столице? Будут ли они по-прежнему собирать оружие, которое рано или поздно попадет в руки полиции и не достанется тем, кто сражается с тиранией? Согласились ли они, наконец, с предложением о проведении всеобщей стачки, которое поддержало "Движение 26 июля"?

Кроме того, по нашему мнению, в документе, к сожалению, недооценивается с военной точки зрения борьба, которая ведется в провинции Орьенте. В Сьерра-Маэстре в настоящее время ведется не партизанская война, а война регулярных армий. Наши войска, уступающие о численности и оснащенности войскам противника, максимально используют выгодные условия местности, ведут постоянное наблюдение за противником и

обеспечивают для себя высокую мобильность. Излишне говорить о том, что моральный фактор приобретает в борьбе исключительное значение. Результаты поразительные, и когда-нибудь о них станет известно подробно.

Поднялось все население. Если бы оно имело оружие, нашим отрядам не нужно было бы оборонять ни одного района нашей страны: крестьяне не позволили бы пройти ни одному солдату. Военные неудачи тирании, которая располагает многочисленной армией и продолжает оказывать упорное сопротивление, могли бы стать катастрофическими. Не хватит никаких слов, чтобы описать то огромное мужество, с которым народ поднимается на борьбу. Диктатура прибегает к жестоким репрессиям. Массовые убийства крестьян ничуть не уступают по своей жестокости преступлениям, совершавшимся нацистами в европейских странах. Свое зло за каждое поражение батистовцы вымещают на беззащитном населении. Если в донесениях штаба противника сообщается о потерях повстанцев, это означает, что над мирным населением устроена зверская расправа. Такие действия врага вызывают еще больший гнев народа. Сердце не раз обливалось кровью при мысли о том, что никто не думает послать этому многострадальному народу хотя бы одну винтовку, при мысли о том, что, в то время как кубинские крестьяне являются бессильными свидетелями того, как поджигают их дома, убивают их близких и в отчаянии молят об оружии, на Кубе существуют тайные склады оружия, которое нельзя использовать даже для расстрела презренного доносчика; вероятно, некоторые наши соотечественники ждут, когда это оружие заберет полиция или когда падет тирания, или когда будет покончено с повстанцами.

Трудно представить себе более неблагородное поведение многих наших соотечественников. Сейчас еще есть время исправить положение и помочь тем, кто борется. Для нас лично это не имеет значения. Никому не возбраняется думать о том, что движет поступками - интересы дела или простое тщеславие.

Наш путь определен, и никакие сомнения не тревожат нас: или мы все до последнего человека погибнем здесь, в горах, а в городах погибнет все молодое поколение, или мы победим, преодолев все самые невероятные препятствия. Для нас невозможно поражение. Ничего нельзя зачеркнуть из того, что произошло в год самопожертвования и героизма, когда наши бойцы смогли все преодолеть ; наши победы налицо, и их также не так-то просто зачеркнуть. Наши люди, более твердые, чем когда-либо, смогут бороться до последней капли крови.

Поражение наступит для тех, кто совершенно не захотел нам помочь; для тех, кто сначала был с нами, а затем оставил нас

одних; для тех, кто, не веря в достоинство и идеалы, растрачивал свое время и свой престиж на постыдное общение с трухильистским деспотизмом; для тех, кто, располагая оружием, трусливо прятал его в час борьбы. Обманутыми окажутся они, а не мы.

Одно мы можем утверждать с полной уверенностью: если бы мы были свидетелями борьбы других кубинцев за свободу, если бы мы видели, как их преследуют и вот-вот покончат с ними, если бы мы видели день за днем, что они не сдаются и не отступают, мы, ни минуты не колеблясь, пришли бы им на помощь и, если нужно, умерли бы вместе с ними. Ведь мы кубинцы, а кубинцы не могут оставаться бесстрастными наблюдателями даже тогда, когда идет борьба за свободу в какой-либо другой стране Латинской Америки. Доминиканцы собирают силы, чтобы освободить свой народ? На помощь им приходят кубинцы на каждого доминиканца приходится по десять кубинцев. Сторонники Сомосы намереваются вторгнуться на территорию Коста-Рики? Кубинцы спешат туда на помощь. И где же найти объяснение тому, что сейчас, когда на Кубе идет ожесточенная борьба за свободу, те кубинцы, которые были вынуждены покинуть родину, спасаясь от тирании, отказывают в помощи своим сражающимся соотечественникам?

Может быть, оказание нам помощи связано с какими-то кабальными условиями? Может быть, нам помогли бы, если бы мы согласились сделать республику военной добычей? Может быть, для того чтобы нам оказали помощь, нам следует клятвенно отречься от своих идеалов и превратить эту войну в новый способ убивать себе подобных, в ненужное кровопролитие, которое не принесет родине той компенсации, которой можно было бы ожидать после стольких принесенных жертв?

Руководство борьбой против тирании находится и впредь будет находиться на Кубе. Тот, кто хочет, чтобы в настоящем и будущем его считали вождем революции, должен находиться в стране, где идет борьба, неся на своих плечах ответственность, идя на риск, принося жертвы, которых требует в настоящий момент кубинская действительность.

Те, кто находятся в эмиграции, должны принимать участие в этой борьбе, но было бы абсурдным допустить, чтобы из-за границы нам диктовали, какую высоту мы должны взять, какую плантацию сахарного тростника мы можем сжечь, какой акт саботажа мы должны осуществить или в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой форме нам следует провести всеобщую стачку. Это не только абсурдно, это просто смешно. Помогайте нам из-за границы, собирая деньги среди кубинских эмигрантов,

проводите на страницах газет кампанию в пользу революционной борьбы, ведущейся на Кубе, и склоняйте на сторону борющегося народа Кубы общественное мнение, разоблачайте оттуда преступления, которые совершаются в нашей стране и которые нам дорого обходятся, но не пытайтесь из Майами руководить революционной борьбой, развернувшейся во всех городах и деревнях нашего острова, где идут бои, происходят волнения, осуществляется саботаж, развертываются стачечное движение и тысячи других форм революционной борьбы, которые были определены стратегическим планом борьбы "Движения 26 июля".

Национальное руководство полно решимости вступить в переговоры - и об этом оно не раз заявляло всем - с руководителями любой оппозиционной организации, с тем чтобы скоординировать планы борьбы и наметить конкретные мероприятия, которые могли бы оказаться полезными в деле свержения тирании.

Всеобщую стачку можно успешно провести при наличии согласованных действий таких организаций, как Движение гражданского сопротивления, Национальный рабочий фронт, и любой другой организации, отвергающей политическое сектантство, если они будут действовать в тесном контакте с "Движением 26 июля", поскольку до настоящего момента - это единственная оппозиционная организация, которая ведет борьбу на территории всей страны.

Рабочая секция "Движения 26 июля" занимается созданием стачечных комитетов в каждом рабочем центре и промышленном секторе совместно с оппозиционно настроенными к тирании представителями всех слоев общества, которые готовы к забастовке и предлагают моральные гарантии того, что они ее проведут. В работе этих стачечных комитетов примет участие Национальный рабочий фронт, единственная организация, которая представляет пролетариат и которую "Движение 26 июля" будет считать законной.

Свержение диктатора повлечет за собой устранение незаконного конгресса, руководства конфедерации трудящихся Кубы и всех алькальдов, губернаторов и других государственных служащих, которые прямо или косвенно должны были прибегнуть к поддержке диктатуры, чтобы после военного переворота 10 марта 1952 года и выборов 1 ноября 1954 года занять высокие посты. Предполагается также немедленное освобождение политических заключенных как среди гражданских, так и военных, привлечение к суду всех тех, кто был причастен к преступлениям и произволу диктатуры.

Новое правительство будет править согласно конституции

1940 года, гарантирует все права, закрепленные в ней, и не будет поддерживать никакого политического сектантства.

Исполнительная власть примет на себя законодательные функции, которые по конституции возлагаются на конгресс республики, и ее основная задача будет состоять в подготовке страны к всеобщим выборам согласно избирательному кодексу 1943 года и конституции 1940 года и в проведении программы минимум, состоящей из 10 пунктов и изложенной в Манифесте Сьерра-Маэстры.

Верховный суд будет объявлен распущенным, поскольку он окажется не в состоянии изменить ту антиправовую обстановку, которая сложилась в результате государственного переворота. Не исключено, что позднее некоторые из настоящих членов Верховного суда будут назначены снова на свои посты, если будет установлено, что они всегда защищали конституционные принципы и занимали твердую позицию в отношении преступлений, произвола и злоупотреблений, имевших место в годы тирании.

Президент республики должен решить, какую форму обретет новый Верховный суд, а тот, в свою очередь, должен будет реорганизовать все суды и соответствующие автономные учреждения, освободив от должности всех лиц, сотрудничавших с тиранией; в необходимых случаях против таких лиц следует даже возбуждать судебное дело. Назначение новых служащих должно быть произведено в соответствии с законам в каждом конкретном случае.

Политические партии в период существования Временного правительства будут иметь полное право свободно отстаивать перед народом свою программу, мобилизовывать и организовывать граждан на основе нашей конституции и содействовать в подготовке и проведении всеобщих выборов.

В Манифесте Сьерра-Маэстры был поставлен вопрос о необходимости назначить какого-то государственного деятеля на пост президента республики. При этом "Движение 26 июля" поставило условие, чтобы эта кандидатура была выдвинута собранием гражданских организаций. Между тем прошло пять месяцев, а этот пост остается все еще не занятым, и сейчас более срочно, чем когда-либо, необходимо дать стране ответ на вопрос о том, кто заменит диктатора; дальше уже нельзя откладывать решение этого вопроса. У "Движения 26 июля" есть ответ на этот вопрос, и оно доводит его до сведения народа как единственно возможное средство, чтобы гарантировать законность и подготовку предварительных условий для обеспечения единства и деятельности самого Временного правительства, Этим

кандидатом должен стать уважаемый доктор юридических наук Мануэль Уррутия Льео, Мы надеемся, что он не откажется взять на себя эту обязанность и послужить республике.

Вот те обстоятельства, которые говорят в пользу выдвижения на этот пост доктора Уррутии:

1. Будучи членом трибунала, он проявил самое высокое уважение к конституции, когда на суде при рассмотрении дела участников экспедиции "Гранма" заявил, что создание вооруженной силы для борьбы против существующего режима не является преступлением, а, напротив, является совершенно законным актом, соответствующим духу и букве закона и конституции. Подобное выступление должностного лица не имело прецедента в истории нашей борьбы за свободу.

2. Его жизнь, посвященная служению истинному правосудию, является гарантией того, что он обладает достаточной подготовкой и личными качествами, чтобы уравновешивать все законные интересы в дни, когда в результате революционных действий масс тирания окажется свергнутой.

3. Никто так не свободен от партийного влияния, как доктор Уррутия. Будучи судьей, он не принадлежит ни к какой политической группировке. Вряд ли найдется другой гражданин, обладающий таким же авторитетом, как доктор Уррутия, который хотя непосредственно и не вовлечен в нашу борьбу, но в то же время так тесно связан с революционным делом.

Эта кандидатура подходит еще и потому, что он имеет звание высшего должностного лица. Поэтому, выдвинув на пост президента доктора Уррутию, мы тем самым выполним принцип конституционности.

Если будут отвергнуты наши условия - условия, которые выдвигаются организацией, не преследующей никаких корыстных целей и не пользующейся другими преимуществами, кроме как преимущество приносить жертвы, организацией, с которой даже не посоветовались, прежде чем ссылаться на нее в манифесте о единстве, не подписанном ею, - мы будем продолжать борьбу одни, как это было до сих пор, будем драться только оружием, захватываемым у врага в каждом бою, без какой-либо другой помощи, кроме помощи угнетаемого народа, и без какой-либо другой опоры, кроме опоры на наши идеалы.

Наконец, "Движение 26 июля", и только оно, активно вело борьбу по всей стране и продолжает вести ее и сейчас. Именно бойцы "Движения", и никто другой, перенесли боевые действия из труднодоступных гор Орьенте в западные провинции страны; именно они одни совершают акты саботажа, сжигают плантации сахарного тростника, казнят политических преступников; именно

"Движение 26 июля" смогло организовать трудящихся страны на революционную борьбу; именно только оно сумело наладить сотрудничество организацией Движение гражданского сопротивления, в которой в настоящее время представлены все гражданские организации почти всех районов Кубы.

Возможно, прочитав это, кто-то сочтет нас высокомерными ; к сказанному следует еще добавить, что только "Движение 26 июля" заявило о том, что оно не хочет участвовать во Временном правительстве и готово предоставить все моральные и материальные средства в распоряжение гражданина, способного возглавить это правительство.

Поймите нас правильно: мы отказались от бюрократических постов или от участия в правительстве, но мы заявляем раз и навсегда, что руководство "Движения 26 июля" не отказывается и никогда не откажется вести народ и руководить им из подполья - из Сьерра-Маэстры или из могил, откуда нам шлют свои заветы погибшие товарищи.

И мы не отказываемся от руководства народом, потому что не только мы, а все поколение имеет моральное обязательство перед кубинским народом - решить стоящие перед ним огромные насущные проблемы.

Мы победим или умрем. Пусть никому больше не придется вести такую трудную борьбу, как нам, когда нас было всего 12 человек, когда у нас не было организованных и закаленных борцов из народа по всей Сьерра-Маэстре, когда у нас не было такой мощной и дисциплинированной организации по всей стране, как сейчас, когда у нас не было такой огромной поддержки масс, которая так ярко проявилась в день гибели нашего незабвенного Франка Паиса.

Чтобы пасть с честью, не нужна компания.

Фидель Кастро Рус

Сьерра-Маэстра, 14 декабря 1957 года.

Второй бой около Пино-дель-Агуа

К началу 1958 года наступило временное затишье и боевых действиях. Тем не менее в сводках противника сообщалось, что в одном бою было убито 8 повстанцев, в другом 23; разумеется, со стороны противника "потерь не было". Такой политики батистовцы придерживались во всей зоне боевых действий колонны, которой я командовал. Санчес Москера делал вид, что продолжает вести бои с повстанцами, а на самом деле расстреливал беззащитных крестьян, стремясь тем самым "пополнить число нанесенных противнику потерь".

В последние дни января была отменена цензура, и в прессе стали появляться кое-какие сведения о происходящих в стране событиях. Ромирес Леон, член законодательного органа власти правительства Батисты, в сопровождении члена городского совета города Мансанильо Лало Рока и испанского корреспондента газеты "Пари Матч" Менесеса предпринял довольно неожиданный вояж в Сьерра-Маэстру, где последний взял несколько интервью у повстанцев. В США много писали о том, как был отвергнут "Пакт Майами", заключенный членами комитета "Движения 26 июля", находившимися в эмиграции. Президентом этого комитета являлся Марио Льерена, а казначеем Рауль Чибас. (Эти уполномоченные считали свою работу в той части земного шара, где они находились, столь полезной, что, по-видимому, избрали это место для своего постоянного пребывания в настоящее время.)

Материалы о встречах с повстанцами журналиста Менесеса, печатавшиеся в журнале "Боэмия", получили широкий резонанс во всем мире. Но особенный интерес представляла полемика, разгоревшаяся между Масферрером и Ромиресом Леоном. Некоторые материалы этой полемики печатались в те дни на страницах гаванских газет.

Цензура была отменена в пяти провинциях из шести. В Орьенте по-прежнему были отменены конституционные гарантии и действовала цензура.

В середине января перед журналистами предстала группа участников "Движения 26 июля", которые были захвачены в плен, когда спускались с гор Сьерра-Маэстры. Это были Армандо Харт, Хавьер Пасос, Луис Бух и проводник Эулалио Вальехо. Хотя и дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь не попал в плен (как правило, батистовцы расстреливали пленных), все же известие о захвате именно этой группы представляло интерес для врага, поскольку он уже знал о существовавших в то время между

участниками "Движения 26 июля" разногласиях, которые были вызваны наличием двух концепций относительно методов борьбы.

Между Рене Рамосом Латуром и мною завязалась полемическая переписка, к которой присоединился и Армандо Харт. Фидель узнал об этой переписке и посоветовал прекратить ее, так как содержание писем могло стать достоянием противника, что отнюдь не принесло бы нам никакой пользы. Тем более что копия моего письма к Латуру уже ходила по рукам. Армандо подчинился этому требованию, но забыл уничтожить записку, которую он собирался послать мне. Когда батистовцы взяли его в плен, то при обыске они обнаружили эту записку.

Несколько дней Армандо Харт и его товарищи находились в плену, и с ними не было никакой связи. Жизнь их висела на волоске.

Противник стал внимательно следить за развитием событий внутри повстанческого движения. Посольство США прилагало все усилия, чтобы подробнее узнать о причинах возникших разногласий.

Несмотря на происшедший инцидент, Фидель решил дать бой противнику, считая, что с отменой цензуры боевые действия повстанцев будут достаточно широко освещены на страницах газет. И мы начали подготовку к этому бою.

Для осуществления своего замысла мы снова выбрали пункт Пино-дель-Агуа, который наши силы однажды уже атаковали не без успеха, но который продолжал находиться в руках противника. Занимая выгодное положение на гребне Сьерра-Маэстры, Пино-дель-Агуа являлся важным передовым пунктом батистовцев. Даже когда вражеские войска и не совершали передвижений на значительные расстояния, их нахождение на гребне гор вынуждало нас делать большие обходные маневры. Поэтому стратегически было очень важно ликвидировать этот форпост батистовцев и с помощью прессы добиться, чтобы это событие получило в стране большой резонанс.

С первых чисел февраля началась активная подготовка и разведка района предстоящих боевых действий. Деятельное участие в этой работе принимали Роберто Руис и Феликс Тамайо, которые были родом из тех мест. (Сейчас они оба являются офицерами нашей армии.) Кроме того, мы начали усиленно заниматься нашим новым оружием, которое мы называли "спутником". Оно имело для нас исключительно важное значение. Это была небольшая граната, сделанная из жести. Вначале мы бросали ее с помощью сложного приспособления типа катапульты, используя шнур от подводного ружья. Позднее процесс метания был усовершенствован, ее стали выстреливать из

ружья, благодаря чему дальность действия увеличилась.

Эти самодельные гранаты производили много шума и вызывали страх у солдат противника, но, поскольку корпус был сделан всего лишь из жести, их поражающая способность была незначительной. Разорвавшись рядом с каким-нибудь солдатом, они причиняли только небольшие ранения. Достигнуть точности в метании было очень трудно. Часто шнур обрывался, и гранаты доставались противнику. Когда батистовцы узнали, из чего сделана эта граната, они перестали ее бояться. Но в этом бою она оказала определенное психологическое воздействие на солдат противника.

Приготовления велись очень тщательно, и нападение на этот объект было проведено 16 февраля. Довольно подробное сообщение об этом бое было помещено в нашей газете "Эль Кубано либре", и оно приводится на страницах этой книги.

Наш план действий: Фидель, располагая сведениями о том, что на территории лесопильного завода дислоцируется целая рота батистовцев, не был уверен, что наши отряды смогут полностью овладеть этим объектом; имелось в виду лишь атаковать противника, ликвидировать посты, окружить его и ждать, когда к нему прибудет подкрепление. Мы хорошо знали, что войска, находящиеся на марше, обладают большей степенью готовности, чем расквартированные. Учитывая это, мы устроили несколько засад и ожидали получить хорошие результаты. Количество бойцов в каждой засаде определялось теми вероятными силами противника, которые могли бы выйти к месту ее проведения.

Боем руководил сам Фидель, штаб которого находился севернее нас на склоне холма, откуда хорошо просматривался интересующий нас объект. Камило должен был двигаться по дороге, которая ведет от Уверо и проходит через Байамесу. Его бойцы, входившие в передовой взвод 4-й колонны, должны были захватить сторожевые посты, продвинуться вперед, насколько позволяли условия местности, и закрепиться на выгодной позиции. Взвод Рауля Кастро Меркадера, расположившись около обочины дороги, ведущей в Баямо, должен был воспрепятствовать отходу часовых сторожевых постов, а если бы они попытались форсировать реку Пеладеро, им преграждал бы путь капитан Гильермо Гарсия, находившийся в засаде с 25 бойцами.

Как только начался бой, в действие вступал и наш миномет, расчет которого имел всего шесть мин. Наводчиком был боец Киала. Засадой на холме Вирхен руководил лейтенант Вило Акунья. Перед бойцами этой группы стояла задача перехватить противника, который двигался бы. по дороге из Уверо, а севернее

ее находилась группа стрелков под командованием Лало Сардиньяса, преграждавшая путь батистовцам от Яйо через Вегас-де-лосХобос.

Во время этой засады мы впервые применили самодельную мину, но полученные результаты оказались трагичными. Товарищ Антонио Эстевес, погибший впоследствии при нападении на Баямо, придумал способ подрыва невзорвавшейся авиационной бомбы, используя для детонации ружейный выстрел. Мы установили мину там, где у нас было мало бойцов, и стали поджидать противника. Но произошла ужасная ошибка: товарищ, который должен был подать сигнал к взрыву мины, оказался очень неопытным и нервным человеком и принял поднимающийся гражданский грузовик за военный. Мина сработала, и водитель пал жертвой этого "нового" оружия, которое после соответствующей доработки стало очень эффективным. На рассвете 16 февраля Камило выдвинулся вперед, намереваясь снять посты противника, но бойцы нашего передового взвода не могли предположить, что часовые противника, совершая ночной обход, отойдут так далеко от казармы и приблизятся к месторасположению повстанцев. Поэтому люди Камило сильно опоздали с началом атаки. Бойцы решили, что они сбились с пути, и стали продвигаться вперед очень медленно и осторожно, пытаясь разгадать маневр противника. Чтобы пройти расстояние 500 метров, Камило и 20 бойцам его взвода понадобилось не меньше часа. Наконец они подошли к поселку. Солдаты противника придумали простую систему предупреждения об опасности: они протянули по земле шнур, привязав к нему пустые консервные банки, и стоило лишь слегка задеть за шнур, как эти банки начинали грохотать. Но батистовцы оставили поблизости пастись несколько лошадей. И когда бойцы передового взвода колонны наступили на шнур и банки начали грохотать, часовые не подняли тревогу, думая, что этот шум производят пасущиеся лошади. Благодаря этому Камило и его бойцы смогли незамеченными подойти совсем близко к противнику.

Наши наблюдатели были встревожены, поскольку прошло уже несколько часов, а долгожданная атака все не начиналась; наконец раздался первый выстрел, означавший начало боя. Мы открыли минометный огонь по позиции противника. Вскоре шесть мин было израсходовано и обстрел прекратился, не принеся нам ни успеха, ни поражения.

Часовые противника, услышав, что бойцы нашего передового взвода начали атаку, дали очередь из автомата и тяжело ранили товарища Гевару, который впоследствии скончался в одном из

наших госпиталей. За несколько минут бойцы Камило покончили с сопротивлением противника и захватили 11 единиц различного оружия, в том числе два ручных пулемета. Батистовцы потеряли семь или восемь человек убитыми и троих - пленными. Но вскоре противник оправился от внезапного нападения и сумел быстро организовать сопротивление. Наше наступление на казармы было остановлено.

Пытавшиеся продвинуться вперед лейтенанты Нода, Капоте и боец Раймундо Льен один за другим были сражены вражеским огнем. Камило был ранен в ногу. Пулеметчик Вирельес был вынужден отступить, оставив пулемет на поле боя. Камило, не обращая внимания на рану, попытался спасти оружие. В самый разгар перестрелки он был снова ранен. К счастью, пуля прошла через брюшную полость и вышла через бок, не задев никакого жизненно важного органа. В то время когда мы пытались спасти Камило, был ранен боец Луис Масиас, ползший через кустарник в направлении противоположном отходу его товарищей. Там он и умер. Некоторые бойцы, расположившись вблизи казармы, забрасывали ее самодельными гранатами, сея панику среди солдат противника. Гильермо Гарсия так и не смог принять участия в бою, так как солдаты противника и не предпринимали никаких попыток, чтобы выйти из своего укрытия. Они, как мы и рассчитывали, немедленно затребовали помощь по радио.

Утром обстановка во всем районе стала относительно спокойной, но до командного пункта, где мы находились, доносились крики, от которых нам становилось грустно. "Строчит пулемет Камило", - кричали батистовцы, сопровождая свои слова пулеметной очередью. На треноге пулемета находилась шляпа Камило, на которой было написано его имя. Батистовцы издевались над нами, стреляя из нашего пулемета. Мы догадывались, что что-то произошло. В течение всего дня мы никак не могли связаться с нашими подразделениями, находившимися по другую сторону от нас. Раненый Камило, которому Серхио дель Валье старался оказать необходимую помощь, отказывался уйти в безопасное место и оставался вместе с нами, ожидая дальнейшего развертывания событий.

Предсказания Фиделя сбылись: на помощь атакованному противнику из Оро-де-Гиса была послана рота под командованием капитана Сьерры, который выслал вперед головной дозор для разведки происшедшего в Пино-дель -Агуа. Приближения этой роты ожидал взвод под командованием Пако Кабреры численностью до 35 человек, расположившийся около дороги на холме Кабле (Трос), который был так назван потому, что водителям машин приходилось использовать трос, чтобы

подняться по очень крутому склону. В этом районе находились также группы бойцов Повстанческой армии, которыми командовали лейтенанты Суньол, Аламо, Рейес и Уильям Родригес. Как уже говорилось, взводом там командовал Пако Кабрера. Задержать головной дозор противника было поручено бойцам Пасу и Дуне, которые расположились в засаде у дороги. Небольшой отряд противника, выступивший вперед, был разбит наголову: 11 человек было убито, пятеро раненых солдат было взято в плен. Мы оказали раненым пленным необходимую помощь и оставили их у крестьян, поскольку у нас не было транспорта для их перевозки. Среди пленных был и лейтенант Лаферте, который в настоящее время находится в наших рядах. Мы захватили у противника 12 винтовок, в том числе две винтовки М-1 и автоматическую винтовку "джонсон".

Одному или двум солдатам противника удалось бежать. Они добрались до Оро-де-Гисы и сообщили своим о том, что произошло в Пино-дель-Агуа. Получив такое сообщение, в Оро-де-Гисе запросили о подкреплении. Но как раз где-то между Гисой и Оро-де-Гисой находились силы Рауля Кастро, то есть в том месте, через которое, как мы и предвидели, должен был пройти противник, чтобы помочь осажденным в Пино-дель-Агуа. Рауль расположил свой отряд с таким расчетом, чтобы передовой взвод Феликса Пены мог непосредственно перекрыть дорогу вражескому подкреплению, а затем совместно с бойцами Сиро Фриаса и Рауля атаковать противника. В это время Эфихенио замыкал кольцо окружения с тыла.

Но в ходе подготовки к бою осталось незамеченным одно обстоятельство: по нашим позициям под видом крестьян слонялись два батистовских солдата, подразделение которых было расквартировано в Оро-де-Гисе. Этих солдат выслали на разведку дороги. Они походили на обычных крестьян и даже под мышкой несли по петуху. Поэтому никто из нас не обратил на них никакого внимания. Они спокойно разведали расположение наших подразделений и сообщили об этом своему начальству в Гисе. В результате Раулю пришлось выдержать основной удар при наступлении противника, знавшего расположение его позиций. Батистовцы атаковали его с высоты, которую им удалось захватить. Рауль был вынужден начать длительный отход, во время которого один боец, Флорентино Касада, погиб, а другой был ранен.

Для своего продвижения противник мог использовать только одну дорогу, которая вела из Баямо и проходила через Оро-де-Гису. Хотя Рауль, имевший значительно меньше сил по сравнению с противником, был вынужден отступить, батистовцы

продвигались вдоль этой дороги очень медленно, и в тот день встречи Рауля с противником не произошло.

Весь день самолеты B-26 обстреливали прилегающие холмы из пулеметов, но этот огонь причинял нам лишь некоторые неудобства и заставлял принимать необходимые меры предосторожности.

Фидель, возбужденный боем и в то же время обеспокоенный за судьбу товарищей, подчас рисковал больше, чем этого требовала необходимость. Поэтому спустя несколько дней после боя группа офицеров, в том числе и я, послал ему письмо, в котором просил его от имени революции не рисковать без нужды своей жизнью. Это письмо, которое выглядело по-детски и которое мы написали, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, не произвело на Фиделя никакого впечатления. Думаю, что он вряд ли дочитал его до конца. Ниже приводится текст этого письма:

"Товарищ майор Фидель Кастро!

Офицеры и весь личный состав Повстанческой армии, понимая сложившуюся обстановку и вытекающие из нее требования, хочет выразить чувство признательности, которое испытывают к Вам бойцы за Вашу помощь в руководстве боем и Ваше непосредственное участие в боевых действиях.

Мы просим Вас не подвергать без нужды риску свою жизнь и тем самым не ставить под угрозу тот успех, который был нами достигнут в результате вооруженной борьбы и который мы должны закрепить победой революции.

Знайте, товарищ Фидель, что это не проявление какого-либо сектантства, не стремление показать свою силу. Когда мы пишем это письмо, нами движет заслуженное чувство любви и уважения к Вам, чувство любви к родине, к нашему делу, к нашим идеалам.

Вы без всякого чувства самомнения должны понять ту ответственность, которая лежит на Ваших плечах, и те чаяния и надежды, которые возлагают на Вас вчерашнее, сегодняшнее и завтрашнее поколения. Сознавая все это, Вы должны учесть нашу просьбу, которая носит характер приказа. Может быть, это сказано слишком смело и повелительно, но мы делаем это ради Кубы и во имя Кубы, мы ждем от Вас еще большего самопожертвования.

Ваши братья по борьбе и идеалам.

Сьерра-Маэстра, 19 февраля 1958 года".

Вечером я стал настаивать на том, что проведение повторного нападения, которое провел Камило, вполне возможно и что мы в состоянии преодолеть сопротивление батистовцев в Пино-дель-Агуа. Фидель не был сторонником этой идеи, но в конце концов он согласился попробовать. Он предложил послать группу бойцов под командованием Эскалоны, в которую были включены взводы Игнасио Переса и Рауля Кастро Меркадера. Бойцы сделали все возможное, чтобы подойти как можно ближе к казарме, но были отброшены назад сильным огнем противника и отказались от попытки атаковать снова. Я попросил поручить мне командование этой группой, с чем Фидель согласился очень неохотно. Мой замысел состоял в том, чтобы как можно ближе подойти к деревянной казарме забросать ее самодельными гранатами, наполненными бензином, который можно было достать на лесопильном заводе, и тем самым заставить противника сдаться или обратить его в бегство. В момент, когда мы уже приближались к месту боя, готовясь занять боевые позиции, я получил от Фиделя записку следующего содержания:

> "Че! Если все зависит от атаки с этой стороны и поддержка Камило и Гильермо не нужна, я думаю, что не стоит предпринимать какие-то действия, которые могли бы привести к самоубийству, потому что существует риск понести слишком большие потери, а цель при этом не будет достигнута.
>
> Я очень серьезно прошу тебя соблюдать осторожность. Сам в бой не иди это строгий приказ. В данный момент твоя задача - правильно руководить людьми.
>
> Фидель
>
> 16 февраля 1958 года."

Альмейда, доставивший это донесение, передал мне еще на словах, что я могу атаковать противника под свою ответственность с учетом того, что сказано в записке. Мне был дан категорический приказ - самому в бой не вступать. Прежде чем принимать решение, я должен был все взвесить. Возможно, даже почти наверняка, в бою погибнет не один боец, но уверенности в том, что нам удастся захватить казарму, у меня не было. Кроме того, мы точно не знали, где находятся силы Камило и Гильермо. Все это, вместе взятое, а также та ответственность, которая ложилась на мои плечи, привело к тому, что я с опущенной головой последовал примеру моего предшественника Эскалоны.

Утром следующего дня в разгар непрекращающихся налетов

самолетов противника, поступил приказ об общем отходе, и, сделав несколько выстрелов из винтовок с оптическим прицелом по солдатам батистовской армии, которые уже выходили из укрытий, мы начали отходить по каменистой земле Сьерры.

Согласно официальной сводке, которую мы тогда выпустили, в бою было убито 18 или 25 солдат противника, было захвачено 33 винтовки, пять пулеметов и большое количество боеприпасов.

Среди погибших с нашей стороны были товарищи Луис Олазабаль и Кироги.

В газете "Эль Мундо" от 19 февраля появилась следующая заметка:

> "Получено сообщение о гибели 16 повстанцев и пяти солдат правительственных войск. Ранен ли Гевара - не известно. Из штаба армии вчера, в 5 часов дня, было отправлено донесение, в котором опровергается, что в Пино-дель-Агуа, к югу от Баямо, имело место крупное сражение правительственных войск с повстанцами. В то же время в этом официальном донесении говорится о том, что "произошло несколько стычек между армейскими разведывательными дозорами и повстанческими группами", при этом было добавлено, что к моменту составления этого донесения "потери повстанцев составляли 16 человек, тогда как правительственные войска потеряли всего пятерых солдат. Что касается ранения известного аргентинского коммуниста Че Гевары, то до сих пор сведений, подтверждающих это, не получено. Сообщение об участии в этих стычках главарей повстанцев не подтвердилось. Известно, что они скрываются в труднодоступных пещерах в горах Сьерра-Маэстры".

Немного позднее, а возможно и сразу, в Оро-де-Гисе были устроены кровавые расправы. Их учинил убийца Соса Бланко, расстрелянный после победы революции в январе 1959 года.

В то время как представители батистовского режима могли лишь только заявлять, что Фидель "скрывается в труднодоступных пещерах в горах Сьерра-Маэстры", бойцы же, находящиеся под его непосредственным командованием, просили его не рисковать зря своей жизнью, а вражеская армия не осмеливалась подниматься в горы, где находились наши опорные пункты. Позднее мы очистили от противника район Пино-дель-Агуа и, таким образом, завершили освобождение западной части Сьерра-Маэстры.

Спустя несколько дней после вышеописанного боя произошло

одно из самых знаменательных событий этой войны: 3-я колонна под командованием майора Альмейды выступила в район Сантьяго, а 6-я колонна имени Франка Паиса под командованием Рауля Кастро Рус пересекла восточные равнины и вошла в Мангос-де-Барагуа, миновав Пинарес-де-Майари. Так был создан 2-й Восточный фронт имени Франка Паиса.

Пино-дель-Агуа

Населенный пункт Пино-дель-Агуа расположен на той же стороне гор Сьерра-Маэстры, что и пик Байамеса, и около него находится лесопильный завод. Этот хорошо укрепленный и самый далеко выдвинутый в горы пункт обороняла рота капитана Герры. Наша цель состояла не в том, чтобы взять Пино-дель-Агуа а в том чтобы окружить его и заставить противника выслать подкрепление на помощь осажденным.

Рота Санчеса Москеры в Сан-Пабло-де-Яйо (12 км), рота капитана Сьерры в Оро (6 км) и гарнизон Уверо (22 км) под командованием Марина ближе всего находились от Пино-дель-Агуа. Подкрепления могли также прибыть из Гисы и Баямо. Для перехвата противника наши подразделения расположились на всех дорогах, ведущих из этих пунктов.

В 5.30 утра 16 февраля атаку начала 4-я колонна под командованием Камило Сьенфуэгоса. Действия бойцов были настолько быстрыми и решительными что сторожевые посты противника были взяты почти без особого труда. Враг потерял восемь человек убитыми, четырех пленными и несколько человек ранеными. Но, начиная с этого момента, вражеское сопротивление усиливается. У нас погибли лейтенанты Хильберто Капоте, Энрике Нода и боец Раймундо Льен; очень тяжелое ранение получил товарищ Анхел Гевара, который скончался через несколько дней в одном из наших полевых госпиталей.

Окружение продолжалось целый день. Из Оро в направлении Пино-дель-Агуа противник выслал на разведку отряд в составе 17 человек, который был обнаружен нами и почти полностью уничтожен. Трое раненых были взяты в плен и оставлены у крестьян, поскольку у нас не было транспорта для их перевозки. Командир отряда лейтенант Эвелио Лаферте также попал в плен. Только двоим, повидимому раненым, удалось бежать.

Подразделения, перекрывавшие дороги, которые вели из Яйо и Уверо, оставались на своих позициях в ожидании противника. Колонна под командованием Рауля Кастро Рус была вынуждена вести бой в очень трудных условиях. Его бойцы не могли стрелять по неприятелю, поскольку тот продвигался вперед, прикрываясь женщинами и детьми. Во время этого боя погиб товарищ Флорентино Кесада. Потери, понесенные противником в этом бою, нам не известны.

Через несколько часов после начала отхода колонны майора Рауля Кастро противник повел наступление на оставленные нами

позиции, в районе которых находилось небольшое число перепуганных и беззащитных крестьян. Они укрылись в своих хижинах. Батистовцы приказали всем выйти, и 13 человек были безжалостно расстреляны. В основном это были женщины и дети.

В Баямо всем раненым в этом "победоносном" для правительственных войск бою была оказана необходимая помощь. Именно о них сообщалось в первых, неофициальных донесениях относительно этого боя.

Несмотря на пасмурную погоду, самолеты противника все время летали над полем боя и обстреливали наши позиции, но без особого успеха. В полдень 17 февраля наши подразделения отошли от Пино-дель-Агуа, закончив боевые действия новой атакой на Оро. В ней участвовали бойцы 6-й колонны. Данных о потерях противника в этом столкновении у нас нет; с нашей стороны потерь не было.

Конечный итог был следующим: противник потерял 18 или 25 человек убитыми, столько же было ранено, пять человек было взято в плен. Мы захватили 33 винтовки, пять пулеметов и много боеприпасов. О потерях, понесенных Повстанческой армией, уже говорилось выше. Кроме того, трое наших бойцов были легко ранены, среди них был и Камило Сьенфуэгос.

Хотя план нашего главного штаба не был полностью выполнен под Пино-дель-Агуа, мы одержали важную победу над противником. В результате этого боя еще больше пошатнулся боевой дух батистовской армии. Наша победа показала всей стране, что силы революции и нашей революционной армии растут и что повстанческие силы готовы выйти на равнину и продолжить там свое победоносное шествие.

Наши силы крепнут

Апрель и июнь 1958 года были насыщены важными для революционного движения событиями.

Начиная с февраля, после боя при Пино-дель-Агуа, повстанческое движение постепенно пошло на подъем, грозя превратиться в мощную волну народного гнева, перед которой не могли бы устоять никакие силы. По всей стране люди включались в борьбу против ненавистной диктатуры Батисты. Особенно эта борьба усилилась в Орьенте.

Вскоре после поражения всеобщей забастовки, санкционированной Национальным руководством "Движения 26 июля", размах антиправительственных выступлений пошел на убыль. Меньше всего их было в июне, когда правительственные войска все больше сужали кольцо окружения вокруг 1-й колонны Повстанческой армии.

В первых числах апреля Камило Сьенфуэгос спустился с гор Сьерры и начал продвигаться в направлении района Куато. Позднее он был назначен командиром 2-й колонны, которой было присвоено имя Антонио Масео[20]. Продвигаясь по равнинам провинции Орьенте, Камило совершил ряд незабываемых подвигов. Он был первым майором Повстанческой армии, который начал сражаться с противником на равнине, черпая моральные и физические силы в принципах, выработанных в горах Сьерра-Маэстры. Даже в дни после поражения всеобщей забастовки 9 апреля, когда Камило пришлось отступить к горам, он ухитрялся доставлять батистовцам много забот.

В дни наибольшего подъема революционного движения, когда обстановка была благоприятной, возникло несколько антиправительственных групп. Среди членов этих групп были люди, которые действительно хотели сражаться с батистовским режимом, но были и те, кто думал лишь о том, как бы сохранить незапятнанным свой мундир и после победы с триумфом войти в Гавану. После 9 апреля, когда началось наступление батистовских сил, некоторые из этих групп прекратили свое существование, другие же присоединились к повстанцам в Сьерра-Маэстре.

Желая подорвать моральный дух Повстанческой армии, батистовцы обещали помилование всем повстанцам, которые добровольно явятся к представителям власти. В районах боевых действий партизан противник стал сбрасывать с самолетов листовки следующего содержания :

"Соотечественник! Если ты оказался замешанным в

антиправительственном заговоре и в настоящее время продолжаешь находиться в лесах или в горах, у тебя есть возможность одуматься и вернуться в лоно своей семьи.

Правительство обещает с уважением отнестись к твоей жизни и вернуть тебя к домашнему очагу, если ты сложишь оружие и будешь действовать согласно закону.

Ты должен явиться к губернатору провинции, председателю муниципального совета, знакомому члену конгресса, к военным, военно-морским или полицейским властям или обратиться к представителям духовной власти.

Если ты находишься в ненаселенном месте, приходи к командиру ближайшего воинского подразделения с винтовкой на плече и с поднятыми вверх руками.

Если ты решишь явиться к представителям власти в городе, спрячь предварительно где-нибудь в надежном месте свое оружие, чтобы его можно было немедленно взять оттуда.

Сделай это как можно быстрее, поскольку в зоне, где ты находишься, правительством будут по-прежнему приниматься самые решительные меры к установлению всеобщего спокойствия".

Ниже текста листовки были помещены фотографии тех, кто якобы уже явился к властям с повинной. Многие фотографии были грубой подделкой.

Контрреволюция усиливала свою деятельность, но мы верили, что она в конечном счете переломает себе кости об острые горы Сьерры. В конце же апреля и начале мая 1958 года батистовцы были еще достаточно сильны.

Наша задача на первом этапе рассматриваемого периода состояла в том, чтобы поддерживать действия 4-й колонны, которая подошла к окрестностям населенного пункта Минас-де-Буэйсито, где были расквартированы подразделения Санчеса Москеры. Боевые действия с противником ограничивались мелкими стычками, и ни та ни другая сторона не отваживалась на решительный бой. По ночам мы бросали в батистовцев самодельные гранаты, но им была уже известна малая убойная сила этого оружия. Для своей защиты они просто натянули большую проволочную сетку, на которой, производя лишь много шума, взрывался заряд этих гранат, помещенный в консервные банки из-под сгущенного молока.

Мы располагались примерно в двух километрах от населенного пункта Минас, в местечке Ла-Отилия, в доме

местного латифундиста, и вели наблюдение за действиями Санчеса Москеры. Время от времени между нами происходили любопытные стычки. Рано утром батистовцы выходили на карательные операции, сжигали хижины крестьян, забирали их имущество и скрывались прежде, чем мы успевали прийти на помощь. Враг безжалостно расправлялся с крестьянами, которых он подозревал в связях с повстанцами. Иногда батистовцы нападали на наши небольшие партизанские группы и обращали их в бегство.

Я никак не мог понять, почему Санчес Москера мирился с нашим пребыванием в удобном доме, находившемся поблизости от него и не вызывал авиацию, чтобы атаковать нас с воздуха; тем более что местность была ровная и на ней было трудно укрыться. Мы предполагали, что Москера, по-видимому, боялся того, что с самолетов увидят, как близко располагаются повстанцы, и потребуют от него дать объяснения, почему он до сих пор не атаковал и не уничтожил их.

Однажды я вместе со своим адъютантом отправился к Фиделю, который находился тогда в Хибаро. Дорога была дальняя, и идти пришлось практически целый день. Поговорив с Фиделем, я отправился в обратный путь. По какой-то причине мой адъютант должен был остаться в Хибаро, и мне пришлось взять другого сопровождающего.

Некоторое время мы двигались по шоссе, а затем наша дорога, извиваясь, пошла через усадьбы и пастбища. Когда уже оставалось пройти небольшой отрезок пути, перед нами вдруг предстала странная и жуткая картина: на одной из полян с разбросанными пальмами лежали в ряд мертвые мулы, ярко освещенные взошедшей на небе луною. На некоторых из них осталась упряжь.

Спешившись, мы поближе подошли к первому от нас мулу и заметили на его туше пулевые отверстия. На лице моего спутника появилось выражение, типичное для героев ковбойских фильмов в подобной ситуации. В нескольких метрах от этого мула находился второй, дальше третий, четвертый, пятый и т. д. Среди трупов животных лежало тело убитого человека в штатской одежде. Было ясно, что к нам направлялся обоз и его перехватили солдаты Санчеса Москеры. Мой провожатый отказался идти дальше, сославшись на то, что он не знает эту местность. Он вскочил на лошадь, и мы дружески расстались.

У меня была с собой винтовка системы Беретта. Я двинулся по кофейной плантации, ведя лошадь под уздцы, и вскоре подошел к какому-то заброшенному дому, из которого послышался страшный шум. Я вначале сильно перепугался, но

быстро понял, что виновницей этого шума была всего-навсего свинья, напугавшаяся не меньше меня. Медленно и с большими предосторожностями я преодолевал оставшиеся до нашего лагеря метры пути, но когда подошел к нему, то обнаружил, что там никого нет. После долгих поисков я нашел в доме одного спящего товарища, от которого узнал, что остававшийся за меня Универсо приказал всем покинуть лагерь, считая, что противник может напасть на нас ночью или на рассвете. Зная, что бойцы хорошо рассредоточены и готовы к обороне, я решил переночевать в этом доме вместе с его единственным обитателем. В ту ночь я чувствовал себя храбрецом, испытывая удовлетворение оттого, что мне удалось победить страх, который я испытал в пути, когда один добирался до командного пункта. Самое крупное наше столкновение с Санчесом Москерой произошло в небольшом поселке или, скорее, деревушке, носящей название Санта-Роса. Получив на рассвете сообщение о том, что Санчес Москера находится в Санта-Росе, мы быстро отправились туда.

Противник был уже близок. Мне пришлось спешиться и вместе с находившейся со мной группой бойцов, занять позицию на небольшом холме. Батистовцы сделали по нас несколько неточных очередей. Через некоторое время справа от меня стрельба стала усиливаться. Я направился на правый фланг наших позиций, чтобы выяснить, что там происходит. Но когда я был уже на середине пути, вражеский огонь прижал меня к земле. Слева солдаты Санчеса Москеры, сделав несколько выстрелов из минометов, уже стали взбираться на холм к нашей позиции. Вокруг стоял невообразимый гам. Мои бойцы, не имевшие почти никакого боевого опыта, сделали несколько беспорядочных выстрелов и побежали вниз по склону холма. Я остался один и вскоре увидел перед собой несколько солдат. Один из них бросился преследовать повстанцев, бежавших по кофейной плантанции. Я выстрелил в него из винтовки, но промахнулся. Тотчас же по мне открыли огонь несколько человек. Я, петляя, побежал за своими бойцами, и вдогонку мне неслись презрительные крики каскитос. На моем плече болтался тяжелый кожаный подсумок. Наконец я добежал до деревьев, но тут у меня из рук выпала винтовка. С трудом удерживаясь на ногах, я подобрал ее и снова бросился бежать, сопровождаемый на этот раз густым облаком пыли от падавших вокруг меня пуль. Стлавшееся за мной облако пыли было подобно кружеву. Почувствовав себя в безопасности, я присел отдохнуть на лежавший в кустах большой камень. Астма, сжалившись надо мной, дала мне пробежать несколько метров, но теперь мстила за это. Сердце буквально готово было выскочить из груди. По треску

ломаемых веток я понял, что ко мне кто-то приближается. В этот миг у меня было только одно желание - бежать дальше, но это было уже невозможно. Вскоре передо мной появился наш заблудившийся новобранец. Слова утешения, которые он произнес, были примерно следующие: "Не беспокойтесь, майор. Я умру вместе с вами". У меня не было желания умирать, и я с трудом сдержался, чтобы не послать его куда следует. Кажется, все обошлось хорошо, но в этот день я чувствовал себя трусом.

Ночью мы подвели итоги. В бою погиб прекрасный товарищ по фамилии Мариньо. Больше врагу нечем было похвастаться.

На наших позициях, вскоре оставленных противником, был найден труп зверски убитого крестьянина. Нам было непонятно, за что его убили батистовцы. Аргентинский журналист Хорхе Рикардо Мазетти, который тогда впервые попал к нам в Сьерру, сфотографировал убитого крестьянина своим портативным фотоаппаратом. В дальнейшем с этим журналистом у меня завязалась большая и прочная дружба.

После этого боя мы ушли из Ла-Отилии. Вместо меня командиром 4-й колонны стал Рамиро Вальдес, получивший в эти дни повышение. Я покинул этот район в сопровождении небольшого отряда бойцов. Передо мной была поставлена задача создать и возглавить партизанскую школу. В ней должны были пройти подготовку повстанцы, которым предстояло совершить переход из Орьенте в Лас-Вильяс. Кроме того, необходимо было развернуть подготовку к общему наступлению нашей армии, которое становилось уже неизбежным. Конец апреля и начало мая были посвящены обучению людей и переброске в горы как можно большего количества продуктов и медикаментов.

Одновременно перед нами стояла задача добиться налогообложения торговцев сахаром и скотом. В один из этих дней в горы поднялся Ремихио Фернандес, крупный торговец скотом, который наобещал нам с три короба, но, спустившись на равнину, забыл все свои обещания. Ничего не дали и торговцы сахаром. Правда, потом, когда наши силы окрепли, мы взяли свое, но в первые дни наступления нам приходилось обходиться без сахара и мяса.

Спустя некоторое время к нам прибыл Камило со своими бойцами. От нас требовалось как можно лучше обеспечить оборону нашей небольшой территории, где находились бесценные богатства: радиопередатчик, госпитали, склады со снаряжением и боеприпасами. Мы имели даже аэродром, расположенный в горах около Ла-Платы, на котором мог приземлиться легкий самолет.

Фидель придерживался принципа, что достижение

неуязвимости наших позиций зависит прежде всего от количества и уровня подготовки людей, которыми мы располагаем, а не от численности противника. Именно из этого принципа исходили повстанцы в своей тактике. Все наши силы были сосредоточены поблизости от главного командования повстанческих сил с тем, чтобы можно было быстро выступить единым фронтом, Мы располагали немногим больше 200 винтовок, когда 25 мая началось долгожданное наступление. Оно началось в разгар митинга, на котором Фидель обсуждал с крестьянами проблему сбора урожая кофе, поскольку батистовцы не разрешали увеличить число поденщиков.

Присутствовало на митинге 350 крестьян, очень заинтересованных в решении этой проблемы. Фидель предложил выпустить деньги в Сьерра-Маэстре для оплаты труда поденщиков, создать кооперативы, которые бы ведали распределением работы и предметов потребления, а также организовать правовую комиссию. Кроме того, крестьянам была предложена помощь Повстанческой армии на время проведения сбора урожая. Когда митинг уже подходил к концу, пришло сообщение о том, что в схватку с противником вступили бойцы, которыми командовал капитан Анхел Вердесия. Вражеская авиация уже приступила к огневой обработке местности.

Решающее совещание

Весь день 3 мая 1958 года в Сьерра-Маэстре, в местечке Лос-Альтос-де-Момпье, шло совещание, о котором до сих пор почти ничего не было известно, но которое сыграло очень важную роль в разработке революционной стратегии. С раннего утра до двух часов ночи участники совещания анализировали причины и последствия поражения общей забастовки 9 апреля, обсуждали, какие меры следовало принять для реорганизации "Движения" и преодоления слабостей и ошибок, которые помогли диктатуре одержать победу.

Хотя я и не принадлежал к Национальному руководству, меня пригласили участвовать в совещании по настоянию товарищей Фаустино Переса и Рене Рамоса Латура (Даниэля), которых я раньше резко критиковал. Кроме вышеназванных товарищей в совещании участвовали Фидель, Вильма Эспин (Дебора), Нико Торрес (Зойло), Айде Сантамария, Давид Сальвадор, и в полдень к нам присоединился Энсо Инфанте (Бруно).

Совещание было напряженным, так как нужно было обсудить деятельность товарищей из равнинных районов, которые до настоящего момента на практике проводили линию "Движения 26 июля". Огромную роль сыграл авторитет Фиделя, и при принятии на этом совещании решений со стороны большинства революционеров была дана правильная оценка совершенных ошибок: руководство равнинных революционных организаций недооценило силы противника и слишком преувеличило свои собственные, использовало неправильные методы борьбы. Но самым важным явилось то, что была дана оценка двум различным концепциям, представители которых вели между собой спор на протяжении всего предшествующего этапа войны. Победила концепция, поддерживаемая повстанцами. В результате престиж и авторитет Фиделя упрочился, он был провозглашен Главнокомандующим всех революционных сил, включая народную милицию, подчинявшуюся до этого времени руководству равнинных организаций. Кроме того, Фидель был назначен Генеральным секретарем "Движения".

Ожесточенная дискуссия развернулась при разборе деятельности каждого руководящего члена "Движения" во время рассматриваемых событий. Но особенно жаркие споры разгорелись тогда, когда представители от рабочих выступили против всякого участия Народно-социалистической партии в организации борьбы. Анализ причин поражения забастовки показал, что при ее подготовке и проведении проявился

субъективизм и путчистские тенденции; организациям рабочих, которые шли за "Движением 26 июля" во время забастовки был нанесен огромный урон. Авантюристическая политика руководителей рабочих потерпела крах, столкнувшись с неумолимой действительностью. Мы считали, что самая большая ответственность ложилась на делегата от рабочих Давида Сальвадора, ответственного за работу подпольной организации Гаваны, Фаустино Переса и командира отрядов народной милиции, действующих в равнинных районах, Рене Рамоса Латура.

Первый был виновен в том, что придерживался концепции сектантской стачки, согласно которой остальные революционные организации должны были плестись в хвосте нашего "Движения". Ошибка Фаустино состояла в том, что он верил в возможность взятия столицы силами народной милиции, которой он руководил. Он явно недооценивал силы реакции, располагавшиеся в главном бастионе. Для Даниэля, руководившего отрядами народной милиции в равнинных районах, была характерна та же узость кругозора. Эти отряды были организованы для того, чтобы они могли действовать параллельно с нашей Повстанческой армией, но их бойцы не были достаточно обучены, не имели настоящего боевого духа и не прошли суровой школы партизанской борьбы.

Разногласия между повстанцами из Сьерра-Маэстры и революционерами из равнинных районов действительно существовали. Для этого были объективные причины: представители Сьерра-Маэстры достигли большей революционной зрелости в партизанской войне, в то время как революционное сознание борцов с тиранией из равнинных районов страны было более низким; но была и еще одна чрезвычайно важная причина, которую можно назвать "профессиональной болезнью". Товарищам из равнинных районов приходилось работать в своей привычной обстановке, и они считали те методы борьбы, которые подходили для их условий, идеальными и единственно возможными для "Движения" в целом; больше того, они стали думать (и чисто по-человечески это можно понять), что роль равнинных районов в борьбе неизмеримо выше, чем роль Сьерра-Маэстры.

Неудачи, постигшие революционеров при столкновении с силами батистовского режима, со всей очевидностью показали, что единственной силой, способной возглавить наше движение, являлось руководство повстанцев в Сьерра-Маэстре во главе с Главнокомандующим Фиделем Кастро. В конце утомительной дискуссии, много раз принимавшей самый острый характер, было

решено отстранить Фаустино Переса и Давида Сальвадора от обязанностей, которые они выполняли, и заменить их соответственно Очоа и Нико Торресом.

Третьим товарищем, которого было решено освободить от выполняемых им обязанностей, был Даниэль. Ему не нужно было искать замену, поскольку руководство отрядами милиции в равнинных районах переходило непосредственно к Главнокомандующему - Фиделю Кастро. На совещании также было принято решение послать Айде Сантамария в Майами в качестве специального агента нашего "Движения", поручив ей заведование финансами в эмиграции. Национальное руководство "Движением " переходило в горы Сьерра-Маэстры и Фидель должен был занять пост Генерального секретаря; создавался секретариат из пяти человек. Члены секретариата занимались финансовыми, политическими и организационными вопросами. Я сейчас не помню, какие точно товарищи вошли в секретариат, но все, что касалось отправки оружия и вообще связей с заграницей, начиная с этого момента, решалось непосредственно Генеральным секретарем. Три освобожденных от своих обязанностей товарища должны были отправиться в Сьерра-Маэстру, где они должны были представлять организации рабочих, которые раньше представлял Давид Сальвадор. Даниэлю было поручено командование колонной, принимавшей активное участие в боевых действиях во время нашего последнего выступления. Даниэль погиб во время атаки на одну из отступавших колонн противника. Имя его было занесено в список лучших борцов, отдавших жизнь в борьбе за победу революции.

Фаустино попросил разрешения вернуться в Гавану, чтобы привести в порядок некоторые партийные дела для передачи, а затем снова включиться в борьбу в Сьерра-Маэстре. Такое разрешение было ему дано. Он все сделал, как намечал, и закончил войну в 1-й колонне имени Хосе Марти, которой командовал Фидель.

Хотя история и должна фиксировать события в том виде, как они происходили, следует, однако, отметить, что Фаустино, который в данный момент был нашим противником внутри "Движения", заслуживал все-таки высокой оценки. Он всегда был, безусловно, достойным товарищем, никогда не боявшимся самых серьезных опасностей. У меня есть неопровержимые доказательства, свидетельствующие о его бесстрашии. Вот один случай, который подтверждает это. Самолет, на котором нам оставили оружие из Майами, был обнаружен авиацией противника и поврежден. Фаустино сделал все возможное, чтобы этот самолет не попал в руки батистовцев. Под сильным огнем

противника он подобрался к самолету и поджег горючее, которое вылилось из пробитых пулями баков. Весь жизненный путь этого человека свидетельствует о том, что он настоящий революционер.

На этом совещании были достигнуты соглашения и по другим, менее важным вопросам; таким образом, было выяснено все то, что до сих пор оставалось неясным в наших взаимоотношениях. На совещании был заслушан доклад Марсело Фернандеса об организации "Движения" в равнинных районах. Ему же было поручено затем подробно проинформировать низовые организации "Движения" о тех результатах и соглашениях, которые были достигнуты во время дискуссий в национальном руководстве. Кроме того, был сделан доклад об организации гражданского сопротивления - о его структуре, формах работы, о составных частях этого движения, о расширении и укреплении его рядов. Товарищ Буш проинформировал собравшихся о работе комитета, действующего в эмиграции, о шатком положении Марио Льерены и его разногласиях с Уррутией. Было решено утвердить Уррутию в качестве кандидата на пост президента от "Движения 26 июля" и передать ему те деньги, которые до сих пор получал Льерена единственное официальное должностное лицо, которое поддерживало нас в эмиграции. Кроме того, было принято решение, что, если Льерена и впредь будет мешать работе, он будет снят с поста председателя эмиграционного комитета. При работе за границей приходилось сталкиваться со многими проблемами. Так, например, в Нью-Йорке группы Баррона, Переса Видаля в Пабло Диаса работали изолированно друг от друга, и иногда между ними возникали ожесточенные споры и столкновения. Мы решили, что Фидель пошлет эмигрантам письмо, в котором будет указано, что впредь единственной официальной организацией будет считаться работающий в эмиграции комитет "Движения 26 июля", проанализировали все возможности, которые предоставляло нам правительство Венесуэлы, когда президентом там был Вольфган Ларрасабаль. Он обещал поддержать "Движение 26 июля" и выполнил свое обещание. Единственная претензия, которую мы могли иметь к Ларрасабалю, это то, что на самолете вместе с оружием он прислал нам "достойного" Мануаля Уррутию Льео. Правда, в этом его можно было бы и не винить, поскольку мы сами сделали столь неудачный выбор.

На совещании были достигнуты также и другие соглашения. Помимо Айде Сантамария за границу должен был отправиться и Луис Буш. Ему поручалось поехать в Каракас. В отношении Уррутии Буш получил точные инструкции. Карлосу Франки

предписывалось отправиться в Сьерру и взять в свои руки руководство повстанческой радиостанцией "Радио Ребельде". Связь с эмиграцией осуществлялась по радио через Венесуэлу с помощью специальных кодов, разработанных Луисом Бушем и действовавших до конца войны.

Это совещание, как видно из принятых на нем решений, сыграло чрезвычайно важную роль в нашей борьбе, На нем были решены конкретные проблемы "Движения". Во-первых, нам удалось добиться согласия, что военное и политическое руководство борьбой будет осуществлять Фидель, выполняя функции одновременно Главнокомандующего всеми вооруженными повстанческими силами и Генерального секретаря нашей организации. Во-вторых, было решено, что и впредь будет проводиться курс на всеобщую вооруженную борьбу, предложенный повстанцами из Сьерра-Маэстры. Было покончено с наивными иллюзиями тех, кто верил в успех всеобщей революционной забастовки в то время, когда условия для ее проведения еще недостаточно созрели и не была проведена соответствующая подготовка. Кроме того, фактическое руководство "Движением" находилось в Сьерра-Маэстре и в связи с этим возникали определенные трудности практического характера.

Сама жизнь показала, что у бойцов из Сьерра-Маэстры была более высокая политическая сознательность, подтвердилась правильность их позиции и оценки происходящих событий.

Наши сомнения в успехе всеобщей революционной забастовки, как ее намечали провести на совещании, состоявшемся перед 9 апреля, оказались справедливыми.

Предстояло еще решить и ряд других очень важных проблем. Прежде всего надо было сорвать готовящееся наступление противника. Батистовцы начали стягивать свои войска и окружать главный бастион революционных сил - штаб 1-й колонны, которой командовал Фидель, После отражения этого наступления мы намеревались приступить к занятию равнинных районов и центральных провинций, а затем к уничтожению всего аппарата военно-политической власти в стране, Для выполнения этих задач нам потребовалось семь месяцев.

Самым неотложным делом в эти дни было укрепление фронта Сьерра-Маэстры, а также обеспечение безопасности небольшой радиостанции, чтобы можно было говорить с Кубой и сеять революционные семена в нашем народе. У нас была налажена связь с заграницей и ее важно было поддерживать.

За несколько дней до этого совещания я присутствовал при разговоре по радио между Фиделем и Хусто Каррильо,

представлявшим группу Монтекристи, или, говоря другими словами, кандидатов в "гориллы"; в эту группу входили такие представители империализма, как сам Каррильо и Баркин. Хусто сулил нам "златые горы", но при этом просил Фиделя сделать заявление о том, что военные, не запятнавшие свой мундир преступлениями против народа, не будут преследоваться. На это Фидель ответил, что подобное заявление можно было бы сделать, но его не поймут участники "Движения", поскольку сейчас, когда идет война и продолжают гибнуть люди и когда все смешалось, невозможно провести четкую грань между хорошими военными и плохими. И Фидель не сделал такого заявления. Помнится, был также разговор с Льереной и Уррутией с целью призвать их к единству и не дать распасться этому непрочному союзу совершенно разных людей, которые из Каракаса пытались направить "Движение" по выгодному им пути. Но в то время от этих людей зависело отношение к нам за рубежом, и поэтому мы должны были соблюдать осторожность.

Тотчас же после окончания совещания его участники разъехались.

Мне было поручено изучить всю контролируемую нами территорию и выяснить возможность создания оборонительных позиций, используя которые, мы смогли бы противостоять противнику небольшими силами. Особое внимание следовало уделить наиболее гористым районам от Сьерра-де-Каракаса, где находились небольшие и плохо вооруженные отряды Кресенсио Переса, до зоны Ла-Ботелья или Ла-Меса, где дислоцировались войска Рамиро Вальдеса. Когда через несколько дней начнется наступление батистовской армии под девизом "окружить и уничтожить", нам придется оборонять эту небольшую территорию, располагая всего лишь 200 пригодными винтовками.

Завершающее наступление. Бой за Санта-Клару

Забастовка 9 апреля закончилась поражением, нисколько не поколебав основ существующего строя в стране. Более того, после этого трагического дня правительство смогло высвободить войска и начать постепенно стягивать их в провинцию Орьенте, к горам Сьерра-Маэстры, готовясь уничтожить нас. Нам приходилось постоянно принимать все необходимые меры, чтобы укрепить оборону в Сьерра -Маэстре, а правительство тем временем продолжало увеличивать количество полков, пока, наконец, число солдат батистовской армии, брошенной против нас, не достигло 10 тыс. человек. В таких условиях началось наступление батистовцев 25 мая в направлении поселка Лас-Мерседас, где находилась наша передовая позиция.

Этот бой продемонстрировал слабую боеспособность батистовской армии и в то же время свидетельствовал о нехватке вооружения и боеприпасов в Повстанческой армии. Мы могли противопоставить всего 200 исправных винтовок большому количеству оружия 10-тысячной батистовской армии. Это было страшно трудно. Наши парни храбро дрались в течение двух дней, причем соотношение сил было примерно 1 к 10 или к 15 в пользу противника, вооруженного самолетами, танками и минометами. Небольшому отряду повстанцев, которым командовал капитан Анхел Вердесия, пришлось оставить поселок. Месяц спустя Анхел Вердесия геройски погиб в бою.

В это время Фидель Кастро получил письмо от предателя Эулохио Кантильо. Верный своей продажной политике, Кантильо как ответственный за планирование операций батистовской армии писал руководителю повстанцев о том, что наступление состоится непременно и что Фиделю следует задуматься над конечным исходом борьбы. Наступление действительно состоялось и за два с половиной месяца жестоких сражений противник потерял более тысячи человек убитыми, ранеными и пленными. В наши руки попало 600 единиц различного оружия, в том числе один танк, 12 минометов, 12 тяжелых пулеметов, более 20 ручных пулеметов и большое число автоматических винтовок. Кроме того, мы захватили огромное количество боеприпасов и различного снаряжения; в. плен было взято 450 человек, которые по окончании кампании были переданы Красному Кресту.

В этом последнем наступлении на Сьерра-Маэстру батистовская армия сломала себе хребет, но она еще не была

побеждена, и боевые действия должны были продолжаться. Мы выработали стратегический план заключительного этапа борьбы. Наше наступление должно было происходить в трех направлениях: Сантьяго-де-Куба (вокруг него создавалось неплотное кольцо окружения), Лас-Вильяс (туда предстояло отправиться мне) и Пинар -дель-Рио, расположенный на другом конце острова (сюда должен был выступить командир 2-й колонны имени Антонио Масео Камило Сьенфуэгос). Операция по захвату Пинар-дель-Рио посвящалась исторической "кампании вторжения", осуществленной великим вождем времен национально-революционной войны 1895 года Антонио Масео, когда был предпринят героический переход через всю территорию Кубы, который закончился в Мантуа. Камило не смог выполнить этой операции, поскольку требования военной обстановки вынуждали его оставаться в провинции Лас-Вильяс.

Когда были разбиты полки противника, наступившие на Сьерра-Маэстру, и положение на фронте стабилизировалось, мы, увеличив численность нашей армии и укрепив ее боевой дух, решили начать наступление на центральную провинцию страны - Лас-Вильяс. В качестве основной стратегической задачи мне предписывалось систематически блокировать дороги, связывающие противоположные части острова. Кроме того, я получил задание установить контакт со всеми политическими группировками, действовавшими в горных массивах этого района. И, наконец, мне предоставлялись широкие полномочия по созданию военной администрации в контролируемом мной районе.

Получив соответствующие инструкции, мы начали свой путь на грузовиках 30 августа 1958 года, надеясь добраться в назначенный район за четыре дня. Но тут произошел непредвиденный случай, который спутал наши планы. В этот вечер прибыл грузовик, доставивший нам обмундирование и горючее для транспорта. Одновременно на импровизированный аэродром, расположенный недалеко от дороги, приземлился самолет с оружием. Хотя было уже темно, этот самолет был обнаружен противником, и аэродром стал систематически подвергаться бомбардировке, которая началась с 10 часов вечера и продолжалась до 5 часов утра. Самолет пришлось поджечь, чтобы он не попал в руки батистовцев. Если бы бомбардировка продолжалась и днем, последствия могли бы оказаться еще худшими. Противник, наступавший в направлении аэродрома, перехватил грузовик с горючим, и мы практически остались без транспорта. Так обстояли дела, когда 31 августа начался наш марш. У нас не было ни грузовиков, ни лошадей. Мы надеялись

получить автомашины при пересечении дороги, ведущей из Мансанильо в Баямо. И действительно, в этом месте нам удалось получить грузовики, но воспользоваться ими мы не смогли, так как в результате начавшегося 1 сентября сильного циклона все проселочные дороги стали непроходимы. Двигаться же по Центральному шоссе, по единственной асфальтированной в этом районе Кубы дороге было рискованно. Поэтому нам пришлось отвергнуть этот вид транспорта. С этого момента мы передвигались либо на лошадях, либо пешком. Бойцы шли нагруженные довольно большим количеством боеприпасов, тащили противотанковый гранатомет с сорока снарядами и все необходимое для длительного перехода и быстрой разбивки лагеря.

Для нас начались трудные дни, несмотря на то что мы находились на дружественной территории провинции Орьенте. Мы форсировали вышедшие из берегов реки, каналы и ручейки, превратившиеся в бурные потоки, старались не замочить боеприпасы и оружие, были вынуждены бросать усталых лошадей и искать новых. По мере удаления от Орьенте мы старались избегать населенные места.

Мы двигались исключительно по полузатопленным местам, атакуемые огромным количеством москитов. С питанием было плохо, воду пили из заболоченных рек или просто из болот. Наши переходы становились все более длительными и изнуряющими. Уже через неделю после нашего выступления из лагеря, когда мы форсировали реку Хоробадо, разделяющую провинции Камагуэй и Орьенте, наши силы заметно иссякли. Давала себя знать и нехватка в нашей армии обуви. Многие бойцы шли босые по болотам южной части провинции Камагуэй.

В ночь на 9 сентября, когда мы вступили в местечко Ла-Федераль, наш головной дозор попал в засаду. При этом погибли два наших достойных товарища. Но самое печальное было то, что нас обнаружил противник, и, начиная с этого момента, мы не знали передышки. В одном коротком бою мы уничтожили небольшой вражеский гарнизон и захватили четырех пленных. Теперь нам приходилось двигаться очень осторожно, поскольку авиации противника стало известно общее направление нашего движения. Через день или два мы прибыли в населенный пункт Лагуна-Гранде, где соединились с колонной Камило. По сравнению с нами бойцы Камило были гораздо лучше вооружены. Мне хорошо запомнился этот район : здесь было такое огромное количество москитов, что без сетки, а они были далеко не у всех бойцов, нельзя было отдохнуть ни минуты.

Это были дни утомительных переходов по необжитым и

безрадостным местам, где в нашем распоряжении были лишь вода да грязь; мы голодали, изнывали от жажды и еле-еле продвигались вперед; ноги у всех были будто налиты свинцом, а оружие казалось неимоверно тяжелым. Мы смогли продолжить путь на лучших лошадях, которых оставил нам Камило после того, как он ушел получать грузовики. Но нам пришлось бросить этих лошадей вблизи сентраля Макареньо, поскольку проводники, которые должны были вести нас, не явились, и нам не оставалось ничего другого, как самим отправиться в этот опасный и рискованный путь. Наш головной дозор наткнулся на пост противника около населенного пункта Куатро-Компаньерос, и начался изматывающий бой.

Наступил рассвет. С огромным трудом нам удалось собрать большую часть наших людей в густой роще, но противник обошел нас с флангов, и бойцам пришлось вести долгий бой, чтобы помочь отставшим товарищам пересечь железнодорожную линию и направиться в сторону леса. Именно в этот момент вражеская авиация засекла нас. Самолеты B-26, C-47 и большие разведывательные самолеты C-3, а также легкие самолеты начали поливать огнем и бомбить участок, периметр которого не превышал 200 метров. Нанеся массированный удар, они улетели. Мы потеряли одного человека убитым и несколько ранеными, среди которых был капитан Силва. Весь остальной путь он прошел со сломанным плечом.

На следующий день окружающая местность уже не производила такого удручающего впечатления, поскольку нам удалось собрать всех бойцов, за исключением десяти человек, которые позднее присоединятся к колонне Камило и вместе с ней дойдут до Ягуахае, что находится в северной части провинции Лас-Вильяс.

Несмотря на все трудности, мы имели поддержку со стороны крестьян. Среди них всегда находились те, кто был готов служить нам проводником или спасти от голода. Конечно, здесь не было такой единодушной поддержки, какой мы располагали в Орьенте, но тем не менее и здесь всегда имелись люди, которые были готовы оказать нам помощь. Случалось и так, что местные жители выдавали нас, когда мы проходили мимо какого-либо поместья. Но это никогда не вызывалось плохим отношением к повстанцам. Причина заключалась в том, что в силу условий жизни эти люди превратились в рабов, и, боясь остаться без куска хлеба, они сообщали хозяину о нашем появлении, а тот уже доносил об этом военным властям.

Однажды вечером мы слушали по нашему радиоприемнику сообщение генерала Франсиско Табернилья Долц[21].

Этот наемный убийца со свойственным ему высокомерием вещал о том, что "орды Че Гевары" разгромлены, и в доказательство понесенных повстанцами потерь называл различные фамилии, которые батистовцы узнали, когда захватили в качестве военных трофеев наши вещевые мешки во время неудачно сложившегося для нас несколько дней назад боя. Правильные фамилии в этой сводке, составленной генеральным штабом батистовской армии, назывались вперемежку с вымышленными. Сообщение о нашей "гибели" вызвало среди бойцов взрыв веселья, но затем их настроение постепенно стало портиться. Голод и жажда, чувство бессилия перед врагом, который все теснее сжимал кольцо окружения, и к тому же страшная болезнь ног, известная среди крестьян под названием "масаморра", превращавшая каждый шаг бойца в мучительную пытку, - все это привело к тому, что наш отряд стал походить на армию теней. Нам было трудно, очень трудно продвигаться вперед. День ото дня ухудшалось физическое состояние наших бойцов. Скудное питание еще больше усугубляло их плачевное положение. Но самые тяжелые дни наступили тогда, когда нас окружили недалеко от сентраля Варагуа. Мы оказались в зловонном болоте, без капли питьевой воды, с воздуха нас непрестанно атаковала вражеская авиация. У нас не было ни одной лошади, чтобы перевозить наиболее ослабевших товарищей по неприветливым горам; наша обувь совсем стала непригодной от грязной морской воды; колючие травы причиняли босым ногам нестерпимую боль. Наше положение было поистине отчаянным до тех пор, пока мы с огромным трудом не прорвали кольцо окружения и не вышли к знаменитой тропе, ведущей из Хукаро в Морон - историческое место, где во время войны за независимость произошли кровопролитные бои между кубинскими патриотами и испанцами. Едва только мы пришли в себя, как пошел сильный ливень - это несчастье нашего климата. Кроме того, противник продолжал преследовать нас и вынуждал двигаться дальше. Усталость буквально валила бойцов с ног, их лица становились все более поникшими. Однако когда обстановка стала совсем критической, когда измученных людей можно было заставить двигаться лишь только бранью, оскорблениями, мольбой и всякого рода ухищрениями, - вдали на западе засверкало голубое пятно горного массива Лас-Вильяс. При виде этого массива люди оживились, у них откуда-то появились новые силы.

Начиная с этого момента перенесенные лишения и трудности стали казаться нам не такими уж страшными и неразрешимыми. Мы вышли из последнего окружения, переправившись вплавь

через реку Хукаро, которая разделяет провинции Камагуэй и Лас-Вильяс, и почувствовали, что впереди нас ждет что-то новое и светлое.

Через два дня мы были уже в безопасности, в самом сердце горной цепи Сьерра-де-Тринидад - Санкти-Спиритус, готовые начать новый этап войны. Еще два дня ушло на отдых. Нам нужно было как можно скорее продолжить свой путь, чтобы суметь помешать проведению выборов, которые должны были состояться 3 ноября. Мы прибыли в горный район провинции Лас-Вильяс 16 октября. Времени оставалось мало, а задача, которую предстояло решить, была огромна. На севере, сея ужас среди сторонников батистовского режима, Камило выполнил поставленную задачу.

Прибыв впервые в Сьерра-дель-Эскамбрай, мы получили задачу наносить как можно больший вред военному аппарату диктатуры и сосредоточить особые усилия на нарушении линий коммуникаций противника. Наша ближайшая задача состояла в том, чтобы помешать проведению предстоящих выборов, но осуществить это было очень трудно, поскольку оставалось очень мало времени, а также из-за тех разногласий в революционном движении, которые обходились нам слишком дорого и подчас стоили человеческих жизней.

Для срыва выборов предполагалось напасть на близко расположенные населенные пункты. Нами планировалось одновременное нападение на Кабайгуан, Фоменто и Санкти-Спиритус, находящиеся на плодородных равнинах в центральной части страны. Между тем в горах была взята казарма Гуиния-де-Миранда, несколько позднее подверглась нападению казарма в Банао, но это существенных результатов не дало. Дни, предшествовавшие 3 ноября, были очень напряженными: наши силы рассредоточились почти на всех направлениях, совершенно не давая населению подойти к избирательным участкам. Отряды Камило Сьенфуэгоса в северной части провинции полностью сорвали этот фарс. Был парализован не только военный, но и гражданский транспорт.

В Орьенте голосование практически не состоялось; в Камагуэе процент проголосовавших был очень низким, а в западных районах, несмотря на угрозы батистовцев, все люди куда-то попрятались. В провинции Лас-Вильяс люди воздерживались от голосования стихийно.

В Орьенте, где находилась и колонна Антонио Гитераса, непрерывно шли бои. Все это оказывало постоянное давление на столицу провинции город Сантьяго-де-Куба. В руках провинциального правительства оставались лишь главные города муниципальных округов.

В результате увеличивающегося числа нападений на линии коммуникаций положение в провинции Лас-Вильяс стало критическим. По прибытии сюда мы полностью изменили систему подготовки кадров для ведения вооруженной борьбы в городах: лучшие бойцы народной полиции были спешно переброшены в учебно-тренировочный лагерь для того, чтобы они смогли пройти курс по проведению диверсионных операций. Эта мера оказалась действенной.

В течение ноября - декабря мы постепенно подтягивали свои силы к шоссейным дорогам. Капитан Силва полностью блокировал шоссе, ведущее из Тринидада в Санкти-Спиритус, а движение по Центральному шоссе было серьезно парализовано в результате повреждения повстанцами моста через реку Туиника. Центральная железная дорога была перерезана в нескольких местах; движение на ее южном участке было блокировано бойцами 2-го фронта, а на севере подразделениями Камило Сьенфуэгоса. В результате этих действий страна оказалась разделенной на две части. Орьенте, где происходила наиболее ожесточенная борьба, получала помощь со стороны правительства только по воздуху и морем, но с каждым днем эта помощь становилась все более ненадежной. Признаки морального разложения армии противника проявлялись все более отчетливо.

В Эскамбрае потребовалась напряженнейшая работа по сплочению революционного движения, так как там существовало несколько самостоятельных групп, возглавляемых майором Гутьерресом Менойо (2-й, Национальный фронт Эскамбрая), майорами Фауре Чомоном и Роландо Кубелой ("Революционный директорат") и Торресом (Народно-социалистическая партия). Кроме этих сил здесь также действовала небольшая группа аутентиков. Иначе говоря, на территории одной провинции действовали, включая и нас, пять различных организаций, у каждой из которых было свое командование. В результате нелегких переговоров с их представителями был достигнут, наконец, ряд соглашений о совместных действиях, и можно было приступать к созданию более или менее единого фронта.

Начиная с 16 декабря в результате систематического выведения нами из строя мостов и дорог противник оказался в тяжелом положении. Ему даже стало трудно оборонять свои передовые посты, расположенные на Центральном шоссе. Утром 16 декабря мы взорвали на этом шоссе мост через реку Фалкон, и практически прервали сообщение между Гаваной и районом к востоку от города Санта-Клара, столицы провинции Лас-Вильяс. Кроме того, нашему нападению и осаде подверглись ряд населенных пунктов, в том числе находящийся южнее город

Фоменто. В течение нескольких дней начальник гарнизона в этом городе довольно успешно отражал наши атаки, но деморализованное батистовское командование не послало подкреплений своим осажденным солдатам, а ограничилось оказанием только авиационной поддержки. Понимая бесполезность дальнейшего сопротивления, батистовцы сдались, и сражающимся за свободу повстанцам досталось в качестве трофеев более 100 винтовок.

Чтобы не дать противнику опомниться, мы решили немедленно блокировать Центральное шоссе и 21 декабря одновременно атаковали города Кабайгуан и Гуайос, расположенные вдоль этого шоссе. Гуайос сдался через несколько часов, а Кабайгуан, в котором дислоцировалось 80 батистовских солдат, сдался через два дня. В Кабайгуане еще раз подтвердилась низкая боеспособность батистовских войск, которые даже не пытались помочь своим осажденным подразделениям.

Камило Сьенфуэгос атаковал ряд населенных пунктов к северу от провинции Лас-Вильяс и одновременно окружил город Ягуахай, последний оплот батистовских войск в атом районе. Окруженный вражеский гарнизон в течение 11 дней сковывал действия повстанцев, оказывая им упорное сопротивление, в то время как остальные наши силы развернули наступление вдоль Центрального шоссе, продвигаясь к столице провинции - городу Санта-Клара.

После падения Кабайгуана мы повели наступление на город Пласетас и взяли его за один день. Наступление на Пласетас было организовано нами совместно с отрядами "Революционного директората". Затем на северном побережье повстанцы овладели городами Ремедиос и Кайбариен; последний является крупным портом страны. Положение батистовского режима становилось все более удручающим, поскольку за победами повстанцев в Орьенте последовали успешные боевые действия 2-го фронта Эскамбрая, разбившего мелкие гарнизоны в своей зоне, и колонны Камило Сьенфуэгоса, установившей контроль над северным районом страны.

После того как противник, не оказав сопротивления, отступил из населенного пункта Камахуани, мы приняли окончательное решение начать наступление на столицу провинции Лас-Вильяс.

К моменту наступления на Санта-Клару[22] за счет захваченных в предыдущих боях трофеев у нас значительно увеличилось число винтовок. В распоряжении повстанцев находилось и тяжелое вооружение, но к нему не было

боеприпасов. Нам предстояло сражаться против дюжины танков, но расчет имевшегося у нас противотанкового гранатомета "базука" не располагал снарядами. Правда, мы хорошо понимали, что для успешного ведения боя необходимо было действовать в густонаселенных районах, где эффективность использования танков значительно снижается.

В то время как отряды "Революционного директората" предпринимали попытки взять казарму М 31, в которой находилась "сельская гвардия", мы были заняты окружением почти всех укрепленных опорных пунктов в Санта -Кларе. В основном наше внимание было сосредоточено на борьбе с защитниками бронепоезда, стоявшего на железнодорожном пути, ведущем к Камахуани. Эта позиция была сильно укреплена батистовцами.

29 декабря начались боевые действия. Вначале руководство боем осуществлялось с территории университета. Позднее мы разместили свой штаб ближе к центру города. Противник действовал при поддержке танков. Повстанцы заставили их откатиться назад, но многие из них заплатили жизнью за свое бесстрашие. Постепенно импровизированные кладбища и госпитали стали заполняться убитыми и ранеными.

Мне вспоминается один эпизод, который наглядно показывает боевой дух Повстанческой армии в эти последние дни борьбы. Я стал отчитывать одного бойца за то, что он заснул в разгар боя. Оправдываясь, боец заявил, что его разоружили, поскольку он случайно выстрелил из своей винтовки. Сдержав себя, я ответил ему: "Если ты мужчина, иди безоружным на передний край и добудь себе там оружие".

Позже, во время моего посещения госпиталя, один умирающий боец дотронулся до моей руки и сказал: "Помните, майор? Вы послали меня добыть себе оружие под Ремедиосом. Я добыл его здесь". Это был тот самый боец, у которого отобрали оружие за то, что он случайно выстрелил. Через несколько минут он умер с сознанием исполненного долга, Такова была наша Повстанческая армия.

Батистовцы все еще оказывали сопротивление на горе Капиро, и бой за нее продолжался в течение всего дня 30 декабря. Тем временем мы овладели рядом укрепленных пунктов в городе. Уже была прервана связь между центром Санта-Клары и бронепоездом. Видя, что гора Капиро окружена, защитники бронепоезда попытались спастись, но со всем своим великолепным грузом застряли на железнодорожной колее, которая предусмотрительно была разобрана нами. Локомотив и несколько вагонов сошли с рельсов. Завязался весьма интересный

бой: повстанцы стали буквально выкуривать противника из бронепоезда, бросая бутылки с горючей смесью. Несмотря на то что батистовцы были отлично защищены, они могли драться только против практически безоружного противника, находясь на большом расстоянии и занимая выгодные позиции, подобно тому как вели бои колонизаторы с индейцами на западе Америки. Осажденный повстанцами и забрасываемый с близкого расстояния бутылками с бензином, бронепоезд превратился в настоящее пекло для батистовских солдат. Через несколько часов вся его команда сдалась, в наших руках оказались 22 вагона, зенитные орудия, пулеметы и баснословное количество боеприпасов (баснословное, конечно, в сравнении с тем количеством, которым располагали мы).

Нам удалось занять электростанцию и всю северо-западную часть города; по радио мною как командующим повстанческими отрядами в провинции Лас-Вильяс было сделано заявление о том, что фактически вся Санта-Клара находится в руках революционных сил. Мне было очень тяжело сообщить народу Кубы о гибели отважного капитана Роберто Родригеса по прозвищу Вакерито (Пастушок). Роберто командовал штурмовым взводом, который за храбрость его бойцов называли взводом смертников. Капитан Родригес тысячу раз рисковал жизнью в боях за свободу. Его взвод, составленный из строго проверенных людей, являл собой образец революционной сознательности, Всякий раз, когда в этом взводе погибал боец - а это случалось в каждом бою - и выбирался новый кандидат, происходили очень грустные сцены. Те из товарищей, которые не попадали во взвод Родригеса, не могли скрыть своей досады и сдержать слез. Было странно видеть закаленных в боях благородных бойцов плачущими оттого, что им не выпало чести оказаться в первых рядах сражавшихся и встать на место погибших.

Затем повстанцы захватили полицейское управление вместе с оборонявшими его танками. Майору Кубеле сдалась казарма М 31. Вслед за этим в руки наших бойцов перешли тюрьма, здания, где размещались суд и провинциальные власти, а также гостиница "Гранд-отель", в которой засевшие на десятом этаже батистовцы вели огонь почти до самого окончания боевых действий.

К этому моменту не сдалась только казарма Леонсио Видаль, самая крупная крепость в центральной части страны. Но уже 1 января 1959 года сопротивление оборонявших ее солдат стало заметно слабеть. Утром этого дня мы послали капитанов Нуньеса Хименеса и Родригеса де ла Вегу, чтобы они убедили гарнизон казармы сложить оружие.

Сведения, которыми мы располагали, были противоречивы, и им с трудом верилось. Сообщалось, что Батиста бежал из страны и руководство вооруженными силами распалось. Два делегата повстанцев по радио установили контакт с генералом Картильо и информировали его о нашем предложении сдаться. Но он отверг это предложение, поскольку оно, мол, ставилось в виде ультиматума и поскольку он, по его заявлению, принял уже на себя командование армией в строгом соответствии с указанием Фиделя Кастро. Мы тотчас же связались с Фиделем, доложили ему о последних событиях и высказали свое мнение о предательском поведении Кантильо. Оно абсолютно совпало с мнением Фиделя. (В эти решающие минуты Кантильо позволил бежать всем крупным чиновникам правительства Батисты. Его предательская деятельность покажется еще более гнусной, если вспомнить тот факт, что он сам, как офицер вступил в контакт с нами, и мы верили ему, считая его честным военным.)

Дальнейшие события всем хорошо известны: отказ Фиделя Кастро признать Кантильо; приказ Фиделя наступать на Гавану; принятие командования армией полковником Баркином, освобожденным из тюрьмы на острове Пинос; взятие военного лагеря Колумбия Камило Сьенфуэгосом и крепости Кабанья 8-й колонной и, наконец, окончательное утверждение Фиделя Кастро на посту премьер-министра Временного правительства. Все это составляет часть современной политической истории страны.

Теперь мы оказались в таком положении, когда значение происходящего выходит за рамки одной страны. Мы стали надеждой всей Латинской Америки. Сегодня за нами внимательно следят и угнетенные, и эксплуататоры. От нашей будущей деятельности, от нашей способности решать многочисленные проблемы в значительной мере зависит развертывание народного движения в странах латиноамериканского континента.

Твердо ступая по земле, мы начинаем осуществлять первые революционные преобразования, сталкиваясь при этом и с первыми трудностями. Но какова основная проблема Кубы? Это проблема монопродукции. Она является главной проблемой и для всей Латинской Америки, включая и огромную Бразилию, территория которой насчитывает миллионы квадратных километров и земля которой представляет собой настоящее чудо. На Кубе мы являемся рабами сахарного тростника, который, подобно пуповине, привязывает нас к североамериканскому рынку. Мы должны сделать наше сельское хозяйство многоотраслевым, стимулировать развитие промышленности и гарантировать, что продукты сельского хозяйства и сырье,

добытое из недр нашей земли, - а в недалеком будущем и продукция нашей промышленности - будут отправлены на рынки сбыта, что будет способствовать также и развитию нашего транспорта.

Первым крупным шагом правительства будет проведение аграрной реформы, которая должна быть смелой, всеобъемлющей и в то же время гибкой. Она позволит ликвидировать на Кубе латифундии и сохранить кубинские формы производства. Осуществление этой реформы потребует много сил от народа и правительства в течение нескольких последующих лет. Земля будет безвозмездно передана крестьянам. Владельцам будет выплачена стоимость экспроприированных у них земель в виде ценных государственных бумаг, подлежащих погашению в течение длительного срока. Крестьянам будет оказана техническая помощь, гарантированы рынки сбыта сельскохозяйственной продукции для получения прибыли в широком национальном масштабе. Одновременно аграрная реформа позволит развивающейся кубинской промышленности за короткое время достигнуть таких успехов, благодаря которым она сможет соперничать с высокоразвитой промышленностью стран, где капитализм достиг своего высшего уровня развития. С увеличением количества товаров на внутреннем рынке возникнет потребность экспортировать некоторые продукты, а для этого понадобится транспорт, с помощью которого можно будет доставлять их в ту или иную точку земного шара. Этим транспортом будет торговый флот. Его создание уже предусматривается Законом содействия развитию морского транспорта.

С этими примитивными средствами мы, кубинцы, начинаем борьбу за полное освобождение своей страны. Все мы хорошо понимаем, что это будет нелегко, но мы полностью осознаем ту огромную историческую ответственность, которая лежит на "Движении 26 июля", на кубинской революции и на нации в целом, быть примером для всех народов Америки, для всех тех, чье доверие мы должны оправдать.

Наши друзья на непокорном континенте могут быть уверены в том, что, если возникнет необходимость, мы будем бороться до тех пор, пока не исчерпаем всех своих возможностей, а если борьба зайдет еще дальше, мы будем сражаться до последней капли нашей повстанческой крови, чтобы превратить эту страну в суверенную республику со всеми атрибутами, присущими счастливой демократической нации, находящейся в дружественных отношениях со своими латиноамериканскими братьями.

Ошибка революции

Развитие революции с ее радикальными и быстрыми социальными преобразованиями почти никогда нельзя точно предсказать во всех деталях. Будучи продуктом определенных условий, страстей и действий людей в их борьбе за социальное освобождение, революция никогда не является совершенной. В этом отношении наша революция также не была исключением. Она совершила ошибки, за некоторые из которых дорого заплачено.

Но сегодня мы ясно убеждаемся в другом, что подтверждает правоту народной мудрости: как волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

Когда после длившегося 45 дней тяжелейшего марша бойцы моей колонны вторжения, выбившиеся из сил, с окровавленными и изъеденными язвами ногами, но с непоколебимой верой в победу, достигли, наконец, предгорий Эскамбрая, ко мне пришло необычное по содержанию письмо, подписанное майором Каррерой. В нем предупреждалось, что находившаяся под моим командованием колонна Повстанческой армии не должна подниматься в горы, пока не будут сделаны разъяснения, для чего она пришла. Колонне предлагалось остановиться, а ее командиру - явиться к Каррере. Предложение остановиться посреди болот, где в любой момент нас могли окружить и где единственным выходом из создавшегося положения было безостановочное продвижение вперед, в горы, - это было слишком! Но именно таким был смысл того пространного и оскорбительного письма. И все же мы продолжали наш путь в решимости уладить возникшую трудность и выполнить четкий наказ Главнокомандующего Фиделя Кастро поступать при всех обстоятельствах таким образом, чтобы достигать единства действий всех сил.

Поднявшись в горы, мы расположились недалеко от горы Дель-Обиспо, на вершине которой стоял крест и с которой был виден город Санкти-Спиритус. Там мы разбили наш первый лагерь и сразу же отправили группу бойцов обследовать одно условленное место, куда для нас должны были доставить обувь члены местной организации "Движения 26 июля". Однако обуви там не оказалось, ибо ее уже забрали люди из 2-го фронта Эскамбрая в составе которого находился майор Каррера. Назревал большой скандал, но, сохранив хладнокровие, мы переговорили вначале по этому вопросу с одним капитаном. Позже нам стало известно, что этот капитан убил четырех бойцов родом из тех мест за то, что они хотели уйти и вступить в

революционные отряды "Движения 26 июля".

Затем у нас состоялся не совсем приятный разговор с майором Каррерой, который к моменту нашей встречи уже успел выпить половину своей дневной нормы - полбутылки ликера. В разговоре с нами Каррера не был таким грубым и воинственным, каким он показался нам по своему письму несколькими днями раньше, однако в нем чувствовался враг.

Позже мы познакомились с майором Пеньей, "знаменитым" во всей округе своими набегами под прикрытием крестьянских коров. Он в высокопарном тоне запретил нам атаковать населенный пункт Гуиниа-де-Миранда, так как тот находился якобы в зоне его действий. На наши доводы, что мы лучше вооружены, имеем больше опыта и что его зона боевых действий принадлежит всем и надо действовать совместно, он ответил просто: "Ваша "базука " равноценна 200 винтовкам моей группы, и это количество винтовок может продырявить такое же отверстие, как и одна "базука". Одним словом, этот населенный пункт должны были захватить его люди, а мы не могли атаковать его. Естественно, мы постарались не придать этому значения, но было ясно, что нам противостоят опасные "союзники".

После длительных переговоров, в ходе которых мы не раз забывали о необходимости проявлять большое терпение и выдержку, за что нас совершенно справедливо отчитал впоследствии товарищ Фидель Кастро, мы сошлись на том, что моей колонне разрешалось проводить аграрную реформу во всем районе, находившемся под контролем 2-го фронта Эскамбрая, но за это руководство фронта получило право собирать подати с крестьян. Так и было заявлено собирать подати!

Факты - вещь упрямая. В ходе упорных и кровопролитных боев мы захватили основные города и населенные пункты страны. В этой борьбе нам помогали наши добрые друзья и союзники из организации "Революционный директорат", представители которой, несмотря на свою малочисленность и отсутствие должного опыта, делали все возможное, чтобы содействовать достижению нашей общей цели.

1 января революционное командование Повстанческой армии потребовало, чтобы все сражавшиеся в том районе войска перешли под мое командование, и наш штаб переходил в город Санта-Клара. Командующий 2-м Национальным фронтом Эскамбрая Гутьеррес Менойо заявил, что его люди полностью подчиняются этому приказу, и, следовательно, никаких осложнений в этом отношении не возникало. Менойо было дано распоряжение ждать нас, пока мы не закончим некоторые административные дела в первом крупном освобожденном

городе.

В те времена было довольно трудно контролировать действия этих людей, и поэтому когда мы спохватились, то узнали, что отряды 2-го фронта Эскамбрая "героически " вступили вслед за колонной Камило Сьенфуэгоса в город Гавану. Нам сразу стало ясно, что это было сделано неспроста: эти люди торопились упредить ход событий, хотели не опоздать к "дележу" и закрепиться где-нибудь. Наши опасения были ненапрасны, ибо мы уже знали этих "деятелей" и с каждым разом познавали их все глубже. Эти люди действительно закрепились на "стратегических" и "наиболее важных", с их точки зрения, позициях. Спустя несколько дней из отеля "Капри" поступил первый подписанный Флейтасом счет на сумму 15 тыс. песо в покрытие расходов небольшой группы людей 2-го фронта.

Когда наступило время назначения на должности, почти около сотни капитанов и большое число майоров 2-го фронта потребовали государственных постов. Кроме того, целый сонм отобранных все теми же неразлучными Менойо и Флейтасом лиц был рекомендован на различные должности в самом государственном аппарате.

Всех этих людей объединяло одно общее желание - погреть руки за счет государственной казны, чем занимались те, кто находился на этих постах при прежнем режиме. Они хотели получить должности финансовых инспекторов, сборщиков налогов и т. п., где деньги сами шли в карман - только не зевай. Таков был высший смысл устремлений всех этих людей. К сожалению, они входили в состав Повстанческой армии, и с ними мы должны были сосуществовать.

С первых же дней у нас возникли серьезные разногласия, которые нередко сопровождались яростной словесной перебранкой, но всегда в этих спорах верх брал наш революционный здравый смысл, и мы шли на уступки во имя единства. Мы защищали от их нападок революционные принципы, не позволяли им заниматься присвоением народных средств, не допускали их на ключевые посты, зная, что они могли изменить нашему делу, но в то же время мы и не освобождались от них, а приспосабливались к ним, терпели их присутствие - и все это в интересах достижения единства, к которому они так и остались безразличными.

Такова была ошибка революции, из-за которой нам приходилось выплачивать жирные оклады всем этим баркинам, филипе пасосам, тете касусам и другим прихлебателям как внутри страны, так и за ее пределами. Мы были вынуждены содержать их за счет средств революции, чтобы избежать

конфликта, и тем самым платить за их молчание, хотя и знали, что они только выжидают удобного момента для измены делу революции. В то время наши враги сами имели достаточно денег и возможностей, чтобы подкупать людей. И в конце концов, что мы еще могли предложить некоему Флейтасу или Менойо, кроме работы, на которой надо было трудиться в поте лица не требуя ничего взамен.

Эти люди, жившие за счет народа, занимались тем, что пережевывали между собой разного рода сплетни о нашей борьбе, к которой они имели самое отдаленное отношение, развращали окружающих и обивали пороги министерских кабинетов в поисках теплых местечек. Скрепя сердце мы терпели этих "политиков", их презирали все честные революционеры, ибо этот сброд являлся позором и оскорблением для нашей революционной совести. Своим присутствием они постоянно напоминали нам о нашей ошибке - терпимости по отношению к отступникам от революционной совести и морали, к явным и открытым изменникам, к разного рода прихлебателям, ко всем, кто проявлял слабость духа, трусость, склонность к жульничеству.

Наша совесть в какой-то степени стала чиста после того, как все эти люди удрали на нескольких суденышках в Майами. Большое спасибо вам, "герои" 2-го фронта Эскамбрая! Большое спасибо за то, что вы избавили нас от вашего ненавистного присутствия, что вы преподали нам урок, воочию показав, что нельзя купить идейных сторонников за подачки от имени революции, которая должна быть одинаково строгой и требовательной ко всем, что мы должны быть непреклонными к проявлению нечестности и неискренности со стороны кого бы то ни было, должны быть готовы вырвать с корнем любой порок, который шел бы вразрез с высокими идеалами революции.

Пусть пример 2-го фронта Эскамбрая, а также пример нашего "любимого и обожаемого друга" Прио Сокарраса вернет нас к реальной действительности. Времена изменились. Теперь нам не стоит труда назвать экс-президента вором, то есть тем, кем он был всегда, хотя было время, когда мы сами согласно нашей, как мы ее окрестили, "революционной тактике" называли "экс-президентом" вора, а он в свою очередь называл нас не "презренными коммунистами", как это он делает сейчас, а "спасителями Кубы".

Преступник - преступником и останется, он умрет им. Это прежде всего относится к преступнику-аристократу, человеку, принадлежащему к "верхам", а не к тем людям в некоторых странах, которые в отчаянии вынуждены воровать какие-то крохи, чтобы прокормить своих детей. Тот, кто совершает преступления

для удовлетворения своих низменных инстинктов, останется преступником на всю свою жизнь.

В Майами собрались все, кто подвергает нас яростным нападкам: филипе пасосы, торгующие за звонкую монету своей совестью, чтобы поставить ее на службу, как они заявляют, "серьезным" организациям; руфо лопесы и хусто каррильо, единственная цель которых состоит в том, чтобы получше приспособиться и ухватить кусок пожирней; "вечные оптимисты" типа Миро Кардоны, закоренелые преступники, причастные к убийствам простых людей из народа; горе-герои из 2-го фронта Эскамбрая, "подвиги" которых состояли в убийствах крестьян этого района и в терроре, превосходившем по своим размерам даже террор батистовских войск. Все эти люди лежат тяжелым камнем на нашей совести, напоминая нам об ошибке революции, которая не должна повториться. Этот урок должен быть нами усвоен.

Революционная честность человека как в зеркале отражается в его поведении; если тот, кто говорит, что он революционер, ведет себя не по-революционному, то он является не кем иным, как человеком без стыда и совести. Поэтому обнимитесь в едином порыве грызущиеся между собой вентурасы и тони варонасы, прио и батисты, гутьеррасы менойо и санчесы москеры преступники, которые убивали людей, ради удовлетворения своих мимолетных прихотей и корыстных целей. Подобралась неплохая компания - воры и торгаши совестью, оппортунисты всех мастей, кандидаты на президентское кресло и т. п. Вы нас многому научили. Большое спасибо.

Лидия и Клодомира

С Лидией я познакомился спустя всего полгода после начала нашей партизанской борьбы. Я был только что произведен в майоры и командовал 4-й колонной. В одну из проведенных нами молниеносных операций мы спустились в поисках продовольствия в деревушку Сан-Пабло-де -Яйо недалеко от Баямо, что на отрогах Сьерра-Маэстры. Там жила одна семья, занимавшаяся выпечкой хлеба в небольшой хлебопекарне. Лидия, которой было тогда сорок пять лет, являлась ее совладелицей. С первого же знакомства с нами, Лидия, единственный сын которой находился в нашей колонне, с удивительной страстностью и энтузиазмом стала служить делу революции.

Когда я вспоминаю ее имя, я испытываю нечто большее, чем только признательность и понимание значения деятельности незапятнанной революционерки, так как она питала ко мне какое-то особое чувство расположения и предпочитала работать под моим началом, в какое бы место меня ни посылали. Лидия была нашей связной, выполнявшей специальные задания. Можно сбиться со счета, перечисляя все случаи, когда я или руководство "Движения 26 июля" направляли ее в этом опасном качестве на различные задания. Она доставляла в города Сантьяго-де-Куба и Гавану наши наиболее важные документы, обеспечивала связь для моей колонны, переправляла номера газеты "Эль Кубано либре", доставляла бумагу, лекарства - одним словом, все, что было нужно и когда нужно.

Из-за ее отчаянной смелости с ней боялись идти на задание связные-мужчины. Вспоминаю, как один из них рассказывал мне о ней словами, в которых чувство восхищения перемежалось со страхом: "Эта женщина дала бы фору самому Антонио Масео. Она нас всех погубит. Бывают моменты, когда не до шуток. А то, что она делает, просто сумасшествие". Лидия же, несмотря ни на что, вновь и вновь уходила на связь, преодолевая все вражеские заслоны.

После того как наш отряд передислоцировался в зону Мина-дель-Фрио в районе Вегас-де-Хибакоа, туда же отправилась и Лидия, покинув наш вспомогательный лагерь, расположенный в местечке под названием Куэвас, начальницей которого она была некоторое время. Там она энергично и даже несколько деспотически командовала мужчинами, вызывая этим определенную горячность кубинцев, не привыкших к тому, чтобы ими командовали женщины.

Место, где находился этот вспомогательный лагерь, было

довольно опасным, а после того как его обнаружили правительственные войска, нашим бойцам не раз приходилось отбиваться от наседавших солдат. Поэтому я попытался перевести Лидию с этой должности, но сделать это мне удалось лишь тогда, когда наш отряд перебазировался в другой оперативный район.

Среди случаев, раскрывавших характер Лидии, особенно мне запомнился один. Это было в тот день, когда погиб наш славный товарищ, совсем еще молодой человек по фамилии Хейлин, уроженец города Карденас. Этот боец входил в состав группы охранения лагеря, когда Лидия была еще там. Возвращаясь однажды в лагерь после выполнения очередного задания, Лидия заметила осторожно подкрадывавшихся к расположению повстанцев группу солдат противника, которую, без сомнения, навел какой-нибудь шпик. Реакция женщины была незамедлительной : она вытащила свой маленький пистолет и хотела тут же выстрелами в воздух поднять тревогу. Но руки оказавшегося рядом товарища помешали ей выстрелить, потому что это могло стоить жизни и ей, и всем находившимся рядом с ней. Солдаты продвинулись вперед и внезапно напали на часового Гильермо Хейлина. Он храбро защищался, пока не был дважды ранен. Зная, что его ожидало, если бы он попал в руки батистовцев, Хейлин застрелился. Остальным бойцам удалось спастись. Солдаты сожгли все, что можно было сжечь, и ушли.

На следующий день я встретил Лидию. Весь ее вид говорил об огромной скорби и отчаянии по поводу смерти Гильермо Хейлина, и в то же время она негодовала на того, кто помешал ей поднять тревогу. "Пусть убили бы меня, говорила Лидия, - я уже немолода, зато был бы спасен парень, которому не было еще и двадцати лет". Она вспоминала об этом не раз. Иногда казалось, что в ее постоянно повторявшихся словах презрения к смерти звучали нотки хвастовства, но, несмотря на все это, задания Лидия выполняла превосходно.

Ей было хорошо известно, что моей слабостью были маленькие щенята, и она постоянно обещала привезти одного из Гаваны, но выполнить свое обещание ей никак не удавалось.

В период генерального наступления правительственных войск против Повстанческой армии Лидия бесстрашно выполняла свои обязанности связной. Она уходила и возвращалась в горы, унося и доставляя важнейшие документы, обеспечивала для нас связь с внешним миром. В этой опасной работе ее сопровождала другая женщина, подстать самой Лидии. Фамилию этой женщины я не помню, но знаю, что ее звали Клодомира. Так, впрочем, ее называли все, кто знал ее по Повстанческой армии. Лидия и Клодомира стали неразлучными боевыми подругами, вместе

выполнявшими самые опасные поручения.

После проведенного нами вторжения в провинцию Лас-Вильяс я приказал Лидии, чтобы она прибыла ко мне с целью использования ее для установления связи с Гаваной и главным командованием Повстанческой армии в Сьерра-Маэстре. Спустя некоторое время мы получили письмо Лидии, в котором она сообщала, что достала мне щенка и что в следующий раз она обязательно привезет его мне в подарок. Но этой последней поездки Лидии и Клодомире совершить не пришлось. Вскоре я узнал, что из-за трусости одного человека, опозорившего высокое звание бойца революционной армии, была обнаружена группа наших людей, среди которых находились Лидия и Клодомира. Все они защищались до последней капли крови. Раненую Лидию захватили в плен и куда-то увезли. Тела Лидии и Клодомиры обнаружить не удалось. Они спят вечным сном где-нибудь, несомненно, рядом, как и вместе сражались в последние дни великой битвы за свободу.

Возможно, когда-нибудь будут найдены их останки на этом огромном кладбище, в которое был превращен тогда весь наш остров. Что касается Повстанческой армии, то среди тех, кто сражался и жертвовал собой в те тяжелые времена, всегда будет жить память о двух бесстрашных женщинах, которые своей будничной самоотверженной работой обеспечивали нам связь со всей страной. Для каждого из нас, кто находился в составе 1-го фронта, и лично для меня имя Лидии имеет особое значение. Поэтому сегодня я посвящаю эти строки воспоминаний ей, отдавая тем самым скромную дань памяти тысяч революционеров, погибших за то, чтобы свобода пришла на наш остров.

Эль Патохо

Несколько дней тому назад в телеграмме о событиях в Гватемале сообщалось о гибели нескольких патриотов, среди которых был указан Хулио Роберто Касерас Валье. В обстановке тяжелой революционной борьбы, классовых битв, сотрясающих весь континент, смерть участвующих в них борцов стала обыденным явлением. Но когда уходит из жизни близкий друг и товарищ, который делил с тобой и горе и радость, его смерть всегда вызывает чувство щемящей боли. А кто знал Хулио Роберто, тот всегда скажет, что он был замечательным другом и товарищем.

Был он небольшого роста и не отличался особой физической силой. Именно поэтому мы звали его Эль Патохо, что на гватемальском наречии означает "мальчуган". Находясь в Мексике и узнав о разрабатывавшемся Фиделем плане, Эль Патохо попросил, чтобы его добровольцем зачислили в отряд. Но Фидель не хотел привлекать еще одного иностранца к этому делу, в котором я был удостоен чести участвовать. Спустя несколько дней после победы революции на Кубе Эль Патохо продал все свое немудреное имущество и с небольшим чемоданчиком явился ко мне. Он работал на разных должностях в государственном аппарате, став под конец начальником отдела кадров в управлении механизации Национального института аграрной реформы. Но никогда он не был удовлетворен своей работой. Его мысли занимало другое, он жаждал освобождения своей родины. В нем, как и во всех нас, произошла глубокая перемена: из забитого паренька, каким он был, когда покидал Гватемалу, который не мог даже внятно объяснить причины поражения революции в своей стране, Эль Патохо превратился в зрелого революционера.

Первое мое знакомство с ним состоялось в поезде по пути из Гватемалы спустя два месяца после свержения президента Арбенса. Мы добирались тогда вместе до населенного пункта Тапачула, откуда должны были перебраться в Мексику. Эль Патохо был на несколько лет моложе меня, но, несмотря на это, у нас с ним сразу завязалась прочная дружба. Вместе мы добрались из района Чиапаса до мексиканской столицы, вместе противостояли там ударам судьбы, оба с пустыми карманами, оба подавленные, оба вынужденные зарабатывать себе на жизнь в окружении безразличия, если не сказать - враждебности.

У Патохо вообще не было ни гроша. На имевшуюся у меня небольшую сумму денег мы купили фотоаппарат и добывали себе

хлеб тем, что фотографировали, стараясь быть незамеченными полицией, разные виды в парках и продавали фотокарточки, которые печатали в маленькой лаборатории одного мексиканца, ставшего нашим компаньоном. За это время мы досконально изучили весь город, облазили его вдоль и поперек, гоняясь за покупателями и уговаривая их не поскупиться одним песо за какую-нибудь дрянную фотокарточку с изображением ребенка, которого мы расхваливали на все лады, убеждая, что он вышел превосходно, и что поэтому, мол, стоило истратить деньги на такую чудесную малютку. Так мы продержались несколько месяцев, но затем наши пути разошлись: я уже говорил, что Фидель не хотел его брать с собой, но не по причине какого-либо его личного недостатка, а потому, что не хотел, чтобы в готовившейся группе были представители многих национальностей.

Эль Патохо остался в Мехико, занимался журналистикой, изучал физику в столичном университете, затем бросил учебу, вновь вернулся к журналистике, в которой, кстати сказать, многого не достиг. Ему пришлось не раз менять профессию в поисках заработка. Но, находясь в самых затруднительных положениях, он никогда не обращался ко мне с какой-либо просьбой. Даже сейчас не могу понять почему: то ли не давала ему это сделать его чрезмерная скромность, то ли излишняя гордость, которая не позволяла ему признать свои некоторые личные затруднения, чтобы обратиться к другу а помощью.

Эль Патохо был человеком по натуре скрытным, но в то же время глубоко эмоциональным. И отличался большой культурой и широтой знаний, постоянно работал над собой. Став членом Гватемальской партии труда, он посвятил себя целиком служению своему народу и вырос в крупного революционного деятеля. От его вспыльчивости и чрезмерной гордости прошлых лет не осталось и следа: революционная борьба делает людей чище, лучше, освобождая их от всего наносного, подобно опытному земледельцу, который, ухаживая за растением, заглушает в нем вредные и развивает полезные свойства.

После приезда на Кубу Эль Патохо жил почти все время в одном доме со мной, как и подобает старому другу. Но в новых условиях жизни нам обоим было трудно поддерживать друг с другом наши прежние отношения. Он многого недоговаривал, а я, видя как он усердно зубрит какой-нибудь диалект своей страны, догадывался о том, к чему он готовится. И однажды Эль Патохо сказал мне, что он уезжает, что час настал и ему надо выполнить свой долг.

Эль Патохо не имел военной подготовки, но он считал, что

его обязанность состоит в том, чтобы с оружием в руках драться за свободу на своей порабощенной родине и повторить в какой-то степени пример нашей борьбы.

Перед его отъездом у меня состоялся с ним длинный разговор - один из немногих за все время его пребывания на Кубе. Под конец я ограничился тем, что по-дружески дал ему три совета относительно его будущих действий на начальном этапе: постоянно находиться с людьми в движении, постоянно все подвергать сомнению, постоянно быть начеку.

Первое означало - никогда не задерживаться на одном и том же месте, каждый раз менять район отдыха, не оставлять на завтра отрезок пути, который надо пройти сегодня. Второе означало - с самого начала не верить даже своей собственной тени, не верить на слово друзьям - крестьянам, проводникам, разного рода информаторам, - одним словом, сомневаться во всем, пока не будет создан освобожденный район. Наконец, последнее означало - ни на минуту не забывать об охранении, непрерывно вести разведку, организовывать лагерь в надежном месте и, самое важное, никогда не останавливаться на ночлег в каком-либо доме, где всегда можно оказаться в мышеловке. Таковы самые главные уроки, вытекавшие из нашего опыта партизанской борьбы. Это было в то же время единственным, что я мог дать ему вместе с дружеским рукопожатием. Разве мог я советовать Эль Патохо, чтобы он не делал этого? И по какому праву я мог бы говорить ему об этом, если он сам знал, что мы тоже когда-то предпринимали такую попытку и никто тогда не верил в ее успех?

Эль Патохо уехал, а вскоре пришло сообщение о его смерти. Как всегда, вначале у нас еще была надежда на то, что, может быть, произошла ошибка, как уже не раз случалось в подобных случаях раньше. Но, к сожалению, труп убитого сына опознала его мать; сомнений не оставалось - Эль Патохо погиб. И не только он, вместе с ним погибла целая группа товарищей, возможно таких же мужественных и самоотверженных, как он сам, но с которыми мы не были знакомы лично.

Еще раз пришлось пережить горечь утраты, и остался без ответа вопрос: почему бы не учесть чужой опыт? Почему остались без внимания такие простые советы, которые были даны? Любопытно и поучительно было бы узнать обстоятельства всего случившегося, обстоятельства гибели самого Эль Патохо. Пока они точно не известны, но можно наверняка предположить, что район действий был выбран неудачно, что бойцы оказались слабо подготовленными в физическом отношении, что не соблюдалось в достаточной мере условие подвергать все сомнению и быть

бдительными, а поэтому карательным войскам удалось выследить партизан. Одни из них, как Эль Патохо, были убиты в бою, другие - рассеяны. Некоторые потом должны были спасаться от преследования, и практически тоже были истреблены, некоторые попали в плен, а за оставшимися в живых была организована настоящая охота, как это произошло с нами после боя под Алегрия-де-Пио.

Еще раз пролилась молодая, горячая кровь во имя свободы на американском континенте. Пришлось опять пережить горечь утраты. Но пока мы оплакиваем наших погибших товарищей, нужно готовиться к новым сражениям, чтобы не повторять ошибок прошлого, отомстить за каждого убитого новыми победами и добиться окончательной свободы.

Когда Эль Патохо уезжал, то он ничего не сказал мне о том, что он что-то оставлял после себя, за чем нужно было бы присматривать. Он не попросил об этом и никого другого. Действительно, после него ничего не осталось - ни одежды, ни личных вещей. Однако мои старые друзья по Мексике прислали мне его записную книжку, в которой содержались написанные им стихи, посвященные революции, родине и любимой женщине, с которой Эль Патохо познакомился на Кубе. В последнем стихотворении он говорил о своем сердце, которое в этой жестокой борьбе согревалось любовью, и верил, что победа придет.

Сердце Эль Патохо осталось среди нас. Наступит новый день, когда над Гватемалой, над всей Америкой взойдет солнце свободы, за которую Эль Патохо отдал свою жизнь, и согреет его сердце радостью победы, о которой он мечтал.

В Министерстве промышленности, где у Патохо было много друзей, в память о нем его именем названа небольшая школа, готовящая кадры статистиков. А когда час свободы придет в Гватемалу, ее народ воздаст должное своему верному сыну и назовет его именем школу, фабрику, больницу или любое другое учреждение, где свободные люди будут работать и творить во имя построения нового общества.

Письма Фиделю

Фидель, пишу тебе с равнины, над нами нет самолетов, и относительно немного москитов. Приходится так спешить, что нет даже времени, чтобы досыта поесть. Хочу коротко рассказать все по порядку.

Выступили мы в ночь на 31 августа, имел при себе четырех лошадей. Ехать на машинах не представилось возможным из-за отсутствия бензина, и, кроме того, остерегались засады в районе Хибакоа. Но правительственных войск там не оказалось, и мы спокойно миновали этот населенный пункт. Однако пройти больше десяти километров нам не удалось: усталость в конце концов свалила нас, и мы остановились на ночлег, выбрав для этого небольшую ровную площадку в горах по другую сторону от дороги. Считаю, что следует иметь постоянно в районе Хибакоа взвод наших людей. Это позволило бы наладить дело со снабжением в районе, по которому мы идем.

1 сентября пересекли дорогу и раздобыли три автомашины, которые у нас постоянно ломались, пока мы добрались до одной местной усадьбы, известной под названием Кайо-Редондо; здесь пришлось провести весь день, так как надвигался ураган. К нам подошли на близкое расстояние человек 40 из состава "сельской гвардии", но они не стали вступать в бой и ушли назад.

Переждав немного, мы продолжили путь на автомашинах. Их тянули на буксире раздобытые нами четыре трактора. Но на следующий день по причине бездорожья от них пришлось отказаться и идти пешком. К наступлению ночи мы дошли до берегов реки Куато. Из-за сильного разлива переправиться через нее в ту же ночь мы не смогли, а сделали это на следующий день, причем с большим трудом и потратив на это около восьми часов времени. Затем мы двинулись по разведанной нами проселочной дороге. Остались без лошадей, но надеемся достать их по дороге и прибыть в назначенный район. Сколько уйдет на это времени - точно сказать нельзя из-за постоянно возникающих трудностей на этих дьявольских дорогах. Постараюсь и дальше информировать тебя о ходе нашего дальнейшего продвижения, а заодно сообщать о местных жителях, которые могут пригодиться. Пока могу сообщить о двух

из них: Пепине Магадане и Консепсьоне Риверо. Первому, хотя и не лишенному недостатков, но человеку удивительно энергичному, можно было бы поручить доставать для нас все необходимое, в том числе и деньги. На второго, производящего впечатление серьезного человека, также можно было бы рассчитывать.

Пока все. Крепко обнимаю всех, кто остался там, в горах, которые отсюда уже едва вырисовываются на горизонте.

8 сентября 1958 года.

Наконец-то после изнурительных ночных переходов пишу тебе из провинции Камагуэй. Надежд на то, чтобы в ближайшие дни ускорить наше продвижение, нет. В день проходим в среднем по 15-20 километров, половина моих людей - на лошадях, но седел нет. Камило Сьенфуэгос находится где-то рядом, и я, чтобы встретиться с ним, ожидал его здесь неподалеку от рисовой плантации, принадлежащей семейству Бартлесов, но он не пришел. Равнина, по которой мы идем, огромна, москитов мало, и пока не встретили ни одного каскитоса; пролетающие над нами самолеты кажутся совсем маленькими и беззащитными. Передачи "Радио Ребельде" прослушиваются с большим трудом, и то через Венесуэлу.

Все говорит о том, что правительственные войска не желают до поры до времени вступать с нами в бой, как, впрочем, и мы. Откровенно говоря, меня преследует какая-то боязнь в связи с нашим переходом со 150 необученными новобранцами в эти незнакомые районы. В то же время вооруженная группа партизан численностью 30 человек, не больше, могла бы действовать здесь с большим успехом, революционизируя всю округу. Кстати, в местечке Леонеро мы заложили основу профсоюза рабочих рисовых плантаций; однако, когда я повел разговор с рабочими о взносах, они не дали мне говорить. Дело не в том, что они боялись хозяина, а, как мне кажется, размер взносов был слишком высоким. Я сказал им, что этот вопрос можно было бы обсудить позже, отложив его до прибытия кого-либо другого из наших товарищей. Подготовленный в этом отношении человек мог бы о большим успехом вести здесь агитационную работу, а находящиеся рядом леса послужили бы ему в случае необходимости надежным убежищем.

Что касается моих дальнейших планов относительно последующего маршрута, то сообщить тебе чего-либо определенного не могу, так как я сам еще не знаю его точно. Все будет зависеть от стечения обстоятельств, таких, как, например, сейчас, когда мы ждем прибытия нескольких автомашин, чтобы пересесть в них и оставить лошадей, которые были незаменимы во времена Антонио Масео, когда не было авиации, но сейчас они хорошо видны с воздуха и служат прекрасной мишенью для самолетов противника. Если бы не лошади, мы преспокойно могли бы двигаться и днем.

Воды и грязи здесь по горло. Повозки, на которых мы перевозим оружие, чтобы сохранить его в исправном состоянии до прибытия в назначенный район, имеют такой вид - хоть пиши с них картину. В пути мы с огромным трудом переправились вплавь через несколько небольших речек; несмотря на трудности, люди в целом ведут себя дисциплинированно, хотя нашей дисциплинарной комиссии приходится подчас принимать строгие меры в отношении отдельных нарушителей. Следующее донесение, возможно, будет из города Камагуэя. Остается еще раз по-братски обнять всех оставшихся в Сьерра-Маэстре, которая уже не видна отсюда.

18 сентября 1958 года.

Прошло еще несколько трудных дней. Пишу тебе пока с территории все той же провинции Камагуэй. Сегодня собираемся пересечь самый опасный или, во всяком случае, один из самых опасных участков на нашем пути. Камило Сьенфуэгос уже прошел его со своими людьми накануне ночью. Его переход был довольно спокойным; хотя и не без трудностей.

За прошедшее с момента моего последнего донесения время в колонне произошло несколько неприятных эпизодов. Из-за ошибки проводников мы попали в засаду около усадьбы некоего Ремихио Фернандеса в районе Федераля; в результате был убит капитан Маркос Баррера. Из восьми находившихся в засаде солдат трое были убиты в перестрелке, четверых мы захватили в плен, а одному удалось скрыться. Пленных мы взяли с собой, чтобы при первом удобном случае отпустить их на свободу. Удравшему от нас солдату, очевидно, удалось добраться до своих, так как вскоре перед нами появились 60 солдат противника. По

совету находившегося рядом Камило Сьенфуэгоса мы не стали вступать в бой, а отошли назад. В перестрелке погиб Дальсио Гутьеррес из Сьерра-Маэстры ; кроме того, был легко ранен в ногу Герман и серьезно ранен в обе руки Энрике Асеведо. В короткой стычке с противником отличились Асеведо, капитан Анхель Фриас и лейтенант Роберто Родригес по прозвищу Вакерито.

Противник попытался преследовать нас, чтобы атаковать еще раз, но четверо наших бойцов, оставленных нами в засаде, обстреляли мчавшийся за нами грузовик с солдатами и убили по крайней мере двух человек, Тем временем мы отошли к району Федераля, а оттуда - еще дальше в сторону. Раненого Энрике Асеведо мы отправили на лечение в безопасное место. На следующий день нас обстреляли с воздуха самолеты В-26. Шедшая впереди нас колонна Камило Сьенфуэгоса ушла еще дальше вперед, а нам пришлось задержаться в ожидании прибытия нескольких автомашин, за которыми я накануне послал своего человека.

Все происходящее здесь с нами говорит о том, чтобы сюда без промедления был послан опытный командир с группой бойцов, численность которой не должна никоим образом превышать ту, о которой я тебе писал раньше. Этот товарищ должен хорошо знать местность. Здесь они могут раздобыть все, что им нужно. Целесообразно также провести соответствующую работу в округе Набоас, где для этого будут благоприятные условия после закрытия сахарного завода; кроме того, от Санта-Беатрис до Санта-Крус тянутся горы, где можно свободно укрыться. Людям этого отряда придется следить за действиями наших организаций в Камагуэе, ибо те обещают без разбора принять всех в партизаны, в чем мы постоянно убеждаемся здесь. Нас буквально осаждают толпы безоружных людей, просящих принять их в отряд. Среди них я обнаружил даже одного душевнобольного, страдавшего сильным приступом военного психоза.

У меня много вопросов, которые я хотел бы обсудить с тобой, но время не ждет - мы должны выступать. Тем более что мне доложили, что в пути нас поджидает большое количество правительственных войск. Когда ты получишь это донесение, мы будем уже находиться в другом районе. В провинции Лас-Вильяс

Поздно вечером я послал тебе мое последнее донесение, в котором сообщал о возникших перед нами трудностях. Мы установили связь с местными организациями "Движения 26 июля", которые обещали нам найти проводников, но последние не прибыли. Несмотря на это, я решил продолжить переход, используя в качестве проводника одного подвернувшегося местного жителя. В результате мною была допущена оплошность: он вывел нас на рассвете следующего дня на военный пост, именуемый Куатро-Компаньерос. Меры предосторожности, о которых нам говорили, не были строго соблюдены, и хотя никаких потерь мы не понесли, все же среди бойцов возникло некоторое замешательство. В этих условиях, не зная совершенно местности, я приказал двигаться в направлении к видневшейся на горизонте в первых проблесках солнечных лучей горе, но для этого, как потом оказалось, нужно было пересечь железную дорогу, по которой в обоих направлениях перевозились правительственные войска, Пришлось вступать в бой и удерживать участок дороги шириной около 200 метров, чтобы дать возможность пройти всем отставшим от основной группы бойцам. В бою был ранен капитан Силва - ему раздробило правое предплечье, но, несмотря на это, он, стиснув зубы, продолжал руководить действиями своих людей. Так продолжалось два с половиной часа, пока в половине десятого утра я не отдал приказ отходить. В бою пропал без вести наш товарищ Хуан, которому осколком от стофунтовой бомбы раздробило правую ногу. В течение сорока пяти минут нас бомбили и обстреливали с воздуха вражеские самолеты. В результате имеются раненые.

В последующие дни мы провели перегруппировку и проверку всего личного состава. 10 наших бойцов, которых мы считали пропавшими или отставшими, оказались в колонне Камило Сьенфуэгоса, и только один по прозвищу Моренито действительно исчез. (Его имя и фамилию я приведу ниже.) Не отдохнув как следует и дня, мы двинулись дальше и миновали населенный пункт Ремедиос, рисовую плантацию, населенный пункт Каденас, еще несколько небольших поселений и лагуну Гуано. Весь путь мы проделали без проводников, прибегая в одних случаях к помощи какого-нибудь местного крестьянина, а в других - к помощи компаса.

Уровень классового самосознания у крестьян в этих животноводческих районах крайне низок; по дороге нам не раз приходилось неожиданно сталкиваться с правительственными войсками, которых, как мы подозреваем, наводили на нас местные жители.

18 сентября 1958 года.

Сегодня услышали переданное по радио сообщение Табернильи о том, что колонна Че Гевары была якобы разгромлена. Дело в том, что в одном из забытых нами в суматохе вещевых мешков батистовцы обнаружили записную книжку, в которой были подробно указаны имена, фамилии, адреса наших бойцов и закрепленное за ними личное оружие с боеприпасами и снаряжением. Кроме того, один из бойцов, состоящий членом Народно-социалистической партии, потерял где-то по дороге свой вещевой мешок, где находились партийные документы.

В дальнейшем мы переправились через реки Сан-Педро и Дуран (или, как ее еще называют, Альтамира)и достигли местечка под названием Эль-Чичаррон. Здесь из колонны сбежал один тип, присоединившийся к нам в районе Камагуэя, а спустя некоторое время при преодолении одного опасного места пропал некто Хосе Перес, который пришел в колонну перед самым нашим выступлением из провинции Орьенте и который, как я подозреваю, просто дезертировал, прихватив с собой винтовку.

Перейдя железнодорожную насыпь в довольно опасном месте, мы оказались в рисоводческом районе, где расположены огромные владения братьев Агилера. Проводников у нас по-прежнему нет, поэтому приходится идти по еще сохранившимся кое-где следам колонны Камило Сьенфуэгоса. Начиная с 20 сентября мы идем через сплошную болотистую местность, непрерывно преследуемые правительственными войсками. Несколько оставшихся у нас лошадей пришлось окончательно бросить ; топь и зловоние причиняют нам немало неудобств.

20 сентября 1958 года.

Сегодня осталась позади последняя рисовая плантация во владениях братьев Агилера, и когда мы уже вступали на плантации сентраля Барагуа, то неожиданно обнаружили, что дальнейший наш путь был полностью блокирован правительственными войсками. Оказалось, что они заметили нас еще задолго до начала этого

перехода, и шедшим сзади бойцам пришлось даже отстреливаться тогда. Но мы не придали этому значения, думая, что речь шла об обычной засаде. Поэтому я приказал ждать наступления ночи, рассчитывая, что нам удастся пройти. Когда же я убедился, что мы попали в ловушку и что противник полностью осведомлен о нашем местонахождении и ждет нас, было уже слишком поздно, чтобы попытаться проскочить. К тому же ночь была дождливой и слишком темной, чтобы можно было точно определить, где находятся батистовцы. Пришлось по компасу отойти назад и остановиться на какое-то время посреди топи, прикрываясь небольшой растительностью от вражеской авиации.

Вскоре появились самолеты противника и сбросили весь свой смертоносный груз на находившиеся недалеко от нас деревья с густыми кронами. Батистовские летчики полагали, что мы укрывались среди этих деревьев.

Посланная вперед разведгруппа во главе с лейтенантом Асеведо обнаружила на фланге вражеской позиции не охранявшуюся никем заболоченную лагуну, через которую, как считал противник, нельзя было пройти. Но именно по этой лагуне, осторожно ступая по воде, 140 человек моей колонны прошли около двух километров и миновали последний вражеский пост всего в ста метрах. Мы даже слышали доносившиеся до нас голоса переговаривавшихся друг с другом солдат. Уверен, что они все же слышали шум наших шагов, да к тому же в тот момент вышедшая из облаков луна ярко осветила все вокруг. Однако солдаты батистовской армии никогда не отличались высоким боевым духом, и, вероятно, они сделали вид, что не заметили нас. Всю ночь и часть следующего дня мы шли по залитой морской водой топи. Многие бойцы шли совершенно разутые, у тех же, у кого была обувь, она находилась в весьма плачевном состоянии.

29 сентября 1958 года.

Неподалеку от сентраля Барагуа мы взяли с собой работавшего на нем мясника, решив использовать его на пару дней в качестве проводника. Его жена, которая была в плохих отношениях со своим мужем, не стала возражать против этого. Очевидно, она надеялась, что он погибнет где-нибудь вместе с нами. Вскоре на нас налетели самолеты B-26 и сбросили свой обычный груз. Но все обошлось благополучно, хотя и пришлось идти

всю ночь по лагуне, заросшей колючим кустарником, нещадно коловшим ноги бойцов. Не исключено, что жена мясника донесла на нас.

Нехватка продовольствия также оказывает влияние на настроение людей. Отдыхать не приходится, так как правительственные войска преследуют нас по пятам, и, конечно, как всегда, при поддержке самолетов. В каждом крестьянине мы видим потенциального шпиона. Обстановка во многом напоминает ту, которая была в первые дни партизанской войны в Сьерра-Маэстре. Установить контакт с руководством местной организации "Движения 26 июля" мы не смогли, а когда я попросил двух человек помочь нам, думая, что они являются членами организации, они отказались это сделать. Нам помогли деньгами, одеждой, обувью, лекарствами, продовольствием и проводниками члены Народно-социалистической партии, которые также сообщили нам, что, когда они обратились с просьбой о помощи для нас в местную организацию "Движения 26 июля", там ответили следующее: "Если Че пришлет просьбу в письменной форме, мы ему поможем ; если нет, то пусть он катится на все четыре стороны". 3 октября 1958 года.

7 октября нашли трех проводников, выходцев из Эскамбрая. Они пожаловались на действия Гутьерреса Менойо и сообщили, что он арестовал Бордона и что во всей округе сложилась обстановка близкая к междоусобной борьбе между партизанскими группами. Как мне кажется, чтобы выяснить суть дела, нужно переворошить слишком много грязи во всем этом. Я послал одного из проводников передать Бордону мой приказ немедленно явиться ко мне. В тот же день с целью избавиться от всяких нежелательных попутчиков я разрешил уйти из колонны всем, кто этого пожелает. Семь человек сразу изъявили такое желание. Это были Виктор Сардей, Хуан Ногера, Эрнесто Маганья, Ригоберто Солис, Оскар Масиас, Теодоро Рейес, Ригоберто Аларкон. (Я привожу их имена для того, чтобы еще раз напомнить о том вреде, который приносили такие люди нашей борьбе.) Днем раньше пропал, и я подозреваю; что дезертировал, некто Пардильо из взвода Жоэля Иглесиаса.

Противник стремился во что бы то ни стало перерезать нам путь к реке Хатибонико, через которую

нам необходимо переправиться. Вражеские самолеты с методической пунктуальностью бомбят лесистые места, через которые мы проходили накануне. Во время одного из налетов в воздухе взорвался реактивный истребитель, о чем ты слышал, возможно, по радио. 10 октября несколько самолетов противника все же застали нас в лесу и обстреляли из пулеметов, но потерь мы не понесли. На следующий день наша передовая группа захватила небольшое поселение, примыкавшее к рисовой плантации.

Перехватив несколько телефонных переговоров, мы узнали, что батистовцам было известно о нашем местонахождении, но и мы не дремали. Наш отряд быстро покинул лес, в котором укрывался, и остановился на день в одном из домов. Из перехваченных телефонных разговоров следовало также, что батистовцы не верили в то, что мы сможем преодолеть оставшиеся нам до реки Хатибонико примерно десять километров. Разумеется, мы прошли ночью этот отрезок пути и переправились вплавь на другой берег реки, хотя и намочили при этом все наше оружие.

Перебравшись на противоположный берег, мы оказались в безопасном районе и в тот же день прошли еще пять километров. Река в данном случае служила для нас своеобразным ориентиром, рубежом, за которым находились спасительные горы. Мы увидели их еще накануне; они синели вдали, притягивая нас к себе, по образному выражению Рамиро Вальдеса, как магнит, и каждый, даже самый ленивый, стремился как можно скорей добраться до них.

Но раньше, чем мы достигли гор, нам пришлось проделать нелегкий путь через болота, рисовые плантации и поля сахарного тростника, переправиться через реку Саса, которая является, пожалуй, одной из самых широких рек на Кубе, и 15 октября, ночью, пробиться сквозь последний вражеский заслон на дороге Тринидад - Санкти-Спиритус. После всех этих перипетий мы вступили, наконец, в горы, и началось выполнение нашей нелегкой политической задачи.

Я слышал о том, что произошло в районе Вега[23], - без сомнения, это результат неопытности; с Рамиро Вальдесом этого бы не произошло. Дай нам время, и ты увидишь, что его присутствие здесь не напрасно для дела революции.

notes

Сноски

1

Алегрия-де-Пио - это местечко, расположенное в провинции Орьенте, муниципальный округ Никеро, неподалеку от мыса Крус, где нас захватили врасплох батистовские войска 5 декабря 1956 года.

2

Сентраль - сахарный завод вместе с плантацией. - Прим. пер.

3

Боио - крестьянская хижина. - Прим. пер

4

Гуахиро - крестьянин. - Прим. пер.

5

Арройо-дель-Инфьерно - это небольшой ручей, впадающий в реку Пальма-Моча.

6

Диас Тамайо - министр обороны в правительстве Батисты. - Прим. ред.

7

Чибас - руководитель левого крыла партии ортодоксов. Прим. ред.

8

Гусанос - в переводе на русский язык - черви. Так называют на Кубе контрреволюционеров. - Прим. перев.

9

Пино-дель-Агуа - это название лесопилки, расположенной в глубине Сьерры.

10

Кантинфлас - известный мексиканский комик. -Прим. ред.

11

Будучи после победы революции командующим войсками Повстанческой армии в Камагуэе, организовал контрреволюционный заговор. Был арестован и осужден на длительное тюремное заключение. - Прим. ред.

12

Так на Кубе презрительно называли солдат батистовской армии. - Прим. ред.

13

Юка вид корнеплода. - Прим. ред.

14

Гуагуэро на Кубе означает, "водитель автобуса"; - Прим. пер.

15

Так на Кубе назывались повстанцы, боровшиеся против испанского господства в конце Х1Х века. Они тоже издавали газету под названием "Эль Кубано либре". - Прим. ред.

Прио Сокаррас - бывший президент Кубы. - Прим. ред.

17

Речь идет о хунте кубинского освобождения, которую решили создать на совещании в Майами представители буржуазных партий. - Прим. ред.

18

10 марта 1952 года на Кубе был совершен военный переворот, приведший к власти диктатора Фульхенсио Батисту. - Прим. ред.

19

Название "аутентики" члены буржуазной кубинской революционной партии получили оттого, что именовали свою партию истинно (autentico) революционной. Прим. ред.

20

Антонио Масео национальный герой Кубы. Вместе с Хосе Марти и генералом Максимо Гомесом генерал Антони Масео возглавил в 90-х годах XIX века национально-революционную войну кубинского народа против испанских колонизаторов. - Прим. ред.

21

Генерал Табернилья был командующим батистовской армии. - Прим. ред.

22

Санта-Клара представляет собой крупный город с населением в 150 000 жителей, расположенный в центральной равнинной части страны. Он является важным железнодорожным узлом и центром пересечения основных коммуникаций Кубы. Вокруг него находятся небольшие голые холмы, на которых противник уже организовал оборону.

23

Название местности, где впервые потерпели неудачу войска Повстанческой армии. - Прим. ред.